

ВЕСТНИК МГПУ.

**СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ».**

**MCU JOURNAL OF PHILOLOGY.
THEORY OF LINGUISTICS.
LINGUISTIC EDUCATION**

№ 2 (58)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2025**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М.

председатель

ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО

Геворкян Е. Н.

заместитель председателя

первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО

Агранат Д. Л.

заместитель председателя

проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Тарева Е. Г.

главный редактор

доктор педагогических наук, профессор

Викулова Л. Г.

заместитель главного редактора

доктор филологических наук, профессор

Смирнова А. И.

заместитель главного редактора

доктор филологических наук, профессор

Алмазова Н. И.

доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)

Аmineва В. Р.

доктор филологических наук, доцент (Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Афанасьева О. В.

доктор филологических наук, профессор

Беляева И. А.

доктор филологических наук, профессор (МГУ им. М. В. Ломоносова)

Богданова Л. И.

доктор филологических наук, профессор (МГУ им. М. В. Ломоносова)

Васильев С. А.

доктор филологических наук, профессор

Геймбух Е. Ю.

доктор филологических наук, профессор

Гиллеси Д. Ч.

кандидат педагогических наук, профессор

Джумайло О. А.

доктор филологических наук, доцент (Южный федеральный университет)

Журавлева Е. А.

доктор филологических наук, профессор (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан)

Колесников А. А.

доктор педагогических наук, доцент

Колмогорова А. В.

доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ, Петербургская школа гуманитарных наук и искусств)

Курдюмов В. А.

доктор филологических наук, профессор

Лесневска Д. С.

доктор филологии, доцент (Университет национального и мирового хозяйства, София, Болгария)

Матвеева И. И.

секретарь

кандидат филологических наук, доцент

Матюшина Н. В.

ответственный секретарь

кандидат филологических наук, доцент

Меркулова М. Г.

доктор филологических наук, профессор

Романова Г. И.

доктор филологических наук, доцент

Серебrenникова Е. Ф.

доктор филологических наук, профессор (Иркутский государственный университет)

Собянина В. А.

доктор филологических наук, профессор

Сулейманова О. А.

доктор филологических наук, профессор

Тивьяева И. В.

доктор филологических наук, доцент

Турамуратова И. И.

доктор филологических наук, доцент (Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан)

Чернявская В. Е.

доктор филологических наук, профессор, член Санкт-Петербургского союза ученых (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)

Чупрына О. Г.

доктор филологических наук, профессор

Якушевич И. В.

доктор филологических наук, доцент

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

<i>Карасик В. И.</i> Семиотика назиданий в казахских сказках	7
<i>Васильев С. А., Кузовлева О. О.</i> Стиль Велимира Хлебникова в контексте культурной эпохи: черты неоромантизма	21
<i>Громов А. В., Смирнова А. И.</i> Гомерический смех и черный юмор в русских романах В. В. Набокова	35

Русистика. Германистика. Романистика

<i>Серебренникова Е. Ф.</i> Дискурсивный потенциал местоимения «Nous»: виды инклюзии с точки зрения лингвосемиотического подхода	49
<i>Собянина В. А.</i> Интернет-аннотация к парфюмерным товарам как продвигающий текст	64
<i>Календр А. А.</i> Особенности выражения медицинского черного юмора в англоязычном художественном дискурсе	82
<i>Яковлева И. В.</i> Пространственные категории в условиях двуязычия: особенности употребления предлогов <i>на</i> и <i>в</i> в речи взрослых носителей эритажного русского языка	93

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

<i>Гринев С. В., Сорокина Э. А.</i> К истории формирования антропологистики	105
<i>Райскина В. А.</i> Концептуализация человека в афористике эпохи Возрождения	124
<i>Стрижак У. П.</i> Агентивность как семантическая категория: онтологическая сущность языковой структуры	139

Языковое образование. Методика преподавания филологических дисциплин

Алмазова Н. И., Халяпина Л. П. Интеграция программ
искусственного интеллекта в языковое образование:
методические аспекты подготовки будущих учителей..... 160

Колесников А. А. Искусственный и(или) естественный
интеллект: перспективы языкового образования
в контексте интеллектуально-личностных ориентиров
и вызовов..... 173

Вишневская Е. М., Иванова А. М. Понимание как диалог
с текстом: генеративный искусственный интеллект
в обучении переводу 190

Требования к оформлению статей.....203

CONTENTS

Literary Science

<i>Karasik V. I.</i> Semiotic Prescriptions in Kazakh Tales	7
<i>Vasilyev S. A., Kuzovleva O. O.</i> The Style of Velimir Khlebnikov in the Context of Cultural Epoch: the Features of Neo-romanticism.....	21
<i>Gromov A. V., Smirnova A. I.</i> Homeric Laughter and Black Humor in V. V. Nabokov's Russian Novels.....	35

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

<i>Serebrennikova E. F.</i> The Discursive Potential of the Pronoun «Nous»: Types of Inclusion from the Point of View of the Linguosemiotic Approach	49
<i>Sobyagina V. A.</i> Internet Annotation for Perfume Products as a Promotional Text	64
<i>Kalendr A. A.</i> Ways to Express Black Humor in English Belles-letters Medical Discourse.....	82
<i>Iakovleva I. V.</i> Spatial Categories in Case of Bilingualism: the Use of the Russian Prepositions <i>na</i> 'on' and <i>v</i> 'in' by Adult Heritage Speakers.....	93

Linguistic Theory. Cross-Cultural Communication Theory

<i>Grinev S. V., Sorokina E. A.</i> On the History of the Formation of Antropolinguistics	105
<i>Rayskina V. A.</i> Conceptualization of the Human in Renaissance Aphoristics	124
<i>Strizhak U. P.</i> Agentivity as a Semantic Category: the Ontological Essence of Language Structure.....	139

Language Teaching, Methodology of Teaching Philological Disciplines

<i>Almazova N. I., Khalyapina L. P.</i> Integration of Artificial Intelligence Programs into Language Education: Methodological Aspects of Training Would-be Teachers.....	160
<i>Kolesnikov A. A.</i> Artificial and/or Natural Intelligence: Perspectives on Language Education in the Context of Intellectual-Personal Benchmarks and Challenges	173
<i>Vishnevskaya E. M., Ivanova A. M.</i> Comprehension as a Dialogue with the Text: Generative Artificial Intelligence in Translation Training	190
Style Sheet	203

Научная статья

УДК 398.21(=512.122)

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-7-20

СЕМИОТИКА НАЗИДАНИЙ В КАЗАХСКИХ СКАЗКАХ

Карасик Владимир Ильич

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,

Москва, Россия,

vkarasik@yandex.ru, orcid.org/0000-0001-8306-5317

Аннотация. Рассматриваются предписания поведения, выраженные в казахских сказках. Целью статьи является описание ценностей, норм и традиций в сказочном тексте. В основу работы положено предположение о том, что сказка представляет собой ценностно маркированный текст, его главные функции сводятся к нормам поведения, объяснению причинно-следственных связей в поступках людей и изложению ключевых идей в увлекательной форме, понятной детям. В семиотическом плане ценности проявляются в общении в трех видах: специализированном, связанном и ситуативно наведенном. Лингвокультурная специфика сказок проявляется во внешних и внутренних индикаторах сюжетного своеобразия этих текстов, к первым относятся описания местности, одежды, еды и других реалий повествования, ко вторым — ценности, нормы и традиции поведения людей и волшебных существ. В качестве материала взяты тексты из сборников сказок, опубликованных и размещенных в сети Интернет. Используются методы контент-анализа, интент-анализа и интерпретативного анализа. Казахские сказки в жанровом отношении представляют собой неоднородное собрание чудесных повествований, притч и поучительных житейских историй. Ключевые наизидания в этих текстах сводятся к тому, что зло неизбежно бывает наказано, мириться с ним нельзя, нужно быть смелым, но при этом проявлять осторожность, нужно защищать своих, мудрость является высшим достоинством человека, но иногда и мудрец допускает ошибки. Национальный колорит в этих сказках заключается в особом статусе коня в жизни кочевников, в описании одежды, еды и обычаев героев. Ключевые ценности в сказках осмысливаются как символы.

Ключевые слова: казахские сказки, наизидание, аллегория, жанр, ценности.

Для цитирования: Карасик, В. И. (2025). Семиотика назиданий в казахских сказках. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(58), 7–20. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-7-20>

Original article

UCD 398.21(=512.122)

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-7-20

SEMIOTIC PRESCRIPTIONS IN KAZAKH TALES

Vladimir I. Karasik

Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow, Russia,
vkarasik@yandex.ru, orcid.org/0000-0001-8306-5317

Abstract. The paper deals with prescriptions of behavior expressed in Kazakh fairy tales. The aim of the article is to describe values, norms and traditions expressed in a fairy tale text. The work is based on the assumption that a fairy tale is a value-labelled text, its main functions are reduced to the prescriptions of behavior, explanation of cause-and-effect in the actions of people and the expression of basic ideas in an entertaining form for a child's mind. In semiotic terms, values are manifested in communication in three main types — specialized, connected and situationally induced. Linguocultural specificity of fairy tales is manifested in external and internal indicators of the narrative. The first include descriptions of terrain, clothes, food and other realities of the narrative, while the latter include values, norms and traditions of behavior of people and magical creatures. The material used is texts from collections of fairy tales published and posted on the Internet. The methods used are content-analysis, intent-analysis and interpretative analysis. Kazakh fairy tales comprise a heterogeneous collection of miraculous stories, parables and instructive life stories. The key prescription in these texts is that evil is inevitably punished, evil cannot be tolerated, one must be brave but careful, one must protect dear ones, wisdom is the highest virtue of man, but sometimes a wise man makes mistakes. The national coloring in these tales lies in the special status of the horse in the life of nomads, in the description of clothes, food and customs of the heroes. The key values in the tales are conceptualized as symbols.

Keywords: Kazakh fairy tales, edification, allegory, genre, values.

For citation: Karasik, V. I. (2025). Semiotic prescriptions in Kazakh tales. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(58), 7–20. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-7-20>

Введение

Целью статьи является описание ценностей, норм и традиций в казахском сказочном тексте. Основой работы служит предположение о том, что сказка представляет собой ценностно маркированный текст, значимые функции которого сводятся к предписаниям поведения, объяснению причинно-следственных связей в поступках людей и выражению

главных идей в увлекательной форме, понятной детям. Семиотический подход к изучению сказок состоит в выявлении, описании и объяснении жанровых, дискурсивных и лингвокультурных характеристик соответствующих текстов.

Методология исследования

В семиотическом плане ценности проявляются в общении в трех видах: специализированном, связанном и ситуативно наведенном. Лингвокультурная специфика сказок дает о себе знать во внешних и внутренних индикаторах сюжетного своеобразия этих текстов, к первым относятся описания местности, одежды, еды и других реалий повествования, ко вторым — ценности, нормы и традиции поведения людей и волшебных существ. В данной работе рассматриваются аксиологические характеристики казахских народных сказок¹. В качестве материала используются тексты сказок, напечатанные в трехтомном собрании казахских сказок под ред. В. М. Сидельникова и проанализированные в его вводной статье (Сидельников, 1958), а также тексты сказок, опубликованные в Интернете. Используются методы контент-анализа, интент-анализа и интерпретативного анализа.

Аксиогенная специфика сказочного текста

В народных сказках отражаются важнейшие ценности и нормы поведения, которые передаются от поколения к поколению в ярких запоминающихся образах и назидательных сюжетах (Адоньева, 2000; Акименко, 2013; Алещенко, 2008; Бурыкин, 2017; Воркачев, 2017; Гронская, 1998; Жирмунский, 1979; Зуева, 2001; Кравцов, 1973; Краюшкина, 2011; Медриш, 2021; Мелетинский, 1976; Надбитова, 2011; Пименова, 2018; Плахова, 2013; Пропп, 1969; Садалова, 2008; Франц, 1998; Юдин, 1998; Aarne, 1910; Thompson, 1955–1958). Ключевые функциональные особенности этого фольклорного жанра обусловлены назначением сказок — объяснить адресатам, обычно детям, основы отношений между людьми, показать варианты правильного и неправильного выбора в судьбе, убедить слушателей в том, что жизнь интересна, хотя и полна опасностей, а чудеса возможны. В сказках воплотилась народная философия, обусловленная особенностями жизни людей, необходимостью борьбы за существование и важностью понимания своей идентичности — принадлежности своему сообществу. Фольклорная сказка специфически трансформируется в литературной сказке (Викулова, 2008; Королькова, 2010; Назаренко, Приходько, 2013).

¹ Казахские сказки: в 3 т. / сост. и ред. В. М. Сидельникова. Алма-Ата: Казахск. гос. изд-во худ. лит., 1964. URL: <http://www.rodon.org/other/ks3.htm>

Ценности, как известно, представляют собой концентрат культуры и входят множественное и вариативное выражение в коммуникативной практике (Губман, 1998; Дементьев, 2016; Карасик, 2019; Микешина, 2009; Северская, 2014). В семиотическом плане ценности обнаруживают себя в общении в трех основных видах: специализированном, связанном и ситуативно наведенном. В первом случае назначение дискурса, т. е. текста в определенной коммуникативной ситуации, сводится к продвижению и объяснению правильного и неправильного поведения, во втором случае оценочное содержание той или иной информации служит сопутствующим и фоновым, а в фокусе оказывается фактуальное содержание повествования или описания, в третьем случае ценностная интерпретация такого содержания обусловлена личностными и ситуативными особенностями общения. Грань между объективным и субъективным содержанием информации зыбка и размыта.

Разные типы ценностей могут специфически комбинироваться в рамках того или иного сюжета, смысловжизненные ориентиры мировосприятия проявляются в соблюдении или нарушении моральных норм, кроме того, в осмыслении утилитарных правил полезного или вредного для субъекта поведения. Специфика сказочного дискурса состоит в постепенном и наглядном развертывании сюжета, в отличие от концентрированного выражения ценностей в пословицах или поговорках. Нарративная специфика сказок заключается в последовательности сюжетных мотивов, т. е. коммуникативных ходов, предполагающих тот или иной выбор со стороны героя и определяющих логику повествования (Веселовский, 1940; Силантьев, 2009). Последовательность должна включать в себя некоторую интригу, поддерживающую внимание адресатов, кульминацию как завершение данной интриги и подведение некоторых итогов. В этом плане представляют интерес диалогические характеристики сказочных зачинов и завершения текста, а также различные модусные операторы в повествовании, демонстрирующие отношение рассказчика к излагаемым событиям.

Аксиологические характеристики казахских сказок

Обратимся к содержанию казахских сказок. В статье приводится краткое изложение проанализированных текстов.

Различные испытания, которые выпадают на долю героя, показаны в сказке «Караглыш».

Жили-были пять братьев. Они засеяли поле пшеницей и заметили, что кто-то приходит и поедает зерно. Братья по очереди стал караулить поле, но только младшему из них, по имени Караглыш, удалось увидеть, что ночью прилетела с неба черная кобылица. Он поймал ее, и она попросила его отпустить ее, пообещав отдать ему и его братьям пять жеребят. Караглышу достался самый резвый жеребенок. Однажды

Караглыш увидел дым, прискакал туда, там было жилище ведьмы. Он поймал пять ее дочерей и ускакал. Но ведьма догнала его, пообещала ему отдать своих дочерей и пригласила его переночевать в ее юрте. Его жеребенок предупредил героя, что ведьма собирается убить его и уже пошла точить железный зуб. Караглыш всю ночь не смыкал глаз, и ведьме пришлось отдать своих дочерей братьям героя. Она предупредила их, что им нельзя останавливаться на определенной горе, но они ее не послушали и попали в плен к змею, который там жил. Утром Караглыш подошел к юрте змея, вошел в нее и пообещал отпустить его братьев, если герой приведет к нему бессмертную дочь одного царя. Караглыш согласился, отправился в путь и встретил по пути пять помощников: одного, который мог двигать горы; другого, который мог выпивать всю воду из озера; третьего, у которого был чудесный слух; четвертого, который был прекрасным стрелком; пятого, умевшего бегать быстрее всех. Герой пришел к этому царю, царь пообещал ему свою дочь, если он выполнит пять поручений, а в противном случае царь пообещал его убить. Это были состязания по бегу, а затем нужно было провести время в железном доме, стоявшем на раскаленных углях. Волшебные друзья помогли герою выполнить задания. Он взял дочь царя, привел ее змею и благополучно ушел с братьями.

В данной сказке присутствуют определенные символы и предписания поведения. Ключевым считается сакральное число «пять» — пять братьев, пять жеребят, пять дочерей ведьмы, пять друзей главного героя и пять испытаний. Подчеркивается значимость коня — верного друга для героя. Показательна встреча с ведьмой: в трансформированном виде представлена история брачных отношений у кочевников, можно понять, что девушек часто похищали. Интересно то, что ведьма собирается убить героя, а когда он проходит испытание, она дает ему полезный совет. Волшебные помощники, которые дают возможность богатырю выполнить задания царя, в определенной мере интернациональны, их качества прослеживаются в сказках разных народов. Можно сделать выводы, что анализируемая сказка адресуется в первую очередь мальчикам, в ней видны следующие наизидания: нужно быть смелым, но в то же время осмотрительным, нужно прежде всего помогать своим родным и защищать их, нужно поддерживать дружеские отношения с людьми, и друзья всегда придут на помощь. Действующие лица в повествовании — батыр (богатырь), его братья, царь, а также волшебные существа — ведьма, змей, бессмертная дочь царя. Как и в сказках других народов, именно младшему сыну принадлежит роль главного героя. Мы видим, насколько значимыми были у кочевников состязания по бегу и скачкам на конях. До сих пор у тюркских народов существует игра *кыз куу* (букв. — погоня за девушкой): молодой человек должен на лошади догнать скачущую девушку, которая на 12–15 метров опережает его; догнав ее, он может ее поцеловать. Есть и симметричный вариант состязания: девушка на коне преследует всадника и, если она его догоняет, она наносит ему удар плетью.

Грустные наблюдения о человеческой природе высказаны в сказке «Совет голуубей».

Когда-то жила стая голубей со своим ханом. Однажды несколько голубей залетели в заброшенный караван-сарай и увидели там огромное количество рассыпанного зерна. Они обратились к хану с просьбой перелететь туда всей стаей. Хан был против, сказав, что в погоне за большим потеряешь и малое, но стая его уговорила. Птицы увидели зерно, стали клевать его, но это была приманка охотника, расставившего сеть. Наелись голуби, но подняться не смогли — все попали в сеть. Хан напомнил им, что предупреждал их об опасности. Тогда они решили дружно вспорхнуть и, оставаясь в сети, полететь, это им удалось. За ними наблюдал ворон, он проследил, куда они полетели, и сообщил об этом охотнику. Голуби приземлились у другого караван-сарая и увидели множество мышиных нор. Хан обратился к аксакалу мышей. Он попросил его, чтобы мыши перегрызли петли сетей, в которые попали голуби. Мыши исполнили просьбу. Хан голубей поблагодарил хана мышей и пообещал ему, что всегда будет рад помочь мышиному народу. Но хан мышей ответил, что сближаться с голубями не желает, поскольку есть пословица: «Добру отвечают злом». Аксакал мышей рассказал о человеке, который спас змею от пожара, а она обвилась вокруг его шеи, готовясь его ужалить. Человек стал ее стыдить, и змея напомнила ему об этой пословице. Она предложила ему спросить других. Они подошли к старому дереву, которое много лет дарило крестьянину свои плоды, а плоды кончились, тот решил его спилить, затем подошли к волу, который много лет помогал земледельцу пахать землю, а потом этот человек решил продать его на мясо, наконец, они обратились к лисе, и хитрая лиса предложила змее залезть в мешок, и затем человек убил змею. После этого хан голубей спросил хана мышей, почему люди покинули этот караван-сарай. Аксакал мышей ответил, что однажды туда пришли люди, раскопали мышиные норы, нашли сокровища и забрали их себе, за это мыши стали им мстить, портя все, и людям пришлось уйти. Ворон, слушавший эти разговоры, захотел подружиться с ханом мышей. Тот вначале отказывался, а потом согласился и попросил ворона перенести его через реку для встречи с лягушкой, его давней подругой. Они встретились, и лягушка предупредила своего друга, что ворон его непременно съест. Так и произошло. Проголодавшийся ворон забыл о своей клятве и проглотил мышь. Лягушка прыгнула в воду.

Данная сказка резко отличается от большинства народных сказок — у нее нет счастливого конца. Можно сказать, что она представляет собой пограничный нарратив между сказкой и притчей. Повествование сложное и включает в себя истории внутри историй. Главные действующие лица первой истории — хан голубей и хан мышей. Важно отметить, что статус руководителей своего племени подтвержден их мудростью и возрастом. Одно из назиданий сводится к тому, что руководитель должен быть мудрым. Но затем сюжет разворачивается, и мы видим, что мудрых руководителей племя может уговорить совершить необдуманные поступки. В сказке есть два речения, которые выражены назиданиями: «В погоне за большим можно потерять и малое» и «Добру отвечают злом». Сравним в русской лингвокультуре: «От добра добра не ищут» и «Не делай людям добра, если не хочешь получить зло». Эти грустные выводы о человеческой природе иллюстрируются примерами о спасении змеи (сюжет является интернациональным, он в сжатом виде представлен во фразеологизме «змея за пазухой»), затем примерами о старом плодовом дереве и старом воле.

Спасение приходит только тогда, когда удастся перехитрить безжалостное существо. Хитрая лиса выступает в качестве спасителя. Финал истории предсказуем: мудрый аксакал мышей поверил хищному ворону и стал его жертвой. Отсюда следует назидание — нельзя доверять тем, кто хоть однажды проявил свою бессердечную сущность. Логически следуют выводы о необходимости быть готовым к бескомпромиссной борьбе с противником, о недопустимости жалости к нему и о том, что даже мудрые и опытные люди делают ошибки.

Некоторые сказки, по-видимому, автобиографически отражают горький опыт рассказчиков. Такова история «Удав-женщина».

У одного богатого человека был сын-красавец. Этот юноша решил найти себе жену. Три года странствовал, никого не встретил, но на пути домой познакомился с одной красавицей, в которую страстно влюбился. Они поженились и первые годы жили счастливо, а затем этот молодой человек стал болеть и превратился в желтый скелет, обтянутый кожей. Юноша нашел кудесника-врача и попросил его о помощи. Тот разложил свои книги и нашел в них описание этой болезни. Там было сказано, что силы у человека отнимает женщина-змея, которая питается его энергией. Если ее не уничтожить, то через два года она окончательно превратится в удава и проглотит всех жителей аула. Нужно не спать, убрать из жилища всю воду, тогда это существо примет образ змеи и уползет к реке, чтобы напиться. Так и произошло. Как только она напивается, она принимает вид женщины. Чтобы избавиться от змеи, следует построить железный дом, обложить его соломой, заманить туда это чудовище и поджечь солому. Молодой человек обратился к кузнецам, те выковали ему железный дом, а крестьяне принесли солому. Затем он сказал своей жене-красавице, что им предстоит переехать в новое жилье, и когда она туда вошла, он быстро выскочил, захлопнул дверь, развел огонь, и змея сгорела.

В данной незамысловатой сказке выделяются три сюжетных мотива: поиск жены-красавицы, заболевание, избавление от змеи. Соответственно, можно установить назидания для юношей: красивая внешность порой скрывает очень плохой характер; определив причину неблагоприятного развития событий, нужно незамедлительно действовать; есть люди, которые способны поставить диагноз в самых сложных ситуациях. Женщину-змею уничтожают жестоким образом. Приходится констатировать, что сожжение ведьм на кострах инквизиции в Европе интертекстуально перекликается с сюжетом описываемой inferнальной восточной сказки.

Высоким позитивным смыслом наполнена короткая сказка о друзьях «Атумтай и Нашарван».

Жили когда-то на свете два друга — Атумтай и Нашарван. Первый был щедр, а второй справедлив. Позавидовали шайтаны их дружбе и решили нарушить ее. Для этого они влезли им в души, и старые друзья стали непримиримыми врагами. Пошел Нашарван на прогулку, навстречу ему вышел Атумтай с шашкой. Тогда Нашарван воскликнул: «О Атумтай! Ты всегда был щедр, отдай мне твою шашку и докажи этим, что ты остался таким же!..». Хотел Атумтай изрубить его, но подумал, что тогда он навсегда лишится чести, и передал оружие своему врагу. Отдав свою шашку,

он напомнил противнику, что тот всегда был справедлив. И, вместо того чтобы нанести удар, Нашарван бросился навстречу своему бывшему другу и крепко обнял его. Шайтаны потерпели поражение.

Из повествования вытекают четкие наизидания: настоящую дружбу невозможно уничтожить, шайтаны (черты в мусульманской картине мира) пытаются рассорить людей, всегда есть возможность примирения у врагов. Конечно, в реальной жизни редко удастся найти убедительные аргументы для прекращения вражды, но сказка напоминает нам о том, что их нужно искать.

В сказке «Чудесный сад» сказано о высших ценностях нашей жизни.

Жили когда-то два друга-бедняка — Асан и Хасен. Асан обрабатывал клочок земли, а Хасен пас стадо. У Асана была красивая и ласковая дочь, а у Хасена — сильный и послушный сын. В одну из весен Хасена постигла беда — все его бараны пали. Он пришел проститься к своему другу, а тот предложил ему половину своего поля. И Хасен сделался земледельцем. Прошли годы. Однажды, обрабатывая свой участок, он наткнулся на котелок, доверху наполненный золотыми монетами. Не помня себя от радости, он отнес клад своему другу, а тот сказал, что клад принадлежит тому, кто его нашел. И тогда друзья решили отдать клад своим детям, которые давно любили друг друга. Отпраздновали свадьбу. Но дети не согласились с тем, что богатство должно достаться им. И все отправились за советом к мудрецу, жившему далеко от них. Тот выслушал пришедших и обратился к своим ученикам с вопросом, как нужно распорядиться этим богатством. Один ученик сказал, что золото нужно отдать хану; другой предложил взять его себе; третий сказал, что котелок нужно вновь зарыть в землю; а четвертый, самый младший ученик, предложил на эти деньги купить семян и вырастить тенистый сад в пустой степи, чтобы в нем могли отдыхать все усталые бедняки. Мудрецу понравился этот ответ, и он отправил юношу в ханскую столицу, чтобы тот купил семян для этого сада. Придя в город, он долго ходил по базару и вдруг услышал пронзительные крики. Через город шел караван с клетками, в которых сидели птицы, они были связаны за лапки, а их крылья бились, как тряпки, о верблюжий бок. Юноша спросил у караванщика, кому предназначались эти птицы, и тот ответил, что вез их к ханскому столу. Молодой человек предложил караванщику кувшин с золотом, и тот продал ему пленных птиц. Освобожденные птицы взвились в небо и улетели. Счастливый юноша пошел домой, но чем ближе он подходил к родным местам, тем тяжелее у него становилось на сердце, поскольку семян он не купил. Он лег на землю, и вдруг увидел, что над его головой порхают птицы, каждая из которых принесла семя, они разрыли землю, вложив туда это семя, и из земли устремились ввысь побеги, которые росли все выше и выше и превратились в мощные деревья, покрытые белыми цветами. Вскоре из цветов появились прекрасные яблоки. Над ними летали птицы. Узнали об этом всадники хана и устремились в этот сад, но когда они дотронулись до яблок, то без дыхания свалились на землю. И тогда в этот сад пришли бедняки, мужчины и женщины, старики и дети. Они срывали с деревьев плоды, но плодов не становилось меньше. Когда наступила ночь, из яблок заструился мягкий голубой свет, птицы запели, и бедняки впервые в жизни заснули крепким сном, довольные и счастливые.

Красивая сказка представляет собой чудесное описание рая. Переключка с библейским текстом очевидна, однако вместо Каина и Авеля перед нами два вполне земных человека, которые готовы прийти на помощь друг другу. Принято считать, что богатство портит характер людей. Но в сказке «Чудесный сад» показано, что людям с чистым сердцем оно не принесет вреда. Главные персонажи сказки — идеальные люди, а выращенный в пустыне сад — райский сад. Подчеркивается, что сад открыт только для бедняков. Социальная критика направлена в адрес хана, приказавшего доставить ему караван птиц для пира, и ханских воинов, устремившихся туда. Отметим и справедливого судью, который поддержал своего младшего ученика. Другие ученики, заметим, предложили иные варианты использования богатства. Можно установить следующие назидания, вытекающие из повествования: чудеса возможны, добрые люди будут вознаграждены, у людей с добрым сердцем и дети добрые, освобождение пленников есть благо. Очевидно, что текст представляет собой идиллию, красивую картину; по-видимому, создан сравнительно недавно и является авторской сказкой, поскольку фольклорные тексты более реалистичны. Кроме того, стилистика текста напоминает сказки Оскара Уайльда.

Прямое поучение выражено в сказке «Счастье Кадыра».

Жили-были два брата. Старший был разумный и работающий, а младший — бестолковый, ленивый и завистливый. Звали его Кадыр. Пришел Кадыр к брату и стал спрашивать, почему у него нет счастья. Брат ответил ему, что его счастье любит трудиться, а счастье Кадыра где-то спит под карагачом. В тот же день Кадыр отправился в путь искать свое счастье. Встретился ему на дороге лев, спросил его, куда тот идет, и пожаловался, что у него постоянная резь в желудке. Попросил лев узнать, как от этого избавиться. Затем увидел Кадыр трех человек: старика, старушку и их дочь. Они сидели и горько плакали. Выяснилось, что купил старик это поле, работает на нем не покладая рук, а к середине лета весь урожай выгорает. Пообещал Кадыр узнать, почему это происходит. Пришел он в ханскую столицу. Схватили его стражники и привели к хану. Хан спросил, что Кадыр ищет, признался, что нет у него счастья, и попросил узнать, почему так вышло. Странствовал Кадыр три года и пришел к черной горе, там под развесистым карагачом лежало немытое и нечесаное существо, похожее на человека. Разбудил его Кадыр, оно отругало этого парня, но потом ответило на его вопросы. Вернулся Кадыр к хану и сказал, что счастья у хана нет, потому что он женщина. Посоветовал он ей найти себе достойного мужа. Предложила она ему быть ханом, но Кадыр отказался. Трем плакавшим землепашцам он сказал, что в поле спрятан клад, и поэтому все посевы гибнут. Обрадовались они, предложили ему остаться с ними и взять их дочь в жены. И он вновь отказался. Встретив льва, он передал ему, что тот избавится от боли, если съест мозг глупца. Лев ответил, что большего глупца, чем Кадыр, он не встречал, прыгнул на него, но парень увернулся, и лев насмерть разбился об камень. Обрадовался Кадыр, воскликнул, что смерть угрожала ему, а он остался жив. Теперь он стал работающим и веселым и больше не жаловался, что у него нет счастья.

Назидание прямо выражено в тексте: чтобы быть счастливым, надо работать, надо встретить любимого человека, надо радоваться жизни. Счастье человека похоже на его зеркальное отражение. Истины, высказанные в данной сказке, общеизвестны. Хорошее здоровье, хорошая работа, любимый и любящий человек рядом составляют счастье. Вероятно, после того как герой преобразился, его счастье, лежавшее под деревом, тоже изменилось.

Соревнование умов отражено в сказке «Искусство Егельмана».

В Багдаде жил один мудрец по имени Егельман. Все люди страны знали Егельмана. Обиженные приходили к нему за советом, спорящие — чтобы мудрец рассудил их, больные шли избавиться от недуга, а умные любили побеседовать с мудрым человеком. Прослышал хан о мудрости Егельмана и повелел позвать его к себе. Привели царские слуги Егельмана к хану, и стал он жить при дворе. Хан часто совещался с мудрецом и не переставал восхищаться его умом. Захотел хан сделать его визирем. Узнал об этом визирь и сказал хану, что этот человек опасен, он может погубить всех и стать ханом. Хан согласился с ним и поручил ему придумать, как извести Егельмана. Вызвал визирь мудреца к себе и сказал ему, что хан требует, чтобы Егельман за две недели написал научный труд, ответив на вопросы: «Каким образом хан должен обогащать свой народ?» и «Каким образом хан может вытравить злобу у своих подчиненных?». Через неделю мудрец принес книгу и сказал, что хочет вручить ее лично хану. Его пригласили в покои хана, там был накрыт стол. Егельман понял, что в вино подмешан яд, бросил туда незаметно небольшой кристалл и выпил вино. Затем он незаметно для других обмакнул пальцы в яд, отстоявшийся на дне чашки, и обратился к визирю: «Дорогой визирь! Вот вам книга. Она очень полезна, особенно важны вот эти страницы». С этими словами мудрец провел пальцами, обмоченными ядом, по страницам открытой книги. Затем он попросил у хана разрешения и удалился. Как только за Егельманом закрылась дверь, хан и визирь взяли книгу и прочитали: «Если хан хочет видеть своих людей незлобивыми, добрыми, пусть сначала сам освободится от злобы». «Если хан хочет видеть свой народ богатым, пусть воспитывает в них трудолюбие». «Кто бы ты ни был, оближи эту страницу книги девять раз, и у тебя никогда не уменьшатся силы». Обрадовались хан и визирь и стали в драку лизать книгу. Тут и пришел им конец.

В этой истории нет чудес, назидание в ней сводится к тому, что не следует причинять зло другому человеку — оно возвращается по кругу. Нужно знать, что мудрый человек способен за себя постоять. Важен вывод о том, что доброе отношение властителя подвержено внезапным переменам. В сказке игнорируется то, что в мусульманском сообществе вино находится под запретом. Назидательный смысл истории ясен и очевиден.

Заключение

Казахские сказки в жанровом отношении представляют собой неоднородное собрание чудесных повествований, притч и поучительных житейских

историй. Ключевые наиздания в этих текстах сводятся к тому, что зло неизбежно бывает наказано, мириться с ним нельзя, нужно быть смелым, но при этом проявлять осторожность, нужно защищать своих, мудрость является высшим достоинством человека, но иногда и мудрец допускает ошибки. Национальный колорит в казахских сказках воплощен в особом статусе коня в жизни кочевников, в описании одежды, еды и обычаев героев. Значимые ценности в сказках осмысливаются как символы.

Список источников

1. Адоньева, С. Б. (2000). *Сказочный текст и традиционная культура*. Издательство СПбГУ.
2. Акименко, Н. А. (2013). *Лингвокультурные характеристики англосаксонского сказочного дискурса*. Издательство Калмыцкого университета.
3. Алещенко, Е. И. (2008). *Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки)*. Монография. Перемена.
4. Бурыкин, А. А. (2017). *Хантыйские сказки и фольклор урало-алтайских народов*. Формат.
5. Веселовский, А. Н. (1940). *Историческая поэтика*. Гослитиздат.
6. Викулова, Л. Г. (2008). Французская литературная сказка предпросветительского периода: фактор адресата. *Языковой дискурс в социальной практике* (с. 36–41). Материалы межвузовской научно-практической конференции. ТвГУ.
7. Воркачев, С. Г. (2017). К истокам этнической ментальности: Иван-дурак как лингвокультурный герой. *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*, 1, 117–123.
8. Гронская, О. Н. (1998). *Немецкая народная сказка: язык и картина мира*. Монография. Санкт-Петербургская академия МВД России.
9. Губман, Б. Л. (1998). Ценности. *Культурология. XX век* (с. 342–343). Энциклопедия. Т. 2. Университетская книга.
10. Дементьев, В. В. (2016). *Речежанровые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи*. Монография. Издательство Саратовского университета.
11. Жирмунский, В. М. (1979). К вопросу о международных сказочных сюжетах. *Сравнительное литературоведение. Восток и запад* (с. 336–343). Наука.
12. Зуева, Т. В. (2001). Сказка. *Литературная энциклопедия терминов и понятий* (с. 989–994). А. Н. Николюкин (Гл. ред. и сост.). Интелвак.
13. Карасик, В. И. (2019). *Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы*. Гнозис.
14. Королькова, Я. В. (2010). О соотношении литературной сказки и фэнтези. *Вестник Томского государственного педагогического университета*, вып. 8(98), 142–144.
15. Кравцов, Н. И. (1973). Сказка как фольклорный жанр. *Специфика фольклорных жанров* (с. 68–84). Наука.
16. Краюшкина, Т. В. (2011). *Физиология и психология персонажей русских народных волшебных сказок*. Дальнаука.
17. Медриш, Д. Н. (2021). О поэтике волшебной сказки. В А. Х. Гольденберг, О. О. Путило, Н. Е. Тропкина. *Профессор сказочных наук. Научная биография Д. Н. Медриша* (с. 194–222). Монография. Флинта.

18. Мелетинский, Е. М. (1976). Миф, сказка, эпос. *Поэтика мифа* (с. 262–276). Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».
19. Микешина, Л. А. (2009). Современное развитие понятия «ценность». *Ценности и смыслы*, 1, 6–17.
20. Надбитова, И. С. (2011). *Сюжеты, образы и стилевые традиции калмыцких волшебных сказок*. Джангар.
21. Назаренко, Е. В., Приходько, Н. А. (2013). Современная авторская сказка как пример постмодернистского дискурса. *Universum: Филология и искусствоведение*, 2(2). <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/405>
22. Пименова, М. В. (2018). *Этногерменевтика русской сказки*. Монография. Инфра-М.
23. Плахова, О. А. (2013). *Лингвосемиотика английской сказки: жанровое пространство, знаковая репрезентация, дискурсивная актуализация*. Монография. Издательство ТГУ.
24. Пропп, В. Я. (1969). *Морфология сказки*. 2-е издание. Наука.
25. Садалова, Т. М. (2008). *Алтайская народная сказка: формы этнобытования, типология сюжетов, поэтика и текстология*. Горно-Алтайский государственный университет.
26. Северская, О. И. (2014). Система ценностей в зеркале русской прессы 2000-х. *Журналистский ежегодник*, 3, 24–27.
27. Сидельников, В. М. (1958). Народный сказочный эпос казахов. *Казахские сказки* (с. V–XXIX). В. М. Сидельникова (Сост. и ред.). Т. 1. Казахское государственное издательство художественной литературы.
28. Силантьев, И. В. (2009). *Сюжетологические исследования*. Языки славянской культуры.
29. Франц, М.-Л. фон. (1998). *Психология сказки. Толкование волшебных сказок. Психологический смысл искупления в волшебной сказке*. URSS.
30. Халилова, Г. М. (2019). «Сиротство» как один из начальных мотивов сказок и его мифологическая семантика. *Вестник Казахского национального университета им. аль-Фараби. Серия филологическая*, 174(2), 88–94.
31. Юдин, Ю. И. (1998). *Русская народная бытовая сказка*. Академия.
32. Aarne, A. (1910). *Verzeichnis der Märchentypen mit Hülfe der Fachgenossen ausgearbeitet*. Suomalaisen tiedeakademian toimituksia. http://misc.bibl.u-szeged.hu/24970/1/014_006_001-066.pdf
33. Thompson, S. (1955–1958). *Motif-index of folk-literature: a classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, medieval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends*. Revised and enlarged edition. Indiana University Press. https://ia600301.us.archive.org/18/items/Thompson2016MotifIndex/Thompson_2016_Motif-Index.pdf

References

1. Adonyeva, S. B. (2000). *Fairy tale text and traditional culture*. Izdatel'stvo SPbSU. (In Russ.).
2. Akimenko, N. A. (2013). *Linguocultural characteristics of Anglo-Saxon fairy tale discourse*. Izdatel'stvo Kalmy'czkogo universiteta. (In Russ.).
3. Aleshchenko, E. I. (2008). *Ethno-linguistic picture of the world in the texts of Russian folklore (on the material of folk tale)*. Monograph. Peremena. (In Russ.).

4. Burykin, A. A. (2017). *Khanty tales and folklore of the Ural-Altaic peoples*. Format. 416 p. (In Russ.).
5. Veselovsky, A. N. (1940). *Historical poetics*. Goslitizdat. (In Russ.).
6. Vikulova, L. G. (2008). French literary fairy tale of the pre-Enlightenment period: the addressee factor. *Language discourse in social practice* (p. 36–41). Proceedings of the interuniversity scientific conference. TvSU. (In Russ.).
7. Vorkachev, S. G. (2017). Towards the origins of ethnic mentality: Ivan the Fool as a linguocultural hero. *Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University*, 1, 117–123. (In Russ.).
8. Gronskeya, O. N. (1998). *German folk tale: language and world picture*. Monograph. Sankt-Peterburgskaya akademiya MVD Rossii. (In Russ.).
9. Gubman, B. L. (1998). Values. *Kulturologia. The twentieth century* (p. 342–343). Encyclopaedia. Vol. 2. Universitetskaya kniga. (In Russ.).
10. Dementiev, V. V. (2016). *Speech-genre communicative values in new and newest spheres of Russian speech*. Monograph. Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. (In Russ.).
11. Zhirmunsky, V. M. (1979). To the question of international fairy-tale plots. *Comparative Literature. East and West* (p. 336–343). Nauka. (In Russ.).
12. Zueva, T. V. (2001). Fairy Tale. *Literary Encyclopaedia of Terms and Concepts* (p. 989–994). Editor-in-chief and co-editor. A. N. Nikolukin. NPC 'Intelvak'. (In Russ.).
13. Karasik, V. I. (2019). *Linguistic spiral: values, signs, motives*. Gnosis. (In Russ.).
14. Korolkova, Y. V. (2010). On the correlation of literary fairy tale and fantasy. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, iss. 8(98), 142–144. (In Russ.).
15. Kravtsov, N. I. (1973). The fairy tale as a folklore genre. *Specificity of folklore genres* (p. 68–84). Nauka. (In Russ.).
16. Krayushkina, T. V. (2011). *Physiology and psychology of the characters of Russian folk magic fairy tales*. Dalnauka. (In Russ.).
17. Medrish, D. N. (2021). On the poetics of the magic fairy tale. In A. H. Goldenberg, O. O. Putilo, N. E. Tropkina. *Professor of fairy tale sciences. Scientific biography of D.N. Medrish* (p. 194–222). Monograph. Flinta. (In Russ.).
18. Meletinsky, E. M. (1976). Myth, Fairy Tale, Epic. *Poetics of Myth* (p. 262–276). Glavnaya redakciya vostochnoj literatury` izdatel'stva «Nauka». (In Russ.).
19. Mikeshina, L. A. (2009). Modern development of the concept 'value'. *Values and meanings, 1*, 6–17. (In Russ.).
20. Nadbitova, I. S. (2011). *Plots, images and style traditions of Kalmyk magic fairy tales*. Dzhangar. (In Russ.).
21. Nazarenko, E. V., Prikhodko, N. A. (2013). Modern author's fairy tale as an example of postmodern discourse. *Universum: Philology and Art History*, 2(2). <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/405> (In Russ.).
22. Pimenova, M. V. (2018). *Ethnohermeneutics of Russian fairy tale*. Monograph. Infra-M. (In Russ.).
23. Plakhova, O. A. (2013). *Linguosemiotics of the English fairy tale: genre space, sign representation, discursive actualisation*. Monograph. Izdatel'stvo TSU. (In Russ.).
24. Propp, V. Ya. (1969). *Morphology of the fairy tale*. 2nd ed. Nauka. (In Russ.).
25. Sadalova, T. M. (2008). *Altai folk tale: forms of ethnobytovanie, typology of plots, poetics and textology*. Gorno-Altai State University. (In Russ.).
26. Severskaya, O. I. (2014). The system of values in the mirror of the Russian press of the 2000s. *Journalist Yearbook*, 3, 24–27. (In Russ.).

27. Sidelnikov, V. M. (1958). Folk fairy-tale epic of Kazakhs. *Kazakh Fairy Tales* (p. V–XXIX). V. M. Sidelnikov (Comp. and ed. By). Vol. 1. Kazaxskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo xudozhestvennoj literatury'. (In Russ.).
28. Silantiev, I. V. (2009). *Syuzhetological studies. Yazy'ki slavyanskoj kul'tury'*. (In Russ.).
29. Franz, M.-L. von. (1998). *The psychology of the fairy tale. The interpretation of magical fairy tales. The psychological meaning of redemption in the magic tale.* URSS. (In Russ.).
30. Khalilova, G. M. (2019). 'Orphanhood' as one of the initial motifs of fairy tales and its mythological semantics. *Bulletin of the Kazakh National University named after al-Farabi. Series philological*, 174(2), 88–94. (In Russ.).
31. Yudin, Y. I. (1998). *Russian folk domestic fairy tale.* Academy. (In Russ.).
32. Aarne, A. (1910). *Verzeichnis der Märchentypen mit Hülfe der Fachgenossen ausgearbeitet.* Suomalaisen tiedeakademian toimituksia. http://misc.bibl.u-szeged.hu/24970/1/014_006_001-066.pdf
33. Thompson, S. (1955–1958). *Motif-index of folk-literature: a classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, medieval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends.* Revised and enlarged edition. Indiana University Press. https://ia600301.us.archive.org/18/items/Thompson2016MotifIndex/Thompson_2016_Motif-Index.pdf

Информация об авторе / Information about the author

Владимир Ильич Карасик — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина.

Vladimir I. Karasik — D. Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 821.161.1-1Хлебников.08

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-21-34

**СТИЛЬ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА
В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ЭПОХИ:
ЧЕРТЫ НЕОРОМАНТИЗМА****Васильев Сергей Анатольевич¹,****Кузовлева Ольга Олеговна²**

¹ Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,
okdomovenok@yandex.ru, <https://orchid.org/0000-0002-6985-5002>

² Литературный институт им. А. М. Горького,
Москва, Россия,
pzaargentina@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены черты неоромантизма в индивидуальном стиле Велимира Хлебникова (1885–1922), сформировавшегося как писатель и как мыслитель в неоромантическую в своей основе культурную эпоху Серебряного века. К интерпретации значения термина «неоромантизм» существуют различные подходы (Л. П. Щенникова, Е. Ю. Кармалова, З. Г. Минц). Как неоромантические явления в некоторых случаях осмысляются предсимволизм, символизм и постсимволизм. Мы придерживаемся интегративного подхода, данного в работах И. Г. Минераловой, постулировавшей наличие единого культурного стиля эпохи Серебряного века как определяющего фактора творчества. В этой связи неоромантизм в его многообразных составляющих, включая и различные этапы его формирования и развития, — одна из определяющих черт этого культурного стиля, имеющего своей доминантой стремление к художественному синтезу, «новой стилизации», мистериальному началу в творчестве. Ключевыми среди собственно неоромантических черт стиля В. Хлебникова являются синтез искусств и «новая стилизация», реализованная посредством «живописания звуком», «звукового символизма», неологизмов, других литературных приемов, а также мистериальное начало, жизнестроительство, определяющая роль в произведениях образа поэта-пророка, кардинальное обновление художественных форм творчества.

Ключевые слова: Велимир Хлебников, культурный стиль эпохи, неоромантизм.

Для цитирования: Васильев, С. А., Кузовлева, О. О. (2025). Стиль Велимира Хлебникова в контексте культурной эпохи: черты неоромантизма. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(58), 21–34. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-21-34>

Original article

UDC 821.161.1-1Khlebnikov.08

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-21-34

THE STYLE OF VELIMIR KHLEBNIKOV IN THE CONTEXT OF CULTURAL EPOCH: THE FEATURES OF NEO-ROMANTICISM

Sergey A. Vasilyev¹,Olga O. Kuzovleva²¹ Moscow City University,

Moscow, Russia,

okdomovenok@yandex.ru, <https://orchid.org/0000-0002-6985-5002>² Maxim Gorky Literature Institute,

Moscow, Russia,

pzaargentina@mail.ru

Abstract. The article examines the features of neo-romanticism in the individual style of Velimir Khlebnikov (1885–1922), who was formed as a writer and as a thinker in the basically neo-romantic cultural era of the Silver Age. There are various approaches to the interpretation of the meaning of the term neo-romanticism (L. P. Schennikova, E. Y. Karmalova, Z. G. Mints). In some cases, pre-symbolism, symbolism and post-symbolism are interpreted as neo-romantic phenomena. We adhere to the integrative approach given in the works of I. G. Mineralova, who postulated the existence of a single cultural style of the Silver Age as a determining factor of creativity. In this regard, neo-romanticism in its diverse components, including the various stages of its formation and development, is one of the defining features of this cultural style, which is dominated by the desire for artistic synthesis, «new stylization», and a mystical beginning in creativity. The key among the actual neo-romantic features of V. Khlebnikov's style are the synthesis of art.

Keywords: Velimir Khlebnikov, cultural style of epoch, neo-romanticism.

For citation: Vasilyev, S. A., Kuzovleva, O. O. (2025). The Style of Velimir Khlebnikov in the Context of Cultural Epoch: the Features of neo-romanticism. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(58), 21–34. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-21-34>

Введение

Исследование творчества и стиля одной из крупнейших фигур русской литературы и — шире — русской и мировой культуры XX века — Велимира Хлебникова (1885–1922) в своих «отправных точках» (Тынянов, 2000, с. 223) неразрывно связано с контекстом эпохи, в которую поэт творил и которая его сформировала. В этой связи логично обратиться к понятиям культурной эпохи и ее культурного стиля, ставшим основой филологического инструментария поздних, методологических и историко-литературных трудов академика П. Н. Сакулина. В своей работе «Синтетическое построение истории

литературы», рассуждая о содержании и форме как об «основных и одинаково ценных элементах того художественного организма, который называется поэтическим произведением», высшим обобщением в этой области П. Н. Сакулин называет «стиль писателя, стиль поэтической школы и, может быть, стиль эпохи» (Сакулин, 1925, с. 19). Исследователь подчеркивает, что «творчество отдельных писателей находится в зависимости от литературных направлений и от всей духовной структуры времени» (Сакулин, 1925, с. 48), а «культурный стиль эпохи» (Сакулин, 2019, с. 154) предлагает рассматривать как один из определяющих факторов творчества. Данное направление исследования продолжает и углубляет И. Г. Минералова, которая вводит в литературоведение понятие «‘культурного стиля’ эпохи серебряного века» (Минералова, 2009, с. 15).

Особенностью подхода ученого к осмыслению развития литературы и искусства в целом рубежа XIX–XX веков служит целостное понимание словесности вне зависимости от того, к какому литературному направлению принадлежит то или иное произведение или даже творчество автора в целом. Культурный стиль эпохи в таком контексте выступает интегративной категорией, объединяющей и символизм как ядро модернизма с ярко выраженной неоромантической основой, и реализм (неореализм), в частности творчество писателей, группировавшихся вокруг издательства «Знание».

Футиристическая литературная школа, явно наследующая открытия символизма, хотя и, как правило, воспринимающая их в полемическом ключе, но в значительной степени, как и их непосредственные предшественники, реализует неоромантические установки. Вместе с тем, как отмечал В. Н. Альфонсов, «мировоззрение футуристов не было единым» (Альфонсов, 2001, с. 31), а значит, при его рассмотрении особое внимание надо обращать не столько на черты школы, сколько на особенности творческой индивидуальности писателя, тем более столь выделяющейся в богатейшем контексте Серебряного века, как Велимир Хлебников. Неоромантические черты его поэтического стиля, хотя и отчасти предопределенные культурной эпохой и художественными ориентирами группы «Гилея», но обусловлены прежде всего его собственными философскими и литературными поисками и открытиями.

Основная часть

Термин «неоромантизм» достаточно широк по смысловому охвату. На его содержание, структуру, как и на хронологические рамки, существуют различные точки зрения.

Неоромантизм иногда понимается как «условное, неустойчивое наименование ряда эстетических тенденций, возникших в литературе европейских стран в конце 19 – нач. 20 вв.» (Бен, 1968, стб. 233–235). Писатели и критики рубежа веков прибегали к нему «для описания переходности культуры

от “старого” к “новому” – “молодому”, “современному”» (Толмачев, 2001, с. 640). Неоромантизм сохранял в себе требование романтизма, подразумевал «возобновление великой национальной традиции и “юношеский” протест нового литературного поколения против “позитивистской” системы ценностей» (Толмачев, 2001, с. 640).

Одним из первых в России термин «неоромантизм» осмыслил и описал историк русской литературы и общественной мысли, библиограф, профессор С. А. Венгеров, давший очерк литературного развития рубежа веков в вышедшем под его редакцией сборнике статей «Русская литература XX века». Понятие «русский неоромантизм» он считает наиболее подходящим «к характеристике русского литературного движения 1890–1910 годов» (Венгеров, 1914, с. 17) и определяет его как во многом господствующую в литературе и, шире, в культуре стилевую тенденцию конца XIX – начала XX века.

Термин «неоромантизм» был актуализирован в отечественном литературоведении спустя почти столетие, на рубеже XX–XXI веков, причем как минимум в нескольких научных концепциях.

Согласно мнению Л. П. Щенниковой, неоромантизм предшествовал символизму. В своей монографии «Русский поэтический неоромантизм 1880–1890-х годов: эстетика, мифология, феноменология» ученый рассматривает неоромантизм как новую стадию в истории отечественного романтизма. Для новых романтиков характерно выведение из «хаоса мира и хаоса сознания» некоего зиждительного начала, жизнестроение. Они модифицируют в новую культурно-историческую эпоху образ поэта-пророка, способного «увлекать людей на подвиги, качествами вождя и Творца», что создает «высокое понимание миссии художника слова» и предполагает «мистериальный способ использования сакрального текста» (Щенникова, 2010, с. 420).

В. Ф. Марков писал об исключительно своеобразном творческом поиске Хлебникова: он «совершенно не поддавался влияниям, формировавшим поэзию его современников, зато пренебрегаемые и презируемые ими традиции очень много для него значили» (Марков, 2000, с. 148–149). Он же находит интересные параллели между произведениями Будетлянина и текстами романтической эпохи. Так, с его точки зрения, начало, первые два паруса, сверхповести «Дети Выдры» «удивительно напоминает немецкую романтическую комедию» (Марков, 2000, с. 149), пьеса «“Чертик” кажется пародией на вторую часть “Фауста” Гете» (Марков, 2000, с. 168) — вершинного произведения европейского романтизма, а концовка пьесы «Ошибка Смерти» «заставляет вспомнить комедии немецких романтиков (например, Людвига Тика), пытавшихся разрушить иллюзию сцены» (Марков, 2000, с. 257). Эти отдельные любопытные наблюдения можно продолжить, опираясь на системный подход к осмыслению традиций романтизма и черт неоромантизма в стиле Хлебникова.

Образ поэта-пророка, с которым в значительной степени связываются неоромантические представления о творце, очень характерен для произведений Хлебникова, реализующего романтизм как тип творчества (Кузовлева,

2023), и обращает читателя не только к доминантам современной культуры, но и к пушкинско-лермонтовской романтической традиции XIX века. Для нее характерны мотивы одиночества, непонимания обществом («толпой»), бегства от него и противоборства с ним, изгнания: «Я белый ворон, я одинок...» (Хлебников, 2000, I, с. 271), «Я с ужасом понял, что я никем невидим...» (Хлебников, 2001, II, с. 255). В частности, в общеизвестных стихотворениях «Гонимый — кем, почему я знаю?...» (<1912>), «Я вышел юношей один...» (<1921>), «Ещё раз, ещё раз...» (1922), «Одинокый лицедей» (1921, 1922). В последнем у В. Хлебникова имеются прямые аллюзии к «Пророку» А. С. Пушкина: «Как сонный труп, влачился по пустыне...» (Хлебников, 2001, II, с. 255), ср.: «В пустыне мрачной я влачился...», «Как труп в пустыне я лежал...» (Пушкин, 1948, с. 30).

Поэт-пророк Хлебникова в меньшей степени наделен функцией избранника, но сохраняет значение творца и жреца:

Люди изумленно изменяли лица,
Когда я падал у зари.
Одни просили удалиться,
А те молили: озари.

(Хлебников, 2000, I, с. 271)

Новый, характерный для культурной эпохи Серебряного века, образ поэта-пророка часто представляет собой неразделимое целое с поэтом-ученым, с присущими ему размышлениями о природе рока, судьбы, о числах и законах времени, что, по мысли самого Хлебникова и его литературных alter ego, должно дать человечеству возможность предотвращать войны и заняться светлым созидательным трудом (жизнестроительное начало в стиле):

Как рассказать володение чисел,
Поведать их полдням и нóчам?
О, сумасшествие п<р>орока,
Когда ты мир ночей потряс,
Ты лишь младенец в объятиях рока
Несся сквозь звездных сияние ряс.

(Хлебников, 2004, V, с. 262–263)

Отдельного внимания заслуживает литературная легенда, посредством которой Хлебников воспринимался его знакомыми как поэт-странник, дервиш, что прямо соотносится с рядом характерных образов его произведений.

Из традиционно романтических установок у Хлебникова сохраняется отсылка к Кавказу как к одному из значимых топосов и пейзажей и вместе с тем с уточнением актуальной, значимой для поэта, а соответственно, и лирического героя местности, где Велимир бывал: Дагестан, Персия. Ср. в «Ветке вербы» (1922): «Я узнал, что Кучук-Хан, разбитый наголову своим противником, бежал с горы, чтобы увидеть снежную смерть, и там, вместе с остатками войск, замерз во время снеговой бури на вершинах Ирана» (Хлебников, 2004, V, с. 367).

Громад во мгле оставив берег,
Направив вольной в море бег
И за собою бросив Терек,
Шел пароход и море сек.

(Хлебников, 2004, V, с. 259)

Среди черт неоромантизма, реализованных в художественном хронотопе Хлебникова, можно специально выделить ночь: «Ночь, полная созвездий...» (<1912>), «Ночь в Галиции» (1913), «Ночи запах — эти звезды...» (1921), «Ночь в Персии» (1921), «Ночной бал» (<1920>, 1922), «Ночной тишак...» (<1921>) и т. п. Эта тема подробно рассмотрена в статье С. А. Васильева «“Мы пастухи звезд!” (Звезды и звездное небо в творческом осмыслении Велимира Хлебникова)» и напрямую имеет выход на образ поэта-романтика, поэта-пророка, раскрывает его «мессианские черты» (Васильев, 2024, с. 81).

Согласно другой концепции, символизм и есть неоромантизм. Так, в своей работе «Неоромантизм в культуре серебряного века» Е. Ю. Кармалова подчеркивает, что для многих русских критиков и филологов начала XX века было характерно «представление о связях новой русской культуры с романтической традицией» (Кармалова, 2005, с. 5). В частности, эстетическая концепция крупнейшего идеолога, теоретика символизма и поэта Вяч. И. Иванова (Иванов, 1979) позволяет говорить о том, что «в культуре и мироощущении своей эпохи он видит неоромантические черты» (Кармалова, 2005, с. 13), а именно: соборность как «подчинение личной воли чувствованию и попечению вселенскому» и мистику. Индивидуализм и субъективизм романтизма, которые привели человечество к духовному кризису, могут быть преодолены посредством «синтетического мирозерцания и целостного жизнестроительства». Это близко к пониманию сущности искусства В. Соловьевым как теургии, т. е. «создание “сверхъестественного” действия, способного повлиять на окружающий мир» (Кармалова, 2005, с. 14).

Важной составляющей неоромантического образа поэта-пророка у Хлебникова действительно становится жизнестроительное начало: «нужно сеять очи, <...> должен сеятель очей идти!» (Хлебников, 2001, т. 2, с. 255); «Взлететь в страну из серебра, / Стать звонким вестником добра» (Хлебников, 2000, т. 1, с. 271).

Пророческая и житетворческая интонация лирического героя Хлебникова усиливается благодаря футуристическому эпатажу:

*«ПУСТЬ МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ РАСКОЛЕТСЯ
НА МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ
И МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ ПРИОБРЕТАТЕЛЕЙ*

— Вот слова новой священной вражды» (выделено авт. — С. В., О. К.) («Труба марсиан», 1016) (Хлебников, 2003, т. 4, с. 249). Здесь можно обозначить такие характерные для Хлебникова черты неоромантизма, как протест против позитивистской системы ценностей и бросающая эстетическая новизна.

Согласно еще одной концепции, неоромантизм распространяется и на пост-символистские течения. В статье «“Футуризм” и неоромантизм» З. Г. Минц вслед за Ю. Н. Тыняновым представляет неоромантизм в виде иерархически организованных подструктур, противопоставленных по ряду признаков, в частности «центр – периферия» (Минц, 2004, с. 317). «Центром центра» в таком случае следует считать младосимволизм («соловьевство»). В качестве подсистемы и «периферии» — «постсимволизм 1910-х годов во всех его ответвлениях» (Минц, 2004, с. 318). В этом смысле наследниками внутрисимволистских тенденций являются различные литературные группировки 1910-х годов, и в частности кубофутизм, который наследует «антиэстетизм, резкую конфронтацию с “наследием” предшественников, эпатаж, противопоставление нормативной (“правила”) и поэтической грамматики» (Минц, 2004, с. 318) и пр.

Все это свойственно и стилю Хлебникова. Равно как и обозначенные З. Г. Минц как неоромантические тенденции интерес к фольклору и литературной легенде, тяготение к универсальной (часто — к пантеистической) картине мира. Для Хлебникова обращение к фольклору с многократным упоминанием образов леших, русалок, мавы является очень характерным, так же как и реконструируемая в его произведениях языческая или пантеистическая старина.

Глобальные проблемы истории и бытия (жизнь/смерть, я/мир и т. д.) получают у Хлебникова неоромантическое преломление в облике лирического героя, который является не только частью мира, но и его создателем. Авторское мифотворчество — одна из значимых неоромантических черт эпохи. Ср. в произведениях «Две Троицы. Разин напротив» (1921–1922), «Я и Россия» (<1921>, 1922):

Гражданки и граждане
Меня — государства
Тысячеоконных кудрей толпились у окон.
(Хлебников, 2001, т. 2, с. 216)

«Труба Гуль-муллы» (1921):

И в звездной охоте
Я звездный скакун,
Я — Разин напротив,
Я — Разин навыворот. <...>
Плыл я на «Курске» судьбе поперек.
Он грабил и жег, а я слова божок.
(Хлебников, 2002, т. 3, с. 302)

Обращение к истории своей страны и переживания за судьбу России в переломную эпоху, непрестанный интерес к актуальным вопросам (самодержавие и революция, славянский вопрос и др.) свидетельствуют о творческом продолжении великой национальной традиции в произведениях В. Хлебникова и репрезентирует собой еще одну важную черту неоромантизма.

Еще одна прямо связанная с неоромантизмом важнейшая черта стиля поэта — синтез искусств и сопряженное с ним мистериальное начало. Тяготение искусств друг к другу, по словам И. В. Корецкой, возникает «в периоды национального духовного подъема» (Корецкая, 2001, с. 131). Таковыми были 20–30-е годы XIX века в Европе, «в пору расцвета романтизма». Такие же тенденции наблюдаются и в русском неоромантизме 1890–1910-х годов, «каждая из модификаций коего — символизм, акмеизм, футуризм — возникала под знаком содружества муз» (Корецкая, 2001, с. 131).

По мнению И. Г. Минераловой, одна из главных черт культурного стиля рубежа XIX–XX веков — художественный синтез. В широком смысле он понимается как «синтез искусств», который был реализован в различных опытах «синтеза явлений литературы, живописи, музыки» (Минералова, 2009, с. 14). Говоря о Серебряном веке, И. Г. Минералова вводит понятие «новый синтез». Он включает в себя религиозно-мистическую основу или, по словам выдающегося филолога и философа А. Ф. Лосева, «идеологию» (Лосев, 1976, с. 190). Кроме того, в самом синтезе искусств возникает такой уровень их взаимодействия, который рождает «новую стилизацию». Развивая идеи Вяч. Иванова, И. Г. Минералова отмечает, что «органичное слияние искусств не цель, а средство для решения сверхзадачи грандиозного вселенского масштаба» (Минералова, 2009, с. 52).

Художественный синтез в значительной мере реализуется и в стиле Велимира Хлебникова (Васильев, 2006). Один из главных футуристических лозунгов, сформулированных поэтом: «Мы хотим, чтобы слово смело пошло за живописью» (Хлебников, 2005, VI, с. 200). Заявленный здесь синтез поэзии и живописи «в значительной мере неизбежно сводится к стилизации литературного произведения под живописные приемы образного письма» (Минералова, 2009, с. 173).

Велимир был наделен художественным дарованием и «имел большие способности к рисованию» (Хлебникова, 2015, с. 101), по желанию отца занимался на дому с художниками и, по словам хлебниковеда С. В. Старкиной, «стал вполне профессиональным художником, подобно многим своим друзьям-футуристам» (Старкина, 2007, с. 17). Синтез слова и живописи в стиле Хлебникова представлен с разной степенью сближения искусств. Речь может идти о живописных источниках отдельных произведений Велимира, в частности, рассмотренных в монографии Р. В. Дуганова «Велимир Хлебников. Природа творчества» (Дуганов, 1990), или, например, о жанрах, которые он использует или заимствует в изобразительном искусстве и переносит в сферу художественного слова, в частности портреты. Например, Хлебников создает поэтический портрет А. Е. Крученых в стихотворении «Крученых» (1921) и графический — в рисунке 1913 года, портрет В. Е. Татлина в стихотворении «Татлин, тайновидец лопастей...» (1916) и в рисунке в 1916 года. Либо пишет только словесные портреты, например Давида Бурлюка («С широкою кистью...», 1921), М. Ю. Лермонтова («На родине красивой смерти — Машуке...», 1921).

Но если синтез искусств в творчестве В. Хлебникова изучался многократно, то анализ «новой стилизации» в его стиле заслуживает более пристального внимания и обоснования. К «новой стилизации» можно отнести хлебниковское «живописание звуком». Наиболее ярко оно воплощено в стихотворении «Бобэоби...» (<1908–1909>). Позже в своих комментариях поэт расшифровывает «звуковые соответствия слова и глаза»: «Б, или ярко-красный цвет, а потому губы — бобэоби» (Хлебников, 2000, т. 1, с. 198) и т. д. Цветовые обозначения поэт раскрывает в статьях «Художники мира!» (1919) и «Наша основа» (1919), в «песне звукописи» в XV сверхповести «Зангези» (1922). Подобно художнику, Велимир в слове сопоставляет цвета, исходя из цветового значения наименьшей единицы — звука.

От «живописания звуком» стоит перейти к более значимому для Хлебникова «звуковому символизму». Синтез литературы и музыки как яркая неоромантическая черта представлен в стиле Хлебникова в меньшем, если не в большем объеме. Благодаря символистам синтез стал пониматься «не просто как система скрещивания, органического слияния одного искусства с другим», но прежде всего как «мистико-религиозный феномен» (Минералова, 2009, с. 190).

Для Хлебникова особое значение имеет поиск связей звука (звуковой оболочки) и языка, которые во многом были им восприняты через эстетику и поэтическую практику русских символистов, восходящую к А. А. Потебне (Потебня, 1989) и В. Гумбольдту (Гумбольдт, 1984); Велимир «стилизует музыкальность поэтической речи символистов» (Васильев, 2015, с. 22–23), и символистская концепция слова важна для него прежде всего как «переход» от «звукового символизма» к «магии слов» (Васильев, 2015). «Заклинательность» слова реализуется и достигается у Велимира разными способами. Ее истоки Хлебников в том числе черпает в обращении к народным заговорам. Ср. в «Ночи в Галиции» (<1913>): «Пиц, пац, пацу, / Пиц, пац, паца» (Хлебников, 2003, т. 4, с. 273).

Но можно ли говорить о «новой стилизации» у В. Хлебникова, воплощенной в той мере, в какой, например, Андрей Белый стремился достичь эффекта «музыкального симфонизма», давая «своеобразную адаптацию, переработку <...>, словесно-литературный аналог соответствующих чисто музыкальных средств» (Минералова, 2009, с. 169).

Одновременно с «Кубком метелей» А. Белого в 1907–1908 годах и позже в 1912 году формировались «симфонические» замыслы Хлебникова, подробно исследованные Л. Л. Гервер в монографии «Музыка и музыкальная мифология в творчестве русских поэтов (первые десятилетия XX) века» (Гервер, 2001, с. 198). Несмотря на то что симфонии изначально — многочастные объемные музыкальные произведения для симфонического оркестра в самостоятельную группу сочинений у Хлебникова не выделены, в записях поэта это слово встречается в связи с однокоренными словотворческими опытами, в частности в тетрадах 1907–1908 годов: «симфонии» Бы, Ярь, Любовь. В этот ряд Р. В. Дуганов предложил включить и «Заключение смехом» как «симфонию» «Смей»,

где «и мир, и стихотворение вырастают из одного корня, наподобие древа» (Гервер, 2001, с. 210). И текст, и принцип его порождения у Хлебникова получают музыкальное имя «симфония», в которой определяющее значение имеет процесс создания текста, символизирующего процесс сотворения мира.

Природа словотворчества для Хлебникова была родственной природе музыкальных процессов. Смыслоопределяющим становится поиск энергии в новом слове, попытка усилить ее, в том числе «за счет приемов смыслопередачи, сложившихся в других искусствах» (Минералова, 2009, с. 190). По словам Ю. И. Минералова, неологизм становится результатом нового синтеза, когда «самостоятельные значимые единицы-слова» выражаются в форме «одного-единственного слова» (Минералов, 2012, с. 190). Неологизмы как результат словотворчества у Хлебникова можно считать еще одним видом новой стилизации.

От синтетического музыкального жанра симфонии и понятия музыкального симфонизма, в большей степени свойственного раннему словотворческому периоду Хлебникова, у него намечается переход к более масштабному синтетическому явлению — мистерии. Звук и слово у Велимира становятся средством воздействия, а его художественная словесность в целом, стилизующая музыку, живопись и реализуемое в них синтетическое действо, позволяет все с той же настойчивостью, о которой писал Вяч. Иванов, превратить искусство в инструментарий магического действия. Целью в конечном счете становится потребность преобразить мир и человека средствами искусства, осуществить синтез искусства и жизни.

Мистерияльная составляющая стиля Хлебникова как сверхзадача синтеза реализуется на протяжении всего творческого пути писателя, причем не только в поэзии, но и в прозе. Это можно наблюдать в произведениях и статьях, связанных с преобразованием жизни человечества и включающих в себя футурологические прогнозы: в мистерии «Скуфья скифа» (1916), в стихотворении «Город будущего» (1920), в поэме «Ладомир» (1920, 1922), в статьях «Мы и дома» (<1914>), «Радио будущего» (1921). Так, в статье «Лебедия будущего» (1918) с отсылкой к стихотворению «Бобэоби...» вновь возникает образ лица, но в более объемном — мистерияльном звучании: «В праздники устраивалась “живопись пальбой”. Снарядами разноцветного дыма стреляли в разные точки неба. Например, глаза — вспышкой синего дыма, губы — выстрелом алого дыма, волосы — серебряного. Среди безоблачной синевы неба знакомое лицо, вдруг выступившее на небе» (Хлебников, 2005, т. 6, с. 139).

Согласно Вяч. Иванову, мистерияльность включает в себя «мотив восхождения» (Иванов, 1979, с. 158), который представляет собой «вечное восхождение к началу платоновских идей и пифагорейских чисел» (Иванов, 1979, с. 148). Для Хлебникова идеи пифагореизма были крайне важны. О себе он говорил: «Кеплер писал, что он слушает музыку небесных сфер. Я тоже слушаю эту музыку, и началось это еще в 1905 году» (Андриевский, 1985, с. 237). Постепенно число для Хлебникова становилось все более смыслоопределяющим.

В произведениях и трудах, включающих в себя поиски закона времени, мистериальность с ее романтической установкой на жизнетворчество приобретает особые черты и воплощение. В частности, в поэмах «Война в мышеловке» (1919), «Азы из узы» (<1920–1922>), в сверхповестях «Дети Выдры» (1911–1913), «Зангези» (1920–1922), в итоговом труде «Доски судьбы» (1922).

Заключение

В интерпретации значения термина «неоромантизм» существует вариативность концепций (Л. П. Щенникова, Е. Ю. Кармалова, З. Г. Минц). В каждом случае, идет ли речь о предсимволизме, символизме или постсимволизме, параллели между выделяемыми исследователями чертами этого явления и стилем Хлебникова весьма интенсивны. Мы придерживаемся данного в работах И. Г. Минераловой интегративного подхода, предполагающего наличие единого культурного стиля эпохи Серебряного века как фактора творчества.

Сформировавшийся в данную эпоху, один из наиболее крупных и оригинальных деятелей литературы и культуры этого времени Велимир Хлебников в своем творчестве и поэтическом стиле глубоко отразил и неповторимо художественно переосмыслил именно неоромантические черты культурного стиля рубежа XIX–XX веков, хотя художественный синтез характерен в целом для искусства этого периода, как неоромантического, так и неореалистического направлений. Стилеобразующим для Хлебникова становится мистериальное начало с идеей синтетического действия, имеющего жизнестроительные функции. К показательным неоромантическим чертам произведений Хлебникова относится ключевой для различных жанров его творчества образ поэта-пророка, унаследованного через традиции русской поэтической классики начала XIX века и включенного в контекст новой культурно-исторической эпохи рубежа веков, сопряженные с ним элементы романтического хронотопа — Кавказ как местность и ночь как время.

Кроме того, черты неоромантизма в стиле Хлебникова проявляются в живом художественном интересе к фольклору и литературной легенде; тяготении к универсальной, часто пантеистической картине мира; эстетической новизне и резкой (во всяком случае декларативно) конфронтации с наследием предшественников; творческом интересе к отечественной истории и ее образном, нередко имеющем мифопоэтический характер осмыслении; протесте против позитивистской системы ценностей, мировоззренческого утилитаризма. Анализ черт хлебниковского неоромантизма, имеющего очевидные точки сопряжения с романтическим типом мышления писателя, вместе с тем образует отдельную область исследования по изучению художественного стиля Велимира. Она позволяет более определенно вписать творческую индивидуальность Хлебникова в контекст культурного стиля эпохи Серебряного века и отечественной традиции, национального стиля.

Список источников

1. Альфонсов, В. Н. (2001). Поэзия русского футуризма. *Поэзия русского футуризма* (с. 5–66). Академический Проект.
2. Андриевский, А. Н. (1985). Мои ночные беседы с Хлебниковым. *Дружба народов*, 12, 228–242.
3. Бен, Г. Е. (1968). Неоромантизм. *Краткая литературная энциклопедия*: в 9 т. Т. 5, 233–235. Советская энциклопедия.
4. Васильев, С. А. (2015). «Воин не наступившего царства...» *Поэтический стиль Велимира Хлебникова*. Монография. Московский городской педагогический университет.
5. Васильев, С. А. (2006). «...Золотописьмо тончайших жил...» *Литература и другие виды искусства*. Литера.
6. Васильев, С. А. (2024). «Мы пастухи звезд!» Звезды и звездное небо в творческом осмыслении Велимира Хлебникова (на примере «Досок судьбы» и поздней лирики). *Небосвод, небесные светила и явления в художественной литературе и языковой картине мира* (с. 72–82). Зерцало.
7. Венгерова, С. А. (1914). Этапы неоромантического движения. *Русская литература XX века*. Т. 1. Мир.
8. Гервер, Л. Л. (2001). *Музыка и музыкальная мифология в творчестве русских поэтов. Первые десятилетия XX века*. Индрик.
9. Гумбольдт, В. (1984). *Избранные труды по языкознанию*. Прогресс.
10. Дуганов, Р. В. (1990). *Велимир Хлебников. Природа творчества*. Советский писатель.
11. Иванов, Вяч. (1979). Чурлянис и проблема синтеза искусств. *Иванов Вяч. Собрание сочинений*: в 4 т. Т. 3. Foyer Oriental Chretien (с. 147–170).
12. Кармалова, Е. Ю. (2005). *Неоромантизм в культуре серебряного века*. Издательство ОмГПУ.
13. Корецкая, И. В. (2001). Литература в кругу искусств. *Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов)*: в 2 кн. Кн. 1. (с. 688–731). Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Наследие.
14. Кузовлева, О. О. (2023). Черты романтизма как типа творчества в стиле В. Хлебникова. *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*, 27(4), 141–152.
15. Лосев, А. Ф. (1976). *Проблема символа и реалистическое искусство*. Искусство.
16. Марков, В. Ф. (2000). *История русского футуризма*. Алетейя.
17. Минералов, Ю. И., & Минералова, И. Г. (2012). *История русской литературы XX века (1900–1920-е годы)*. Студент.
18. Минералова, И. Г. (2009). *Русская литература серебряного века. Поэтика символизма*. Флинта: Наука.
19. Минц, З. Г. (2004). Футуризм и неоромантизм. К проблеме генезиса и структуры «Истории Бедного рыцаря» Ел. Гуро. *Минц З. Г. Поэтика русского символизма* (с. 317–326). Искусство–СПБ.
20. Потебня, А. А. (1989). *Слово и миф*. Правда.
21. Пушкин, А. С. (1948). Пророк. Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений*: в 16 т. Т. 3, кн. 1, 30–31. Издательство Академии наук СССР.
22. Сакулин, П. Н. (2019). *Наука о литературе, ее итоги и перспективы: социологический метод в литературоведении*. Либроком.

23. Сакулин, П. Н. (1925). *Синтетическое построение литературы*. Мир.
24. Старкина, С. В. (2007). *Велимир Хлебников*. Молодая гвардия.
25. Толмачев, В. М. (2001). Неоромантизм. *Литературная энциклопедия терминов и понятий* (с. 640–646). Интелвак.
26. Тынянов, Ю. Н. (2000). О Хлебникове. *Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911–1998)* (с. 214–223). Языки русской культуры.
27. Флоренский, П. А. (1990). *У водоразделов мысли*: в 2 т. Т. 2.
28. Щенникова, Л. П. (2010). *Русский поэтический неоромантизм 1880–1890-х годов: эстетика, мифология, феноменология*. Серебряный век.
29. Хлебников, В. В. (2000–2006). *Собрание сочинений*: в 6 т. Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Наследие.
30. Хлебникова, В. В. (2015). «Вы говорите, он ушел, мой тихий Брат?...». *Поэзия пера и кисти. Жизнь и творчество Веры Хлебниковой*: стихи, проза, письма (с. 99–102). РОС-ДОАФК.

References

1. Alfonsov, V. N. (2001). Poetry of Russian futurism. *Poetry of Russian futurism*. Academic project, 5–66. (In Russ.).
2. Andrievsky, A. N. (1985). My nightly conversations with Khlebnikov. *Friendship of Peoples*, 12, 228–242. (In Russ.).
3. Ben, G. E. (1968). Neo-romanticism. *A short literary encyclopedia*: in 9 vols. Vol. 5, 233–235. Soviet Encyclopedia. (In Russ.).
4. Vasiliev, S. A. (2015). “*The warrior of the Kingdom that has not come...*” Poetic style by Velimir Khlebnikov. Monograph. Moscow City University. (In Russ.).
5. Vasiliev, S. A. (2006). «...The golden writing of the finest veins...» Literature and other forms of art. The letter. (In Russ.).
6. Vasiliev, S. A. (2024). «We are shepherds of the stars!» Stars and the starry sky in the creative interpretation of Velimir Khlebnikov (using the example of “Boards of Fate” and late lyrics). *The firmament, celestial bodies and phenomena in fiction and the linguistic picture of the world* (p. 72–82). Zertsalo. (In Russ.).
7. Vengerov, S. A. (1914). Stages of the neo-romantic movement. *Russian literature of the XX century*. Vol. 1. Mir. (In Russ.).
8. Gerver, L. L. (2001). *Music and musical mythology in the works of Russian poets. The first decades of the 20th century*. Indrik. (In Russ.).
9. Humboldt, V. (1984). *Selected works on linguistics*. Progress. (In Russ.).
10. Duganov, R. V. (1990). *Velimir Khlebnikov. The nature of creativity*. The Soviet writer. (In Russ.).
11. Ivanov, Vyach. (1979). Churlyanis and the problem of art synthesis. *Ivanov Vyach. Collected works*: in 4 vol. Vol. 3. Foyer Oriental Chretien (p. 147–170). (In Russ.).
12. Karmalova, E. Y. (2005). *Neo-romanticism in the culture of the Silver Age*. Izdatel'stvo OmMGPU. (In Russ.).
13. Koretskaya, I. V. (2001). *Literature in the circle of arts. Russian Literature at the Turn of the Century (1890s – early 1920s)*: in 2 books. Book 1 (pp. 688–731). Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Heritage. (In Russ.).
14. Kuzovleva, O. O. (2023). The features of Romanticism as a type of creativity in the style of V. Khlebnikov. *Proceedings of the Southern Federal University. Philological Sciences*, 27(4), 141–152. (In Russ.).

15. Losev, A. F. (1976). *The symbol problem and realistic art*. Art. (In Russ.).
16. Markov, V. F. (2000). The history of Russian futurism. Alethea.
17. Mineralov, Yu. I. Mineralova, I. G. (2012). *The history of Russian literature of the 20th century (1900–1920th)*. Student. (In Russ.).
18. Mineralova, I. G. (2009). *Russian literature of the Silver Age. The poetics of symbolism*. Science. (In Russ.).
19. Mints, Z. G. (2004). Futurism and neo-romanticism. On the problem of the genesis and structure of the «Story of the Poor Knight» by El. Guro. *Mints Z.G. The Poetics of Russian symbolism* (p. 317–326). Art–St. Petersburg. (In Russ.).
20. Potebnya, A. A. (1989). *The word and the myth*. Truth. (In Russ.).
21. Pushkin, A. S. (1948). The Prophet. *Pushkin A. S. The Complete Works*: in 16 vols. Vol. 3, book 1, 30–31. Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.).
22. Sakulin, P. N. (2019). *The science of literature, its results and prospects: the sociological method in literary criticism*. Librocom. (In Russ.).
23. Sakulin, P. N. (1925). *Synthetic construction of literature*. World. (In Russ.).
24. Starkina, S. V. (2007). *Velimir Khlebnikov*. The Young Guard. (In Russ.).
25. Tolmachev, V. M. (2001). Neo-romanticism. *Literary encyclopedia of terms and concepts* (p. 640–646). Intelvak. (In Russ.).
26. Tynyanov, Yu. N. (2000). About Khlebnikov. *The World of Velimir Khlebnikov: Articles. Research (1911–1998)* (p. 214–223). Languages of Russian Culture. (In Russ.).
27. Florensky, P. A. (1990). *At the watersheds of thought*: in 2 vols. Vol. 2. (In Russ.).
28. Schennikova, L. P. (2010). *Russian poetic neo-romanticism of the 1880s and 1890s: aesthetics, mythology, and phenomenology*. The Silver Age. (In Russ.).
29. Khlebnikov, V. V. (2000–2006). *Collected works*: in 6 vol. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Heritage. (In Russ.).
30. Khlebnikova, V. V. (2015). «You say he’s gone, my quiet Brother?..» *Poetry by pen and brush. The life and work of Vera Khlebnikova: poems, prose, letters*. ROS-DOAFK, 99–102. (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

Сергей Анатольевич Васильев — доктор филологических наук, профессор, профессор департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Sergey A. Vasilyev — D. Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of Philology, Moscow City University.

Ольга Олеговна Кузовлева — аспирант кафедры русской классической литературы и славистики Литературного института им. А. М. Горького.

Olga O. Kuzovleva — Postgraduate Student of the Department of Russian Classical Literature and Slavic Studies, Maxim Gorky Literature Institute.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научная статья

УДК 821.161.1-31Набоков.06

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-35-48

ГОМЕРИЧЕСКИЙ СМЕХ И ЧЕРНЫЙ ЮМОР В РУССКИХ РОМАНАХ В. В. НАБОКОВА

Громов Алексей Владимирович¹,
Смирнова Альфия Исламовна²

^{1, 2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

¹ grymep4orina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3279-5376>

² alfia-smirnova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9198-548X>

Аннотация. Рассмотрена специфика смехового начала в романах В. В. Набокова «Отчаяние», «Король, дама, валет» и «Камера обскура». Описываются отличительные и общие признаки «божественного юмора» и черного юмора, отражающие ориентацию на создание абсурдистской картины мира. Анализируются формы выражения обоих видов юмора. «Божественный юмор» характерен для Автора-творца, являющегося неперсонифицированной маской В. В. Набокова и управляющего героями-марионетками, для которых, в свою очередь, свойственен черный юмор, выражающийся как через циничный смех, так и через иронию и издевки одних героев над другими. Гомерический смех в ранней прозе В. В. Набокова выполняет следующие функции: миромоделирующую, оценочную и эстетическую. Черный юмор реализует только две последние, актуализируя абсурдистскую картину мира и вызывая в читателе смешанные эмоции посредством развенчания морали. Делается вывод о том, что гомерический хохот является ключом к пониманию художественной реальности романов, поскольку маркирует присутствие Автора-творца, что обнажает кукольность образной системы и способствует восприятию текста через призму театрального представления.

Ключевые слова: абсурд, гомерический смех, черный юмор, циничный смех, трагикомизм, герой-марионетка, Автор-творец.

Для цитирования: Громов, А. В., Смирнова, А. И. (2025). Гомерический смех и черный юмор в русских романах В. В. Набокова. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(58), 35–48. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-35-48>

Original article

UDC 821.161.1-31.06Nabokov.06

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-35-48

HOMERIC LAUGHTER AND BLACK HUMOR
IN V. V. NABOKOV'S RUSSIAN NOVELSAlexey V. Gromov¹,Alfia I. Smirnova²^{1, 2} Moscow City University,
Moscow, Russia,¹ grymepe4orina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3279-5376>² alfia-smirnova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9198-548X>

Abstract. The article examines the specificity of the laughter element in such novels by V. V. Nabokov as «Despair», «King, Queen, Knave» and «Laughter in the Dark». The distinctive and common features of «divine» and black humor are described, reflecting the orientation toward creating an absurdist picture of the world. The forms of expression of both types of humor are analyzed. «Divine humor» is characteristic of the Author-creator, who is an impersonal mask of V. V. Nabokov and controls the puppet heroes, who, in turn, are characterized by black humor, expressed both through cynical laughter and through irony and mockery of some heroes over others. It is argued that Homeric laughter in the early prose of V. V. Nabokov performs the following functions: a world-modeling, evaluative and aesthetic. Black humor performs only the last two functions, actualizing the absurdist picture of the world and evoking mixed emotions in the reader by debunking morality. It is concluded that Homeric laughter is the key to understanding the artistic reality of novels, since it marks the presence of the Author-creator, which reveals the puppetry of the figurative system and facilitates the perception of the text through the prism of a theatrical performance.

Keywords: absurd, homeric laughter, black humor, cynical laughter, tragicomianism, puppet hero, Author-creator.

For citation: Gromov, A. V., Smirnova, A. I. (2025). Homeric laughter and black humor in V. V. Nabokov's Russian novels. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(58), 35–48. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-35-48>

Введение

По мнению известного теоретика литературы В. Е. Хализева, значимость смехового начала для художественной литературы сложно переоценить. Смех «может иметь самый разный характер» (Хализев, 2002, с. 97), но в широком смысле дифференцируется на два типа: жизнерадостный и насмешливый. Во втором случае его источником служит комическое, которое чаще всего выражается через иронию, особенно через «романтическую иронию». Ее подробная характеристика представлена

в исследованиях М. М. Бахтина. Однако выражением комического могут быть в том числе нередуцированные формы смеха, что и представляет интерес для анализа в настоящей статье.

Одним из характерных элементов смеховой поэтики раннего В. В. Набокова является гомерический смех, переплетающийся с сюрреалистическими и аллегорическими мотивами. Этот термин обозначает громкий и неудержимый хохот. Он назван в честь древнегреческого поэта Гомера, в произведениях которого боги осмеивали человеческие трагедии. Например, об этом пишет А. Ф. Лосев в труде «Гомер»: «Не нужно смущаться тем, что божественный юмор для смертных часто означает самую настоящую трагедию. Это именно для смертных так. А для самих богов смысл всего этого — только юмор» (Лосев, 1960, с. 317). Гомерический смех — это проявление «божественного юмора», тогда как черный юмор — удел смертных. Существует сложность в идентификации того, какой вид юмора присущ самому автору.

В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» черный юмор определяется следующим образом: «Исходя из восприятия мира как нелепости и хаоса, соединяющегося с жесткостью норм социального функционирования, “Ч. ю.” отказывает в состоятельности категориям выбора и “озабоченности”, центральным для экзистенциализма, и противопоставляет им мизантропический комизм как единственную подлинно человеческую реакцию на всеобщий абсурд бытия» (Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2001, с. 1200). Также теория черного юмора представлена в работах Л. Л. Черниченко («“Черный юмор” как форма модернистского романа») и А. Бретона («Антология черного юмора»). Как правило, этот вид юмора используется в целях шокирования реципиента и подчеркивания абсурдности ситуации, что расшатывает «обыденное мышление» и моральные ценности.

В анализируемых романах В. В. Набокова черный юмор выражается как через насмешку (ирония, сарказм) рассказчика или героя, так и через «злой, циничный смех» персонажей (по классификации В. Я. Проппа, представленной в работе «Проблемы комизма и смеха»). Приведем пример черного юмора, выраженного через иронию рассказчика из романа «Отчаяние»: «...помню, как Феликс упал, — он упал не сразу, сперва dokonчил движение, еще относившееся к жизни, — а именно почти полный поворот, — хотел, вероятно, в шутку повернуться передо мной, как перед зеркалом» (Набоков, 2006, т. 3, с. 502). Последующие примеры, которые будут приведены в ходе исследования, связаны с циничным смехом.

М. М. Бахтин, рассуждая об ограничениях, накладываемых эстетикой словесного творчества на выражение авторской позиции, писал об иронии как о замене молчания «первичного автора»: «Первичный автор, если он выступает с прямым словом, не может быть просто писателем: от лица писателя ничего нельзя сказать (писатель превращается в публициста, моралиста, ученого и т. п.). Поэтому первичный автор облекается в молчание. Но это молчание может принимать различные формы выражения, различные формы

редуцированного смеха (ирония), иносказания и др.» (Бахтин, 1986, с. 373). В художественной системе В. В. Набокова «первичный автор» фиктивен. Его функцию выполняет набоковская маска — Автор-творец, который безучастен к жизни своих героев по той причине, что они являются марионетками в его руках, а происходящие с ними события — художественным обманом. Автор-творец воплощает Божественное начало художественного мира, поэтому его смех над трагедиями марионеток представляется именно гомерическим, а не черным юмором, в рамках которого смертный осмеивает трагедию смертного.

М. М. Бахтин отметил редуцированный смех в качестве альтернативы прямого слова автора, однако у Набокова, по нашему мнению, иронией не исчерпываются возможности выражения авторской позиции. Гомерический смех — это тоже своеобразная альтернатива авторскому молчанию. Но нередуцированный смех, если он звучит не между строк, требует от автора уже персонафицированной маски, с чем В. В. Набоков справляется со свойственной ему легкостью благодаря игровому началу.

Традиционно гомерический смех приписывался только древнегреческим богам, спустя время его poznali и люди. В таких случаях смех вызывается Божественными силами (или силой рока, иронией судьбы). В русской литературе эта традиция была продолжена: гомерический смех присущ героям Л. Н. Толстого («Отрочество»), Ф. М. Достоевского (ранний рассказ «Ползунков» и роман «Бесы»), А. П. Чехова (рассказ «Кое-что»). В настоящей статье мы рассмотрим, как трансформируется смеховая традиция в русских романах В. В. Набокова, какова функция гомерического смеха в них и его связь с черным юмором.

Ход исследования

Для решения поставленной задачи необходимо определить функции и формы выражения гомерического смеха в ранней прозе В. В. Набокова, что позволит выявить особенности идиостиля автора.

1. Гомерический смех выполняет *миромоделирующую функцию*, которая отвечает за аллегорическое присутствие Автора-творца, возвышающегося над художественной реальностью. Через гомерический смех В. В. Набоков усиливает эффект кукольности и искусственности создаваемого художественного мира, тем самым актуализируя театральнo-игровой план, в результате чего условность происходящего позволяет читателю сохранять отстраненную позицию по отношению к описываемым событиям и героям.

В. В. Набоков стал одним из первых писателей, кто в своих произведениях не только воплотил кукольную образную систему, но и обнажил прием. Э. Ионеско спустя тридцать лет в эссе «О театре» напишет: «Надо не маскировать нити, посредством которых двигаются куклы, но сделать их еще более заметными, не бояться открыть их, дойти до самых основ гротеска, до карикатуры,

выйти за пределы тусклой иронии остроумных салонных комедий... свести все к пароксизму, источнику трагического. Создать театр ярости — неистово комический, неистово драматический» (Эсслин, 2010, с. 83). Именно этим отличается творческий подход В. В. Набокова от его современников — ориентацией на нарочитую театральность и неожиданное сближение трагического и комического. Такой подход обладает определенным эстетическим эффектом, воздействуя на читателя и вызывая у него состояние катарсиса, помогая отрешиться от обыденности бытия. В. В. Набоков, подобно Л. Кэрроллу, увлекает реципиента в потусторонность, область чистой эстетики.

Вполне возможно, недооценка набоковского творческого подхода, определившего особенности его поэтики, побудила некоторых литературных критиков упрекнуть В. В. Набокова в пошлости (Г. Иванов «В. Сирин...»), духовной безысходности и природной сухости (Г. Адамович «Владимир Набоков»), двуличии и даже отречении от России (З. Шаховская «В поисках Набокова. С чужих слов»). Поверхностность подобных оценок набоковского творчества может быть связана с недопониманием авторской эстетики.

2. В создании абсурдистской картины мира гомерический смех выполняет *оценочную функцию*. В романе «Король, дама, валет» гомерический смех Автора-творца тщательно скрыт за образом «эдакого тугого старикашки», который оказывается способен «превращаться вечером, по выбору, либо в толстую лошадь, либо в девочку лет шести, в матроске» (Набоков, 2006, т. 2, с. 195). Фигура Менетекелфареса является своего рода изящным фокусом Автора-творца: «Ибо он отлично знал, что весь мир — собственный его фокус и что все эти люди — Франц, подруга Франца, шумный господин с собакой и даже его же, Фаресова, жена, тихая старушка в наколке (а для посвященных — мужчина, пожилой его сожитель, учитель математики, умерший семь лет тому), — все только игра его воображения, сила внушения, ловкость рук. Да и сам он в любую минуту может превратиться — в сороконожку, в турчанку, в кушетку... Такой уж был он превосходный фокусник — Менетекелфарес...» (Набоков, 2009, т. 2, с. 277).

Сюрреалистические мотивы, присущие ранней прозе В. В. Набокова, часто переплетаются с гомерическим смехом. «Божественный юмор» становится способом передачи сюрреалистического восприятия мира, в котором границы между реальностью и фантазией размыты, а все движение происходит по воле всемогущего Автора-творца, сама фигура которого, подобно абсурдным проделкам старика-фокусника, подчеркивает иррациональность художественной реальности, где обычные законы логики не действуют.

По сюжету, перед тем как отправиться на море с Мартой и Драйером в целях убийства последнего, Франц, одолеваемый Достоевскими терзаниями, заходит попрощаться с хозяином квартиры, который встретил его в абсурдно-глумливом образе: «В коридоре он остановился <...> Посреди комнаты, к нему спиной, на обычном своем месте сидела старушка, лица которой он не видал никогда. “Я уезжаю, я хотел проститься”, — сказал он, подойдя к креслу. Вдруг

он замер и как смерть побледнел. Никакой старушки не было: просто — седой паричок, надетый на палку, вязаный платок. Он с дрожью сбил всю эту махину на пол. Запорхала серая пыль. Из-за ширмы вышел старичок-хозяин. Он был совершенно голый и держал в руке бумажный веер» (Набоков, 2009, т. 2, с. 278). В этом эпизоде Автор-творец высмеивает своего героя, его переживания и сомнения (то, что для Франца — трагедия, для автора — веселый абсурд), выражая свой гомерический смех между строк. Об этом читатель может только догадываться, как может только догадываться Франц о том, что трагизм предстоящего действия разрешится его собственным гомерическим хохотом, к чему мы еще вернемся.

Любопытно, что этимология имени Менетекелфарес восходит к ветхозаветному мифу о падении Вавилона. Тайнственная надпись на стене «Мене, мене, теке, уфарсин» была обнаружена Валтасаром во время его последнего пира, незадолго до вторжения персидских воинов. В русском языке эта фраза стала основой для словосочетания «взвешен, измерен, оценён» (где оценён — признан недостойным), употребляемого в целях обозначения бренности человеческой жизни, в особенности таких ее составляющих, как слава и благополучие. Выбор В. В. Набоковым такого имени для своей персонифицированной маски может свидетельствовать об актуализации Божественного начала в художественной реальности, следовательно, в таком случае имя старика-фокусника подчеркивает оценочную функцию гомерического смеха.

3. Гомерический смех выполняет в произведениях В. В. Набокова *эстетическую функцию*, проявляющуюся в приемах создания образной системы, ярких, запоминающихся сцен, усиливающих эстетическое воздействие на читателя. Обратимся к роману «Отчаяние», в котором фигурирует само понятие гомерического смеха. Сюжет начинается с того, что предприниматель Герман, прогуливаясь «по редкому бобрику травы» (Набоков, 2006, т. 3, с. 399), вдруг натывается на отдыхающего в кустах человека. Скинув носком «изящного ботинка») с его лица картуз (Там же, с. 400), главный герой обнаруживает, что это его двойник, и приходит в изумление: «Будь на моем месте другой, увидь он, что увидел я, его бы, может быть, прежде всего охватил гомерический смех. Меня же ошеломила таинственность увиденного» (Набоков, 2006, т. 3, с. 400). Как мы уже отмечали, смертный способен испытать божественный смех по причине иронии судьбы / маловероятной случайности, в художественной реальности набоковского романа — вследствие воли Автор-творца.

После непродолжительного общения ошеломленный Герман начинает недоумевать от того, почему его двойник, Феликс, не разразился гомерическим смехом от перцепции феномена двойничества: «Я все ждал от него взрыва удивления, — может быть, гомерического смеха» (Набоков, 2006, т. 3, с. 402). Однако Феликс никакого сходства между ними не обнаруживает, а лишь подобострастно замечает: «Богатый на бедняка не похож, — но вам виднее...» (Набоков, 2006, т. 3, с. 403). Виденье Феликса, впрочем как и точки зрения других персонажей, Герман не принимает, что характеризует его как солипсиста.

Солипсизм — одна из тем раннего В. В. Набокова, к которой он с течением времени начинает относиться все с большей иронией. Вспомним последний русскоязычный роман писателя «Solus Rex» (неоконченный), где в первой главе под названием «Ultima Thule» Фальтер произносит такую фразу: «Ибо кому не знакомо то время жизни, когда всякая всячина — звездное небо в Эссен-туках, книга, прочитанная в клозете, собственные догадки о мире, сладкий ужас солипсизма — и так доводит молодую человеческую особь до иступления всех чувств» (Набоков, 2008, т. 5, с. 138).

Рассмотрим полифункциональную реализацию мотива гомерического смеха в романах В. В. Набокова. Этот мотив возникает между строк на протяжении всего романа «Отчаяние». Каждый раз, когда Герман пребывает в отчаянном состоянии, где-то по ту сторону, наблюдая за ним, хохочет Автор-творец. Тот факт, что Герман не бог (хотя сам он, предположим, полагает иначе), а тот, кто им является (Автор-творец), не дает права герою разразиться божественным смехом (за одним исключением, о котором речь впереди): «...Я не умею смеяться гомерическим смехом, — все это не так просто, как вы, сволочи, думаете» (Набоков, 2006, т. 3, с. 408).

Гомерический смех Автора-творца находит непосредственное выражение в этом романе. После встречи со своим двойником Герман, рассуждая о литературных штампах и заигрывая с читателем, создает внутренний текст, в рамках которого в иносказательной форме повествует о встрече с Феликсом от его лица. Следовательно, по отношению к внешнему тексту (который на самом деле тоже внутренний, учитывая, что Герман-рассказчик — это герой-марионетка Автора-творца) он оказывается зеркальным отражением. Но мы имеем дело с кривым зеркалом, поскольку образ Феликса-рассказчика, придуманный Германом, имеет существенное отличие от своего прототипа. После того, когда выдуманный Феликс замечает свое сходство с Германом, из темноты раздается тот самый гомерический смех, которого ждал Герман. Только осмеивается не роковое совпадение, а, напротив, трагикомическая степень когнитивного искажения: «“Послушай-ка ты, — (разговор происходит на постоялом дворе теплой и темной ночью), — какого я чудака встретил однажды. Выходило, что мы двойники”. Смех в темноте: “Это у тебя двоилось в глазах, пьянчуга”» (Набоков, 2006, т. 3, с. 423). Вероятно, смех в темноте принадлежит Автору-творцу, которого веселят шизоидно-маниакальные мысли главного героя, его «сладкий ужас солипсизма» (Набоков, 2008, т. 5, с. 138) и неспособность распознавать отличия на физическом уровне.

В «Отчаянии» также смеется и сам Герман, но его смех, как правило, не лишен цинизма и, соответственно, может быть отнесен к черному юмору, который широко представлен на страницах романа. В первую очередь он выражается через глумления Германа над непроницаемым Феликсом. Характерен следующий эпизод: «... Я сел у него в ногах и уставился на него с откровенной усмешкой. <...> Он стыдливым, сентиментальным, даже просто нежным движением погладил меня по руке и сказал, — перевожу дословно: “Ты добрый парень”.

Не разжимая зубов, я затрясся от смеха» (Набоков, 2006, т. 3, с. 454). Германа так веселит наивность Феликса и его непонимание того, что он прямо сейчас находится рядом со своим убийцей. Однако мы не склонны усматривать в этой сцене проявление сатирической функции черного юмора. В. В. Набоков преследует только эстетические цели, ни в коей мере не осуждая Германа за его аморальность. Черный юмор оказывает эмоциональное воздействие на читателя, вплоть до состояния катарсиса, а также способствует созданию абсурдистской картины мира. Если гомерический смех в большей степени развенчивает позитивистскую концепцию, о чем мы уже упоминали, то черный юмор устраняет мораль.

Диапазон эмоций Германа широк и колеблется от смеха — к отчаянию, от отчаяния — к смеху, что характеризует его как персонажа, пребывающего в психически нестабильном состоянии. Следуя тексту, мы видим, что не так давно он сетовал на дрожащие руки и желание «заорать», то вдруг испытывает «неудержимый смех», реагируя на письмо своей будущей жертвы: «Я сидел и читал, — и вдруг меня стал душить нежданный и неудержимый смех» (Набоков, 2006, т. 3, с. 468). В этом письме Феликс, шантажируя главного героя, ищет с ним встречи с целью материально обогатиться. Неожиданность этого предложения вызывает у главного героя подобную реакцию, так как оппозиция *охотник/добыча* предстает в зеркально отраженном виде и члены оппозиции меняются местами. Герман смеется именно цинично, поскольку гомерический хохот невозможно сдержать. Также отметим, что В. В. Набоков здесь использует лексему «душит», как бы делая намек на трагичный исход забав главного героя. Кроме того, сближение смерти и смеха является характерной чертой абсурдистской традиции, элементы которой заметны в поэтике раннего В. В. Набокова.

Рассмотрим еще один «внутренний» текст. Герман приводит пример из своего раннего творчества — четверостишие, в котором лирический герой задается вопросом о причине ушедшей любви: «Хохоча, отвечая находчиво (отлучиться ты очень не прочь!), от лучей, от отчаянья отчего, отчего ты отчалила в ночь?» (Набоков, 2006, т. 3, с. 424). В этом контексте характерным для рассматриваемого романа образом оказываются сопряжены смех и отчаяние.

Вернемся к эпизоду, когда Автор-творец вкладывает в уста главного героя гомерический смех, ознаменовавший начало конца его предприятия. Когда на глаза Герману, скрывшемуся от полиции в глухой провинции, в одной из газет попадает информация о том, что автомобиль, оставленный в лесу, был найден за достаточно быстрый срок, его одолевает неудержимый хохот. Автор-творец разыгрывает свою партию, заставляя Германа-художника осмеять трагикомичность и несостоятельность планов Германа-убийцы: «И вдруг расхохотался вовсю: автомобиль мой был найден» (Набоков, 2006, т. 3, с. 519).

Стоит заметить, что во время работы В. В. Набокова над романом «Отчаяние» было опубликовано одно из самых трагикомичных его произведений — «Камера obscura» (в 1932 году). В этом романе «смех в темноте» соотносится

с движением по колее, по которой скатывается главный герой, Кречмар. Как известно, темнота символизирует его слепоту (в первую очередь духовную). Уже в 1938 году В. В. Набоков представил английский перевод этого романа, названного «*Laughter in the Dark*», что переводится как «Смех в темноте». Слепота на духовном уровне привела главного героя к трагическому финалу, где он не просто потерял зрение, а стал объектом «смеха в темноте». Но, прежде чем мы рассмотрим заключительный эпизод произведения, где возникает эта форма смеха, сначала обратим внимание на преисполненные черным юмором сцены, в которых привычная мораль и обыденное мышление развенчиваются в духе абсурдистских пьес середины XX века.

В романе «Камера обскура» на первый план выходит комическое, за которым сквозь пелену карикатурных образов просматривается человеческая трагедия; сюжетные линии меняются по принципу монтажа, *homo sapiens* обращается в *homo ludens*, пародийность выступает в непародийной функции, то есть становится знаком принадлежности к художественной литературе как таковой, что в совокупности характеризует роман как эстетическую предтечу постмодернизма.

Герои-марионетки в этом романе смеются много, но их смех циничный, позиционирующий черный юмор. Однако Автор-творец, наблюдая за их страстями, грешками, мечтами и трагедиями, где-то над ними хохочет. Например, Магда, будучи насмешливой куклой, гомерически осмеивается Автором-творцом в эпизоде встречи с братом и его товарищами: «“Ты все это говоришь наобум, — с достоинством произнесла Магда. — Дело обстоит иначе, чем ты думаешь. Мы жених и невеста, вот что”. Все трое разразились хохотом» (Набоков, 2006, т. 3, с. 296). Автор-творец голосами молодых людей смеется в лицо Магде, причиной чему является ее трагикомичная наивность.

Обратимся к сцене, в которой в одном ряду оказываются знаки, олицетворяющие смех и смерть: «Вошел Кречмар, остановился, глядя на нее со смехом и любовью и слушая, как она заказывает для кого-то гроб» (Набоков, 2006, т. 3, с. 329). Это можно рассматривать и как проявление черного юмора персонажей (в первую очередь Магды), и как элемент карнавализации. Подобные эпизоды свидетельствуют о формировании в творчестве писателя абсурдистской картины мира. Циничность Магды переводит ее в безжизненное пространство набоковской игровой стихии, конвертируется в игровой механизм. Своим механистически-игровым отношением к жизни она вытесняет из своего окружения все живое и настоящее. Магду интересует только материально-предметный мир, состоящий из людей-кукол и декораций. Но, как отмечает Л. Ю. Стрельникова, исследователь карнавального смеха В. В. Набокова, эту сцену можно трактовать в качестве карнавального перевертыша, в рамках которого смерть заменяет собой жизнь: «Ее абсурдные игры, как и тяга Горна к циничному “разыгрыванию ближних”, карнавально переворачивают и разрушают оппозиционные понятия жизнь-смерть, когда она ради смеха “заказывала для кого-то гроб”» (Стрельникова, 2023, с. 314).

В финале романа карикатурист Горн достигает апогея своего искусства, эстетика которого основывается на синтезе жестокости и фарса, на ярком контрасте между трагическим и комическим, между жизнью и смертью, между наивностью и цинизмом. После того как Кречмар лишился зрения в результате автомобильной катастрофы, Горн и Магда на его средства уезжают в Швейцарию, где живут с ним в одном доме под предлогом ухода за больным, уже ни в чем себе не отказывая и раз за разом создавая ситуацию «смеха в темноте». Так, Горн щекочет губы Кречмара, заставляя его мучаться в догадках о происходящем вокруг: «Затем Горн, желая еще обострить забаву, легонько шлепнул себя по колену, и Кречмар, который как раз поднимал руку к нахмуренному своему челу, замер с приподнятой рукой. Тогда, медленно подавшись вперед, Горн тронул это чело пушистым концом длинной былинки, которую только что сосал. Кречмар, странно и отрывисто вздохнув, отогнал невидимую муху. Горн пощекотал ему губы, — снова отгоняющий жест. Это было весьма смешно» (Набоков, 2006, т. 3, с. 386). Шутовское поведение Горна можно с уверенностью отнести к области черного юмора. Он ставит свое искусство выше всего, по причине чего оказывается единственным персонажем, пользующимся снисходительным отношением Автора-творца, который, в свою очередь, использует марионетку-карикатуриста, чтобы осмеять трагедию Кречмара. Таким образом, в этом случае циничный смех и гомерический являются двумя сторонами одной медали. Только не звучит хохот Автора-творца, как это было в романе «Отчаяние». Зато достаточно отчетливо предстает циничный смех Горна, который своей жестокостью дегуманизирует «человеческую особь».

В современном набоковедении нередко высказывается мнение, согласно которому эстетика Горна напоминает эстетику его автора. С этим можно согласиться только отчасти, так как необходимо учитывать, что проявление жестокости является залогом художественности для произведений Горна, тогда как В. В. Набоков эстетизирует жестокость в игровых целях, использует ее в качестве средства для создания фарсовых ситуаций, актуализирующих абсурдистскую картину мира. Главное, что объединяет этих художников, персонажа и автора, заключается в том, что они смотрят на мир через призму искусства, в котором нет места для поучений ни нравственного, ни утилитарного характера.

Вернемся к роману «Король, дама, валет», в котором мотив гомерического смеха связан с двумя героями — Драйером и Францем и раскрывается в двух сценах. Первая из них происходит в начале романа, когда Франц, сразу после поезда, впервые посещает дом своего дяди. Драйер не сдерживает веселого смеха, узнав, что тот молодой человек, с которым он ехал в купе, оказался его родственником: «Драйер расхохотался, да так, что Том, прыгавший вокруг него, разразился неудержимым лаем. Ему смешно было не только само совпадение, но и то, что, вероятно, жена что-нибудь говорила о его родственнике, пока родственник тут же сидел в отдалении» (Набоков, 2009, т. 2, с. 151). Снова причина гомерического смеха кроется в осознании малой вероятности события (вспомним, что Герман ждал гомерического хохота от Феликса

в их первую встречу по этой же причине). Такие совпадения устраивает все- сильный Автор-творец, весело жонглирующий своими марионетками и играющий для них роль судьбы.

Примечательно, что постоянно смеющийся Драйер на протяжении всего текста ни разу не засмеялся цинично, чего не скажешь о его жене и племяннике, которые испытали прилив безудержного веселья, когда Марте пришла в голову идея убить мужа: «Ведь я бы сегодня могла быть в трауре. <...> Он посмотрел на нее и рассмеялся. Она рассмеялась тоже. <...> “В трауре”, — сказал Франц, давась от смеха. Она, смеясь, закивала. “В трауре” — сказал Франц, бубня смехом в ладонь» (Набоков, т. 2, 2006, с. 220–221). Вероятно, транслируя циничный смех персонажей, Автор-творец иронизирует над ними. И дело здесь не в безнравственности любовников, а в их опрометчивости и пошлости.

Или еще недавно застенчивый и миловидный Франц соглашается стать инструментом в руках Марты, которая начинает играть им, в то время как ими обоими играет Автор-творец. Как верно пишет Л. Ю. Стрельникова, образ Франца трансформируется в фарсовую куклу-шута, разражающегося вместе со своим манипулятором циничным смехом: «В. В. Набоков переводит мотив убийства в снижено-фарсовую ситуацию, разрешая ее циничным смехом, сводя трагедию смерти до уровня комического представления, тем самым подтверждая модернистскую стратегию перехода человека из рационального *homo sapiens* к своему искусственному антиподу *homo ludens*» (Стрельникова, 2023, с. 259–260). Й. Хейзинга полагал, что игра является фундаментом жизнедеятельности человека, универсальной категорией его существования. Это положение совпадает с тем, что В. В. Набоков вместо изображения правды жизни создает игровое пространство, полное иллюзий и абсурда. В этом романе человек лишается живого наполнения, что способствует восприятию текста через призму театрального представления.

Меркантильность и бездушность Марты напоминает образ Иудушки Головлева из романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». Однако В. В. Набоков делает акцент не на реалистической составляющей, в рамках которой за любым пороком есть причина, а на отсутствии «живого наполнения» как таковом, тем самым вскрывая изнутри, «обнажая» кукольную образную систему. Жизнь Марты, как и ее чувства, ненастоящая. Ее образ больше походит на пародию циничного человека, чем на него самого.

В развязке произведения холодный расчет Марты оборачивается крушением здравого смысла. Всесильный Автор-творец вмешивается в ход событий: умирает не Драйер, а Марта. Как бы тщательно ни было спланировано убийство — все может испортить еле заметное отклонение от расчета — по воле случая, что напоминает теорию хаоса, в рамках которой взмах крыла бабочки может привести к точке бифуркации (к качественному изменению целой системы). Вероятно, аналогичная цепочка событий и привела к тому, что с Мартой в день запланированного убийства случилась горячка и ее смерть оказывается неизбежной. А что же с убийством Драйера? Могла ли Марта в самый

ответственный момент не обратить внимания на слова своего мужа о крупной выручке в скором времени, отсрочив его убийство? Гипотетически могла, так как человек волен в целевых детерминациях. Как верно замечает исследователь С. А. Левицкий: «Мы не вольны в причинно-стихийных детерминациях. Но перед нами открыто достаточно широкое поле выбора между различными целевыми детерминациями, и мы способны выбирать между различными средствами осуществления одной и той же цели» (Левицкий, 2008, с. 409). Другими словами, человек может быть свободен в предмете выбора, однако сама необходимость выбирать возникает не по его воле. Впрочем, мы имеем дело с героем-марионеткой, сценарий действий которого прописан Автором-творцом. Он не только наделяет Марту возможностью выбора, но и позволяет следовать до конца в ее меркантильной пошлости.

Второй сценой, реализующей мотив гомерического смеха, заканчивается роман. После нескольких дней в бреду Марта умирает. Когда Франц узнал об этом, его начал распирать неистовый хохот, каким древнегреческие боги смеялись над трагедиями смертных. Кончина Марты представилась ему чем-то несущественным и смехотворным: «Приложив ладонь ко рту, чтобы как-нибудь удержать смех, душивший его, разрывающий ноздри, распирающий живот <...> Смех, наконец, вырвался» (Набоков, т. 2, 2009, с. 305). Финальный смех главного героя также можно классифицировать как карнавальным, поскольку функционально он заряжен обновляющим началом. Осознание смерти своего кукловода имеет для Франца освобождающее значение. Он очищается от чар Марты, продолжая детерминированно-свободную жизнь в набоковской гиперреальности.

Заключение

Юмор В. В. Набокова — это многогранная система комического, включающая в себя различные его проявления: «божественный юмор», черный юмор и юмор народной культуры. В ранней прозе В. В. Набокова смеховое начало воплощается в гомерическом смехе, который приближается к черному юмору, однако таковым не является, относясь к категории «божественного юмора». Для Автора-творца, моделирующего художественный мир произведения, мрачные аспекты жизни его героев не выражают трагедию, а оборачиваются комедией.

Черный же юмор маркируется циничным смехом и различными проявлениями редуцированного смеха, субъектами которого выступают персонажи произведений. Черный юмор, реализующийся в приемах иронии и сарказма, выполняет в прозе писателя оценочную и эстетическую функции, способствуя созданию абсурдистской картины мира. Основные темы и мотивы, связанные с черным юмором в произведениях русского писателя, так или иначе сопряжены с экзистенциальным измерением абсурда.

Анализ русских романов В. В. Набокова позволил выявить специфику гомерического смеха и определить основные его функции в тексте: мироомоделлирующую, оценочную и эстетическую. Гомерический смех — это ключ к пониманию художественной реальности в каждом из рассматриваемых романов, поскольку демонстрирует ее театрализованное воплощение. Автор-творец маркирует свое присутствие посредством гомерического смеха, но сохраняет дистанцию по отношению к своим созданиям, что способствует восприятию текста через призму театрализованного представления. «Божественный юмор» и черный юмор в русских романах В. В. Набокова демонстрируют уникальность его художественного мира и эстетического выбора, заслуживают более пристального внимания со стороны исследователей.

Список источников

1. Бахтин, М. М. (1986). *Эстетика словесного творчества*. Искусство.
2. Левицкий, С. А. (2008). *Трагедия свободы*. Астрель.
3. *Литературная энциклопедия терминов и понятий* (под ред. А. Н. Николюкина). (2001). ИНИОН РАН: Интелвак.
4. Лосев, А. Ф. (1960). *Гомер*. Учпедгиз.
5. Млечко, А. В. (2000). *Игра, метатекст, трикстер: пародия в «русских» романах В. В. Набокова*. Издательство ВолГУ.
6. Набоков, В. В. (2002–2009). *Собрание сочинений русского периода: в 5 т.* Симпозиум.
7. Набоков, В. В. (2010). *Лекции по русской и зарубежной литературе*. Азбука-классика.
8. Пропп, В. Я. (1976). *Проблемы комизма и смеха*. Искусство.
9. Стрельникова, Л. Ю. (2023). *Структурообразующие приемы литературной игры в ранней прозе В. В. Набокова в контексте эстетики модернизма и постмодернизма* [Дис. ... д-ра филол. наук: 5. 9. 1. Краснодар].
10. Хализев, В. Е. (2002). *Теория литературы*. Высшая школа.
11. Хейзинга, Й. (2011). *Homo ludens: человек играющий*. Издательство Ивана Лимбаха.
12. Эсслин, М. (2010). *Театр абсурда*. Балтийские сезоны.

References

1. Bakhtin, M. M. (1986). *Aesthetics of verbal creativity*. Iskusstvo. (In Russ.).
2. Levitsky, S. A. (2008). *The Tragedy of Freedom*. Astrel. (In Russ.).
3. *Literary encyclopaedia of terms and concepts*. (2001). INION RAN: Intelvak. (In Russ.).
4. Losev, A. F. (1960). *Homer*. Uchpedgiz. (In Russ.).
5. Mlechko, A. V. (2000). *Game, metatext, trickster: parody in the “Russian” novels of V. V. Nabokov*. Izdatel'stvo VolGU. (In Russ.).
6. Nabokov, V. V. (2010). *Lectures on Russian literature and foreign literature*. Azbuka-klassika. (In Russ.).
7. Nabokov, V. V. (2002–2009). *Collected works of the Russian period: in 5 vols*. Simposium. (In Russ.).

8. Propp, V. Ya. (1976). *Problems of comedy and laughter*. Iskusstvo. (In Russ.).
9. Strelnikova, L. Yu. (2023). *Structure-forming techniques of literary play in the early prose of V. V. Nabokov in the context of the aesthetics of modernism and postmodernism*. [Dissertation ... Doctor of Philological Sciences: 5. 9. 1. Krasnodar]. (In Russ.).
10. Khalizev, V. E. (2002). *Theory of Literature*. Vysshaya shkola. (In Russ.).
11. Huizinga, J. (2011). *Homo ludens*. Izdatel'stvo Ivana Limbaxa. (In Russ.).
12. Esslin, M. (2010). *Theatre of the Absurd*. Baltijskie sezony'. (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

Алексей Владимирович Громов — аспирант департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Alexey V. Gromov — Postgraduate Student of the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Альфия Исламовна Смирнова — доктор филологических наук, профессор, профессор департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Alfia I. Smirnova — D. Sc. (Philology), Professor, Head of the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.133.1'367.626

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-49-63

ДИСКУРСИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕСТОИМЕНЕНИЯ «NOUS»: ВИДЫ ИНКЛЮЗИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Серебренникова Евгения Федоровна

Иркутский государственный университет,

Иркутск, Россия,

serebr_ef_76@mail.ru, orcid.org/0000-0002-3910-4013

Аннотация. В статье рассматривается проблема изменений в семантике и прагматике одного из центральных элементов системы личных местоимений французского языка — местоимения *Nous*, лежащих в основе усиления его конструктивного потенциала в дискурсе. Актуальность исследования определяется открытостью вопросов теории дискурса и категории лица к разработке концепции эго-системы языка в русле субъектноцентрической категоризации мира. Опора на когнитивно ориентированный лингвосомиотический подход позволяет уточнить, что формула *Nous*, «Je + X», стоящая за знаком, объективирует операциональный концепт инклюзии лица/лиц к позиции эго, что эмергентно порождает оппозитивный концепт эксклюзии. Языковая категоризация данного концепта выводит на представление о результате инклюзии как о группе. Конструируемая целевая группа ограничивается по условиям реализации в дискурсивном времени реализации Мы-высказывания в коммуникации. Критерий сущности семиотического механизма и способа реализации имманентно индексального референциального отношения позволяет выявить два основных вида инклюзии: вид иконической инклюзии и вид ассоциативно-символической инклюзии, а также их подвиды. Обосновываются базовые интерпретанты установленных видов и подвидов инклюзии. Делается вывод о том, что особую значимость в расширении конструктивного потенциала знака *Nous* имеет ассоциативно-символический вид инклюзии. Наряду с уже установленными видами инклюзии по критерию

типа обобщения в формуле *Nous*, предлагаемая классификация может способствовать разработке проблемы языковой категоризации мира в дискурсе посредством эгоцентрических местоименных знаков.

Ключевые слова: эго-система языка, субъектноцентрическая категоризация мира, местоимение *Nous*, инклюзия, иконическая инклюзия, ассоциативно-символическая инклюзия.

Для цитирования: Серебренникова, Е. Ф. (2025). Дискурсивный потенциал местоимения «*Nous*»: виды инклюзии с точки зрения лингвосемиотического подхода. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(58), 49–63. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-49-63>

Original article

UDC 811.133.1'367.626

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-49-63

THE DISCURSIVE POTENTIAL OF THE PRONOUN «NOUS»: TYPES OF INCLUSION FROM THE POINT OF VIEW OF THE LINGUOSEMIOTIC APPROACH

Evgeniya F. Serebrennikova

Irkutsk State University,

Irkutsk, Russia,

serebr_ef_76@mail.ru, orcid.org/0000-0002-3910-4013

Abstract. The article examines the problem of changes in the semantics and pragmatics of one of the central elements of the system of personal pronouns of the French language — the pronoun *Nous*, which underlie the value of its constructive potential in discourse. The relevance of the research is determined by the openness of the issues of discourse theory and the category of person to the development of the concept of the ego-system of language in line with the subject-centered categorization of the world. Relying on a cognitively oriented linguosemiotic approach makes it possible to clarify that the formula *Nous*, «*Je + X*», which stands for the sign, objectifies the operational concept of person/persons inclusion to the Ego position, which generates an oppositional concept of exclusion. The linguistic categorization of this concept leads to an idea of the result of inclusion as a group. The constructed target group is delimited according to the conditions of implementation in the discursive time of the We-utterance in communication. The criterion of the essence of the semiotic mechanism and the method of implementing the immanent indexical referential relationship allows us to identify two main types of inclusion: the type of iconic inclusion and the type of associative-symbolic inclusion, as well as their subspecies. The basic interpretations of the established types and subspecies of inclusion are substantiated. It is concluded that the associative-symbolic form of inclusion is of particular importance in expanding the constructive potential of the *Nous* sign. Along with the already established types of inclusion according to the criterion of the type of generalization in the *Nous* formula,

the proposed classification can contribute to the development of the problem of linguistic categorization of the world in discourse through egocentric pronominal signs.

Keywords: ego-system of language, subject-centered categorization of the world, pronoun *Nous*, inclusion, iconic inclusion, associative-symbolic inclusion.

For citation: Serebrennikova, E. F. (2025). The discursive potential of the pronoun «*Nous*»: Types of inclusion from the point of view of the linguosemiotic approach. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(58), 49–63. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-49-63>

Введение

Местоимение «*Nous*», один из центральных элементов системы личных местоимений французского языка, имеет давнюю традицию изучения в теории местоимений, но по-прежнему вызывает особый интерес в связи с дальнейшей разработкой теории дискурса, категории лица и эго-системы языка в русле концепции субъектноцентрического подхода к онтологии и феноменологии дискурса (Успенский, 2007; Palma, 2012). Местоимение «*Nous*» представляет собой сгусток антиномий (Серебренникова, 2024) и являет признаки расширения и интенсификации своего изначально индексального семиотического потенциала в «дискурсивном времени» высказывания (Скрелина, 1980), что выявляется прежде всего в анализе дискурсивной семантики знака (Синельникова, 2020).

Наращивание лингвопрагматической значимости *Nous* как коммуникативного знака синхронно усилению в современном мире социального измерения медийного дискурсивного пространства и, соответственно, знаков, объективирующих социокультурные, политические, мировоззренческие — идеологические (в терминах М. М. Бахтина) позиции, реализация которых связана с инструментальной дискурсивной практикой конструирования коллективных идентичностей и формирования групп единомышленников, мобилизации общественного мнения, убеждающего или манипулятивного влияния на коллективное сознание (Галямова, 2016; Газарова, 2022). Посредством знака *Nous* (равно как и его коррелятов в других языках — мы, we, wir, noi и т. д.) экономным способом происходит умная настройка взаимодействия и проецирование всего дискурса в параметрах всеми понимаемого ближайшего значения знака. В критическом анализе дискурса обосновывается концепция Мы-дискурса, организованного вокруг концепта «Мы», репрезентированного вариативными способами и связанного с дискурсивизацией смыслов концептуальной области «своих», «наших» в их противопоставленности «иным», «не нашим», «чужим» в обществе (Wodak, 2009). В праксематической лингвистике Мы-высказыванию, в котором подлежащее выражено местоимением *Nous*, придается значимость перформативного акта речи, иллокутивная сила которого состоит не в указании говорящим на некоторую группу, но в ее создании

в дискурсивном пространстве: «*Le nous permet non seulement d'exprimer le groupe, le parti ou la nation mais les performe*» («Мы» позволяет не только обозначить группу, партию или нацию, но и создать их (здесь и далее перевод наш. — Е. С.)) (Bouzereau, 2022). В этом качестве знак *Nous* образует зону дискурсивного пространства с сильной акциональной доминантой «дискурса власти и власти дискурса» (Чернявская, 2006), развиваемого в социальном, политическом и других типах дискурса интенсивного речевого воздействия. Это знак создания целевой группы в коммуникативном пространстве для ее ограничения, мобилизации, сплочения, выражения эмпатии, солидарности, прославления, отчуждения, осуждения, изоляции и т. д. Часто размышление о проблемах формирования общих социальных смыслов в данном обществе риторически оформляется посредством Мы-конструкции, в частности с помощью вопроса «*Qui pourra dire “nous”?*» (Кто имеет право говорить «мы»?) (Papillon, 2014). Наблюдаемые семиотические изменения определяют важность обращения к категориальным характеристикам местоимения, обуславливающим его конструктивный потенциал в дискурсе разных типов (Крапивкина, 2018).

В статье ставится задача рассмотреть проблему позиции знака *Nous* в эго-системе французского языка путем уточнения его статуса в ситуации личного дейксиса, раскрытия семиотической формулы местоимения и обоснования подхода к классификации инклюзивных значений в Мы-высказываниях на основании различий в механизмах и способах реализации референциального значения. Методология исследования опирается на логическую интерпретативную концепцию означивания Ч. С. Пирса, выделяющую иконические, индексальные и символические знаки; теорию местоимений как репрезентантов исходных смысловых категорий в языке (Шведова, 1995), теорию личных местоимений французского языка в связи с категорий субъектности и личностью говорящего, а также трактовкой ассоциативного компонента в местоименной семантике в метонимическом ключе (Blanche-Benveniste, 1994), положения о когнитивно-операциональной природе дискурса (Vignaux, 1988). В исследовании применяются методы наблюдения, анализа и синтеза, классификации, дискурсивный анализ, метод интерпретативного анализа. Материал для анализа составили 150 Мы-высказываний, компонентом которых является местоимение *Nous*. В качестве источников выступают тексты словарей французского языка, художественной литературы, медиатексты и научные статьи, размещенные на платформе ACADEMIA (<https://www.academia.edu>) и отобранные в период с ноября 2024 года по январь 2025 года.

Концепт инклюзии

Категория лица являет собой центр эго-системы языка. Под эго-системой понимается совокупность знаков, прежде всего местоименных, отражающих

восприятие и осмысление мира в координатах личного дейксиса, который помещает в свой центр эго, вокруг которого референциально выделяются и позиционируются другие лица, что организует таким образом структурируемый дискурсивный мир (Kerbrat-Orecchioni, 1980) и выявляет особые пути и способы языковой категоризации мира. Местоимение *Nous* как эгоцентрический знак, синкретизирующий формулу «Я + некто», входит в ядро эго-системы и в своем категориальном значении имплицитно операциональный концепт инклюзии, отражающий когнитивную операцию ассоциативного включения, притяжения к себе других лиц и его результат — включенность, единение, сопричастность. Иначе говоря, инклюзия представляет ассоциативное указательное включение (и включенность) некоторого лица (лиц) в позицию эго по идентифицирующему референциальному отношению в означивании в соответствии с различными признаками-критериями в динамике дискурсивизации. Отметим, что данный аспект выделенности и отделенности одних лиц от других, в случае его акцентуации, получает семиотическую репрезентацию в обороте *Nous les autres* (*Мы, другие*). Инклюзия как выделение и объединение лиц из некоторого множества по основанию идентичности с эго осмысливается на фоне эмергентного, т. е. возникающего в процессе реализации дискурса, признака инаковости. Идентичность, определяемая в модусе сопоставления, сравнения, отождествления, оценивания, может быть осмыслена только на фоне инаковости. Данная семантическая дихотомия, «идентичность – инаковость», устанавливает необходимую дополнительную двух векторов когниции и создает условие для эффекта совмещения инклюзии с эксклюзией в коммуникативном дискурсивном пространстве: включением, притяжением в позицию эго одних лиц и отторжением и исключением других лиц из позиции эго.

Семиотическая формула знака

В общей проблематике изучения *Nous* выделяется два основных взаимосвязанных аспекта: раскрытие семиотической формулы знака и трактовка значения инклюзии с точки зрения реализации референциального отношения во французском языке.

Дейктическая формула *Nous* имеет в виде константы субъектную позицию *Je/Moi*, учитывающую системную раздвоенность местоименных форм, но в различных концепциях предполагает вариативность в представлении второго компонента формулы (Salins, 2002). Данная вариативность отражает возможные параметры личного дейксиса, которые простираются от характеристик ситуации в хронотопе «Я-ты-здесь-сейчас» до характеристик ситуации вне и шире данного хронотопа. В первом случае формула включает в себя, соответственно, присутствующие или отсутствующие лица — актанты ситуации прямого дейксиса, о которых идет речь: [*Je + tu; Je + vous, Je + il, ils*], при этом отсылка к *il, ils* не может во всех случаях отвечать требованию

прозрачной, определенной референции, что объясняет большую распространенность формулы *Nous* в виде [Je + un Autre, des Autres]. Вместе с тем, если следовать данному пути включения всех возможных лиц-актантов в позицию эго с учетом параметров дейксиса, то надо согласиться с мнением о необходимости использования еще более инклюзивно открытого знака, нежели *des Autres*, для обозначения второго компонента формулы *Nous* в виде [Je + X] (Palma, 2014). В этом случае появляется возможность ввести в позицию эго и второго (третьего и т. д.) *Je*, обладающего в данной ситуации признаками 1-го лица, локутора и субъекта высказывания, что можно наблюдать в случае некоторого «хора», например скандирования лозунга, одновременно высказываемого мнением некоторым множеством говорящих в коммуникативной ситуации.

При этом особую важность приобретает трактовка в формуле самого знака *Je* не только как знака грамматической категории лица, маркера коммуникативного статуса 1-го лица, но и с точки зрения концептуально углубленного понимания его как маркера субъектности в языке (Бенвенист, 1974). Сложность понятия «субъект», о которой говорит Ж. Дюкро, включающая в себя такие ипостаси, как «лицо, воспринимающее мир», «лицо — концептуатор и интерпретатор смысла», «лицо, формулирующее высказывание и (не-)берущее за него ответственность», «лицо, высказывающее смысл устно или письменно» (Ducro, 1984), наталкивает на мысль о необходимости иного подхода к знаку *Je* в формуле *Nous*. Речь должна идти о *Je* как о «следе субъекта», на что справедливо указывает К. Кербрат-Ореккиони (Kerbrat-Orecchioni, 1980). Таким образом, первая позиция в формуле *Nous*, репрезентированная константой *Je*, должна, соответственно, пониматься в более широкой, когнитивно трактуемой рамке «позиции эго», с которой *Je* соотносится метонимически, в причинно-следственной связи репрезентанта ментально более глубокого феномена.

Следует отметить, что коммуникативная дейктическая онтология инклюзивной формулы *Nous* в виде [Je + X] отражает гибкость позиции эго и возможность модуляции компонентов в интеракционной языковой «игре» (воспользуемся термином Л. Витгенштейна). Отмечая признаки аллюзивности и подвижности компонентов формулы, Б. Потье пишет, что есть возможность доминирования либо *Je*, либо X: «Si le x est flou et allusif, le JE prend toute la place et c'est le nous dit de Majesté, ou d'humilité (fausse majesté). À l'inverse, si le JE disparaît devant x, l'effet de sens évoque le tu allocuté : "Alors, nous faisons la mauvaise tête?!"» (Если «X» нечетко и аллюзивно, «Я» занимает всю позицию, и в этом случае имеет место «Мы» величественное или «Мы» уничижительное (ложное «Мы»). Если, напротив, «Я» исчезает перед лицом «X», смысловой эффект восходит к значению «Ты»: Ладно, мы сердимся?) (Pottier, 2002, с. 237–238).

Инклюзия, которая конституируется структурной формулой *Nous* [Je + X], как видим, отражает различные референциальные векторы реализации в параметрах ситуаций дейксиса и ассоциированность ее составляющих в концептуальной субъектноцентрической рамке эго-системы. Отсюда возникает один из самых дискуссионных вопросов теории местоимения *Nous*, касающихся

сущности ассоциативного значения, его базовых признаков, а также способов реализации референциального отношения в Мы-высказываниях.

В романистике представляется уже преодоленным утверждение, что *Nous* предполагает и означает множество *Я* (*Je*) (Есперсен, 1958; Успенский, 2007), стоящего в оппозиции к *Je* в парадигме числа в системе личных местоимений. Очевидно в этом плане, что инклюзивная формула объективирует ассоциативный интегральный смысл, по своей семантике отражает включение лиц-актантов референциальной ситуации в позицию эго. Данное категориальное интегральное значение *Nous* можно поэтому определить как эгоцентрическое инклюзивное (точнее, инклюзивно-экслюзивное) значение, указывающее на некую группу, объединенную в позиции эго на основании идентичности/инаковости по определенным основаниям. Определение местоимения *Nous*, данное в словаре Larousse, опирается именно на понятие группы: *Nous représente le locuteur et une ou plusieurs autres personnes constituant avec lui un groupe...* («Мы» представляет говорящего и еще одного или несколько лиц, ставящих с ним группу...) (Dictionnaire Larousse, URL). При этом *un groupe* представляет собой собрание людей, имеющих между собой нечто общее: «*Ensemble de personnes ayant qqch en commun*» (Совокупность людей, имеющих между собой нечто общее) (Micro Robert, 1971, с. 508). Данное значение открывает перспективу аксиологической интенсификации компонента «общее», «объединяющее», «причастное», позволяя в дискурсе конструировать группу единомышленников, группу единоверцев, региональную, национальную или этническую группу, политическую или партийную семью, профессиональный коллектив, группу как корпорацию и т. д., с различными прагматическими целями. Одновременно семантическая дихотомия «инклюзия – эксклюзия», основанная на оппозиции «идентичность – инаковость», помещает концептуально насыщенный знак *Nous* в область базовой когнитивной оппозиции «свой – чужой» в аспекте «наши – не наши».

Семантика эгоцентрического инклюзивного значения *Nous*, указывающего на некоторую группу в референциальной ситуации, раскрывается в терминах генерализации (обобщения), собирательности, определенности и неопределенности, четкости и нечеткости, стертости или профилирования субъектного значения *Je* в формуле, подвижности, аллюзивности, анафоры.

Одной из известных и авторитетных концепций выделения видов инклюзивных значений, реализуемых на основе употребления местоимения *Nous*, является концепция Б. Потье (Pottier, 2002). Ключевым для классификации и раскрытия семантики *Nous* принимается тип генерализации, обобщения в актуализируемой инклюзии. Различные виды инклюзии, согласно Б. Потье, образуются посредством определенного вида экстенсий формулы *Nous*. В этой связи выделяются: *nous quantifié* (*nous deux, nous quatre etc*) (Мы счетное); *nous totalisant* (*nous tous*) (Мы всеобъемлющее); *nous oppositif* (*nous seuls, et pas les autres*) (Мы оппозитивное, противительное); *nous sociatif* (*nous aussi, avec les autres*) (Мы социативное, объединительное), *nous intensif* (*nous-mêmes, sans*

les autres) (Мы интенсивное, выделительное); et **nous spécifique**, (nous, les commerçants... (Мы обособляющее). Ученый объясняет особенность последнего значения следующим образом: *Le nous est argumenté de l'intérieur*: «ous, les commerçants, demandons que...» «ous, qui sommes ici, exigeons que...» «Nous-autres [sic], commerçants, demandons que...» *On s'oppose globalement à ceux qui sont différents*: «Nous-autres sommes d'un avis contraire» («Мы» аргументировано изнутри: мы, коммерсанты, просим, чтобы...» «мы, присутствующие здесь, требуем, чтобы...»). Тем самым говорящий реализует общее противопоставление всем другим, отличающимся от указанных лиц: «Мы, те, которых я назвал, имеем другое мнение») (Idem, с. 239).

Принимая во внимание выделенные типы инклюзивных значений Nous, поставим задачу выделить виды инклюзии в Мы-высказываниях с лингвосомиотических позиций, т. е. точки зрения самого способа реализации индексального дейктического означивания референта, который, будучи репрезентированным в знаке, определяет интерпретацию референта.

Виды инклюзии с точки зрения способа реализации референциального отношения

Предварительное описание материала и его анализ позволяют выделить два базовых механизма реализации означивания референта, репрезентантом которых является Nous как элемент Мы-высказывания: **механизм иконической инклюзии** и **механизм ассоциативно-символической инклюзии**.

Механизм иконической инклюзии состоит в указании на определенное лицо (лица) — актант в координатах текущей, актуальной коммуникации, в соответствии с условиями и обстоятельствами ситуации прямого дейксиса. Фундаментально индексальный способ означивания посредством личных местоимений реализуется иконическим способом. Актантная структура Мы-высказывания объясняет семантическую формулу Nous по принципу тождества, подобия с актантной структурой референциальной ситуации в хронотопе «Я-ты-здесь-сейчас». Первый компонент, *Je*, репрезентирует 1-е лицо как актора, субъекта говорящего, второй компонент обозначает актанты ситуации: либо лиц, присутствующих «здесь и сейчас»; либо лиц, известных говорящим и четко опознаваемых по единой с «Я» ситуативной актантной роли. Формула Nous и структурируемая группа-референт воспринимаются и осмысливаются в координатах прозрачной референции, позволяющей физически, индивидуально увидеть, воочию представить членов группы. Условием для иконического вида инклюзии является возможность верификации в идентификации референтной группы по обстоятельствам речевой ситуации, в том числе в соответствии с пресуппозициями или по анафорической связи в контексте коммуникации. В качестве мотивирующего инклюзию интегрального значения группы выступает признак совместного действия или однородного состояния.

По данным нашего анализа, выделяются следующие контекстуально обусловленные подвиды иконической инклюзии:

1. **Эквивалентное точечному жесту указание** на состав группы в диалоге, в контексте спора, дискуссии, обсуждения: *Je préfère partir avant que cette discussion ne nous emmène trop loin, toi et moi!* (Я предпочитаю уйти, пока эта ссора не завела нас слишком далеко, тебя и меня!) (Pancol, 2006, с. 19).

2. **Указание на ряд**, последовательный просмотр лиц в группе-референте: *Moi, Hortence et Zoé, nous sommes tous trahi par toi!* (Я, Гортензия и Зоэ, мы все преданы тобой!) (Pancol, 2006, с. 36].

3. **Однозначное восстановление** ограниченной по составу, сплоченной, индивидуализированной группы, представитель которой, говорящий, высказывает мнение от ее имени: *Je ne voudrais pas qu'il devienne trop familier avec nous. Ce garçon a vraiment mauvaise réputation avec ses pantalons trop larges et ses cheveux trop longs!* (Я не хочу, чтобы он был с нами накоротке. У этого мальчишки с его слишком широкими штанами и слишком длинными волосами действительно плохая репутация!) (Pancol, 2006, с. 37). Такого рода группа может являть собой, например, определенную семью или определенную компанию: *Nous engageons Chaval, nous le laissons s'échiner sur les épines du présent et nous voguons sur l'écume de demain!* (Мы примем на работу Шавалья, мы оставим его выкручиваться из всех проблем, и мы отправимся в путешествие по волнам!) (Pancol, 2006, с. 61).

Расширением данного вида иконической инклюзии, метонимически идущим от хронотопа «Я-ты-здесь-сейчас», является замещение данного хронотопа в его целостности знаком *Nous*, приобретающим при этом социативное значение: *En même temps, nous entrons dans la période de Noël. Mon mari va partir avec nous en vacances quelques jours* (Между тем сейчас наступает период Рождества. Мой муж поедет с нами на каникулы на несколько дней) (Pancol, 2006, с. 258).

Механизм ассоциативно-символической инклюзии конституируется метонимическим переносом «Ты, Вы» из сферы действительных, индивидуализируемых лиц в группе-референте в аллюзивную сферу возможных «Ты, Вы», для которых оправданно обозначение *X* в семиотической формуле *Nous*. Условность, отсутствие естественной дейктической мотивации группы-референта в знаке *Nous* в тождественном соответствии с хронотопом и актантной структурой референциальной ситуации позволяют считать данный вид инклюзии символическим. С точки зрения порождения данного вида инклюзии на передний план выходит ассоциативный способ осмысления субъектом возможного и значимого для него основания для эгоцентрической инклюзии. С точки зрения интерпретации такой инклюзии важно понимание имплицированного субъектно, каузативного по метонимическому механизму, субстанционально-дескриптивного декодирования семантики *Nous* в реализуемом Мы-высказывании (шире — Мы-дискурсе).

Наш анализ показывает, что систематизация подвидов данной инклюзии имеет градуальный характер, отражающий убывание определенности

и нарастание неопределенности и нечеткости, виртуальности в референциальном отношении. Выделяются следующие основные подвиды ассоциативно-символической инклюзии.

1. **Всеобъемлющая инклюзия**, условием которой служит принадлежность лиц к роду человеческому: *Singe, ayant des bras et des mains, s'en sert comme nous, mais sans songer à nous* (Обезьяна, имея верхние конечности, пользуется ими как мы, не задумываясь о нас) (Litré, 1966, с. 823).

2. **Собирательная инклюзия по ситуативно важному основанию**, условием которой является принадлежность лиц к одной национальности, этническому происхождению, месту рождения или проживания: *La fumée des villages que les ennemis nous brûlent. Tout tourne contre nous* (Дым от наших деревень, которые сжигает враг. Все оборачивается против нас) (Litré, 1966, с. 824). В данном случае возможно нарастание условности в референциальном отношении, например в рамках взгляда на национальное общество в векторе от настоящего к прошлому, который в определенной степени валидируется знанием исторических фактов: *Rome autrefois nous trompa, nous désunit, nous massacra* (В давние времена Рим нас обманывал, нас разъединял, нас уничтожал) (Litré, 1966, с. 825].

3. **Собственно символическая инклюзия**, условием которой выступает ярко выраженное категориальное отношение «идентичность – инаковость», утверждаемая идентичность и предполагаемое единство взглядов, мнения в некоей конфликтогенной ситуации, позволяющее формирование групп единомышленников по проблемно осмысляемому предмету речи: *Soyons à la mesure de nos rêves. Regarde-toi: nous t'attendons* (Будем на высоте нашей мечты! Взгляни на себя: мы тебя ждем) (Legois, 2018, с. 74).

Символизм в подобного рода эгоцентрической инклюзии имеет двоякий характер. С одной стороны, речь идет о конструируемой в дискурсе общности, когда реальность *Nous* условна, она либо утверждается, либо дискутируется. С другой стороны, речь идет о порождаемом символизме, который, как определяет А. Ф. Лосев, представляет собой свернутый код, ключ для декодирования ценностного концепта определенной референциальной сферы, репрезентирующего некий фрагмент картины мира (Лосев, 1995).

Приведем еще несколько примеров, имея в виду, что именно данный вид эгоцентрической инклюзии лежит в основе усиления лингвопрагматического потенциала *Nous* в современном медийном пространстве. Материалом для анализа послужили статьи, размещенные на научной платформе Academia, в заголовках которых используется знак *Nous*.

Референциальной сферой Мы-высказывания может быть этика:

La pensée deontologique de Habermas et de la pensée herméneutique de Ricœur ont un ennemi commun : la Sittlichkeit, la moralité sociale, qui pense nous entre je et dieu... (Деонтологическая мысль Хабермаса и герменевтическая мысль Рикера имеют общего врага: социальную мораль, которая осмысляет «мы» между «Я» и богом) (Hunyadi, 2014, URL).

Исходя из контекста, интерпретанта здесь следующая: *Nous* — это символ для обозначения модуса осмысления и означивания морали (*entre je et dieu*) между индивидуальным, частным и общим, социальным. Субстанционально-дескриптивное декодирование семантики *Nous* представляется в следующем виде: это сущность содержания того, что мыслится в модусе «Я и Бог».

Референциальной сферой Мы-высказывания может быть социология, касающаяся проблем обыденной жизни членов общества: *On se penche sur Nous autres, et sur la dynamique d'inclusion et d'exclusion que suppose le pronom «nous»...* (Мы сосредоточиваемся на понятии «мы другие» и на динамике инклюзии и эксклюзии, которое предполагает местоимение «мы») (Papillon, 2014, URL).

Исходя из контекста, интерпретанта в данном случае следующая: *Nous autres* — это символ истинного основания для объединения людей в обществе, а именно различий между ними по этническим, культурным, языковым, психологическим признакам. Субстанционально-дескриптивное декодирование представляется в следующем виде: *Nous autres* — это люди, объединенные различиями, в отличие от *Я* (*un «je» singulier*), изолированного от других в своей единственности и замкнутого в своей единичности.

Референциальной сферой Мы-высказывания может быть философия и размышление о персональной аксиологии современного человека:

Ce «nous» athénien fait allusion à plusieurs personnes qui se réunissent pour avancer ensemble, décidant de leur avenir qu'ils partagent ensemble, entre semblables.... Notre liberté, à nous, au contraire, doit se composer de la jouissance paisible de l'indépendance privée, on a une supposition abstraite de notre la souveraineté nationale (Это афинское «мы» аллюзивно отсылает к множеству лиц, которые собираются вместе, между себе подобными... Наша свобода, свобода для нас, напротив, должна состоять в умиротворенном наслаждении индивидуальной независимостью, представление о национальном суверенитете абстрактно в нашем сознании) (Roume, 2021, URL).

Исходя из контекста, интерпретанта в данном случае следующая: *Nous* — это символ для обозначения личностной причастности, ангажированности в общественные дела, судьбу общества, отечества. Субстанционально-дескриптивное декодирование представляется в следующем виде: *Nous* — это люди, объединенные общей целью продвигаться вперед, в оппозиции к *он* как необъединенного множества людей, мирно наслаждающихся жизнью в своей индивидуальной, частной независимости от других.

Заключение

Дискурсивный потенциал местоимения «*Nous*» как одного из центральных элементов эго-системы языка и «следа» субъекта, выявляется в способах реализации референциального отношения его семиотической инклюзивной

формулы «Je + некто». Инклюзия определяется как операциональный концепт, который представляет особый ментальный процесс и результат: ассоциативное включение (и включенность) некоторого лица (лиц) в позицию эго по идентифицирующему отношению в соответствии с различными признаками-критериями в динамике реализации дискурса. Языковая категоризация данного концепта выводит на представление об объединении лиц как о группе. Выделение и притяжение лиц из некоторого множества по основанию идентичности с эго осмысляется на фоне эмергентного признака инаковости, лежащего в основе концепта эксклюзии. Наряду с уже установленными видами инклюзии по критерию типа обобщения в актуализованной инклюзии (Nous счетное, всеобъемлющее, противительное, социативное, выделительное, обособляющее), целесообразна классификация видов инклюзии по критерию механизмов и способов реализации референциального отношения и отграничения целевой группы в дейктической ситуации. В русле лингвосемиотического подхода в этом случае определяются условия выделения группы, а также отграничиваются параметры содержательной интерпретации выделяемых таким образом видов инклюзии. На основании данных критериев устанавливаются два базовых вида эгоцентрической инклюзии: иконическая и ассоциативно-символическая, — а также выявляются их подвиды. Выделенные виды инклюзии объясняют возможности значительного расширения диапазона коммуникативного дискурсивного потенциала Мы-высказываний, которое можно представить метафорически как семиотическую «иррадиацию» знака в различные референциальные сферы: от обыденного разговора к акциональной сфере медийного социального пространства, а также к научной сфере антропологического знания, другим типам дискурса. Особую лингвопрагматическую значимость приобретает собственно символический вид инклюзии. Дальнейшее изучение в этом направлении будет способствовать более глубокой разработке проблем эго-системы языка и субъектноцентрической категоризации мира с учетом этнокогнитивного фактора ее формирования и реализации.

Список источников

1. Бенвенист, Э. (1974). *Общая лингвистика*. Прогресс.
2. Газарова, Д. (2022). Прагматический и манипулятивный потенциал личных местоимений в политическом дискурсе. *Вестник Ереванского университета. Русская филология*, 43–56.
3. Галямина, Ю. Е. (2016). Мы — они: как в дискурсе Владимира Путина разных лет конструируется идентичность. *Полис. Политическая наука*, 5, 152–167.
4. Есперсен, О. (1958). *Философия грамматики*. Издательство иностранной литературы.
5. Крапивкина, О. А. (2018). Прагматический потенциал местоимения мы в юридических дискурсивных практиках. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Гуманитарные и социальные науки*, 3, 90–98.
6. Лосев, А. Ф. (1995). *Проблема символа и реалистическое искусство*. 2-е изд. Искусство.

7. Синельникова, Л. Н. (2020). Дискурсивная семантика личных местоимений. *Вестник Воронежского государственного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2, 21–28.
8. Серебrenникова, Е. Ф. Местоимение *nous*: к проблеме системных оснований конструктивного потенциала в дискурсе. *Вестник БГУ. Филология*, 3, 3–13.
9. Скрелина, Л. М. (1980). О концептуальной схеме предложения. *Издательство ЛГПИ им. А. И. Герцена*.
10. Успенский, Б. А. (2007). *Ego loquens: Язык и коммуникативное пространство*. Российский государственный гуманитарный университет.
11. Шведова, Н. Ю., & Белоусова, А. С. (1995). *Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий*. Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
12. Чернявская, В. Е. (2006). *Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия*. Флинта.
13. Blanche-Benveniste, C. (1984). *La personne humaine et les pronoms*. Presses Universitaires de Lille.
14. Bouzereau, C. (2022). Usages et fonctions du nous dans le discours politique. *Cahiers de praxématique*, 77, 4–78.
15. Dictionnaire Larousse. <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/nous/55115>
16. Ducrot, O. (1982). La notion du sujet parlant. *Recherches sur la philosophie et le langage*, 2, 65–93.
17. Hunyadi, M. (2014). *Entre je et dieu: nous*. https://www.academia.edu/78483269/Entre_je_et_dieu_nous
18. Kerbrat-Orecchioni, C. (1980). *L'Énonciation de la subjectivité dans le langage*. A. Colin.
19. Legois, J.-Ph. (2018). *Les slogans de 68*. Editions First.
20. Littrée, E. (1966). *Dictionnaire de la langue française*. Gallimard.
21. Micro Robert. (1971). *Dictionnaire du français primordial*. Dictionnaire Le Robert.
22. Palma, S. (2014). *Les pronoms personnels en emploi générique*. <https://journals.openedition.org/praxematique/3958>
23. Pancol, K. (2006). *Les yeux jaunes des crocodiles*. Albin Michel.
24. Papillon, J. (2014). *Qui pourra dire «nous»?* [https://www.academia.edu/77361420/ Qui_pourra_dire_nous_email_work_card=view-paper](https://www.academia.edu/77361420/Qui_pourra_dire_nous_email_work_card=view-paper)
25. Pottier, B. (2002). *Autour de «nous». Les facettes du dire. Hommage à Oswald Ducrot*. Kimé.
26. Roume, S. (2021). *Du «nous devenons» athénien au «on est» contemporain*. https://www.academia.edu/83477016/Du_nous_devenons_ath%C3%A9nien_au_on_est_contemporain_email_work_card=thumbnail
27. Salins de, G-D. (2002). *Grammaire pour l'enseignement*. Didier/Hatier.
28. Vignaux, G. (1988). *Le discours acteur du monde. Enonciation, argumentation et cognition*. Ophris
29. Wodak, R. (2009). *Discursive construction of national identity*. Edinburgh University Press.

References

1. Benveniste, E. (1974). *General linguistics*. Progress. (In Russ.).

2. Gazarova, D. (2022). The pragmatic and manipulative potential of personal pronouns in political discourse. *Vestnik Erevanskogo universiteta. Russkaya filologiya*, 43–56. (In Russ.).
3. Galyamina, Yu. E. (2016). We are them: how identity is constructed in Vladimir Putin's discourse of different years. *Polis. Politicheskaya nauka*, 5, 152–167. (In Russ.).
4. Espersen, O. (1958). *The philosophy of grammar*. Izdatel'stvo inostranoj literatury'. (In Russ.).
5. Krapivkina, O. A. (2018). The pragmatic potential of the pronoun we in legal discursive practices. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series «Humanitarian and Social Sciences»*, 3, 90–98. (In Russ.).
6. Losev, A. F. (1995). *The symbol problem and realistic art*. 2nd ed. Iskusstvo. (In Russ.).
7. Sinelnikova, L. N. (2020). Discursive semantics of personal pronouns. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2, 21–28. (In Russ.).
8. Serebrennikova, E. F. The pronoun nous: on the problem of the systemic foundations of constructive potential in discourse. *Bulletin of the BSU. Philology*, 3, 3–13. (In Russ.).
9. Skrelina, L. M. (1980). *About the conceptual scheme of the proposal*. Izdatel'stvo LGPI im. A. I. Gercena. (In Russ.).
10. Uspensky, B. A. (2007). Ego loquens: Language and communicative space. *Rossiiskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet*. (In Russ.).
11. Shvedova, N. Yu., Belousova A. S. (1995). *The system of pronouns as an outcome of the semantic structure of the language and its semantic categories*. V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
12. Tchernyavskaya, V. E. (2006). *The discourse of power and the power of discourse: problems of speech influence*. Flinta. (In Russ.).
13. Blanche-Benveniste, C. (1984). *The human person and pronouns*. University Press of Lille.
14. Bouzereau, C. (2022). Uses and functions of the we in political discourse. *Praxematics Notebooks*, 77, 4–78.
15. Larousse Dictionary. <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/nous/55115>
16. Ducrot, O. (1982). The notion of the speaking subject. *Research on philosophy and Language*, 2, 65–93.
17. Hunyadi, M. (2014). *Between me and god: we*. https://www.academia.edu/78483269/Between_I_and_gody_us
18. Kerbrat-Orecchioni, C. (1980). *The Enunciation of subjectivity in language*. A. Colin.
19. Legois, J.-Ph. (2018). *The slogans of 68*. First Editions.
20. Littrée, E. (1966). *Dictionary of the French language*. Gallimard.
21. Micro Robert. (1971). *Dictionary of primordial French*. Dictionary Le Robert.
22. Palma, S. (2014). *Personal pronouns in generic use*. <https://journals.openedition.org/praxematique/3958>
23. Pancol, K. (2006). *The yellow eyes of crocodiles*. Albin Michel.
24. Papillon, J. (2014). *Who will be able to say «we»?* https://www.academia.edu/77361420/_who_will_we_be?email_work_card=view-paper
25. Pottier, B. (2002). *Around «us». The facets of saying. Tribute to Oswald Ducrot*. Kimé.

26. Roume, S. (2021). *From the Athenian «we become» to the contemporary «we are»*. https://www.academia.edu/83477016/Du_nous_devenons_ath%C3%A9nien_au_on_est_contemporain?email_work_card=thumbnail
27. Salins of, G-D. (2002). *Grammar for teaching*. Didier/Hatier.
28. Vignaux, G. (1988). *Discourse the actor speech of the world. Enunciation, argumentation and cognition*. Ophris.
29. Wodak, R. (2009). *Discursive construction of national identity*. Edinburgh University Press.

Информация об авторе / Information about the author

Евгения Федоровна Серебренникова — доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии Иркутского государственного университета.

Evgeniya F. Serebrennikova — D. Sc. (Philology), Professor of the Department of Romano-Germanic Philology, Irkutsk State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.112.2'38

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-64-81

ИНТЕРНЕТ-АННОТАЦИЯ К ПАРФЮМЕРНЫМ ТОВАРАМ КАК ПРОДВИГАЮЩИЙ ТЕКСТ

Собянина Валентина Александровна

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

sobyaninava@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1973-451X>

Аннотация. В статье рассматриваются лингвистические особенности аннотаций парфюмерных товаров, представленных на немецких интернет-ресурсах. В процессе анализа было установлено, что большинство рекламных текстов-аннотаций духов имеет трехчленную структуру и состоит из рекламы духов, описания их запахов и ароматов, а также формальных признаков товара. Реклама духов в текстах аннотаций опирается на ключевые образы — концепты, которые являются значимыми, важными для человека, а также привлекательными для покупателей: образ музыки и в целом искусства, образ волшебства и магии, экологический образ, мифологические мотивы, вербализация которых производится путем различных языковых средств. В процессе анализа было установлено, что в рекламе духов проявляется ориентация на женскую и мужскую аудиторию, при этом для репрезентации типичных гендерных стереотипов в немецком обществе используются разные образы. В качестве языковых средств чаще всего выступают различные виды метафоры, эпитеты, оценочная лексика, термины и т. д. Анализ текстов показал некоторую деформацию типичного образа женщины в рекламе духов по направлению к феминистским представлениям. На исследуемых сайтах представлены тексты, рекламирующие духи типа Unisex Parfüm, которые являются гендерно нейтральными. В них аспект гендера стирается и опирается в основном на актуализацию образа природы и путешествий. Кроме того, отмечается, что названный тип продвигающих текстов-аннотаций по своему содержанию направлен на борьбу с имеющимися гендерными стереотипами в немецком обществе, на изменение ценностной картины европейского общества в целом.

Ключевые слова: рекламный текст-аннотация, продвигающий текст, ключевые образы рекламы, языковые средства, гендерный аспект рекламы духов, гендерно нейтральные тексты рекламы, изменение ценностной картины общества.

Для цитирования: Собянина, В. А. (2025). Интернет-аннотация к парфюмерным товарам как продвигающий текст. Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 2(58), 64–81. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-64-81>

Original article

UDC 811.112.2'38

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-64-81

INTERNET ANNOTATION FOR PERFUME PRODUCTS AS A PROMOTIONAL TEXT

Valentina A. Sobyagina

Moscow City University,

Moscow, Russia,

sobyaginava@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1973-451X>

Abstract. The paper examines the linguistic features of perfumes' annotations presented on German Internet resources. During the analysis, it was found that the majority of advertising texts-annotations of perfumes, for the most part, have a three-part structure and consist of advertising perfumes, descriptions of smells and aromas of perfumes, as well as descriptions of the formal characteristics of the product. Perfume advertising in the annotation texts is based on key images — concepts that are significant, important to a person, as well as attractive to buyers: the image of music and art in general, the image of magic and magic, ecological image, mythological motifs, verbalization of which is carried out by various linguistic means. During the analysis, it was found that the advertising of perfumes shows orientation towards a female and male audience, while different images are used to represent typical gender stereotypes in German society. Various types of metaphors, epithets, evaluative vocabulary, terms, etc. are most often used as linguistic means. Text analysis has shown some deformation of the typical image of a woman in perfume advertising towards feminist ideas. The sites under study contain texts advertising perfumes such as Unisex Parfüm, which are gender neutral. In them, the aspect of gender is erased and relies mainly on the actualization of the image of nature and travel. In addition, it is noted that this type of promotional text-annotations in its content is aimed at combating existing gender stereotypes in German society, at changing the European values as a whole.

Keywords: an advertising text is an abstract, a promotional text, key advertising images, language tools, the gender aspect of perfume advertising, gender-neutral advertising texts, a change in the value picture of society.

For citation: Sobyagina, V. A. (2025). Internet annotation for perfume products as a promotional text. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(58), 64–81. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-64-81>

Введение

Предлагаемая статья посвящена исследованию лингвистических особенностей текстов рекламы духов, которое проводится на основе анализа продвигающих текстов аннотаций, представленных на немецких сайтах. Центральное место в них занимает описание запахов духов. Под **продвигающим текстом** при этом понимается такая коммуникативная

единица, которая служит «целям эффективного воздействия на целевую аудиторию (привлечь внимание потребителя, запомниться ему, вызвать или помочь сформировать определенное эмоциональное отношение к заложенной в тексте информации и в идеале побудить к определенному действию)» (Основы маркетинговой лингвистики, 2023, с. 211).

Человеческий организм способен различать триллион различных запахов. Невероятно, но это факт (Welt). Способность человека ощущать запахи играет огромную роль в его жизни. Запах может предупредить нас об опасности и даже сохранить здоровье и жизнь: запах газа, дыма, запах испорченных продуктов и т. д. Но запах также играет большую роль в межличностных отношениях. Известно, что многие люди выбирают себе партнеров в том числе и по запаху. Помимо природных запахов, парфюмеры со временем научились сами создавать искусственные запахи для людей, чтобы они могли привлекать к себе внимание с помощью приятных ароматов. Эту роль играют различные парфюмерные продукты, центральное место среди них занимают духи.

Искусство изготовления духов было известно уже египтянам, а позже было перенято арабами и римлянами. Лишь в XIV веке в Европе были изготовлены и использованы первые духи. В то время, когда личной гигиене не придавалось никакого значения, духи в основном использовались для маскировки запаха собственного тела, так как, например, в Европе в Средние века люди редко мылись. Духи и парфюмерные средства были доступны только богатым слоям населения. Сегодня же парфюмерия — это огромная отрасль, а ее продуктами пользуется фактически все население. Наверное, редко можно встретить сегодня человека, который не пользуется духами. Парфюмеры создают огромное количество всевозможных ароматов, конкуренция в этой области очень серьезная, поэтому реклама духов играет большую роль на рынке данной индустрии. В этой связи исследование текстов рекламы духов в лингвистическом аспекте представляет несомненный интерес и весьма **актуально** в современной лингвистике. Это связано со сложностью анализа запахов в лингвистическом аспекте, так как восприятие запахов весьма субъективно, а семантическое поле запахов описано пока лишь в общих чертах ввиду его сложности.

Методология исследования

Практическим материалом для исследования послужили тексты интернет-аннотаций духов различных фирм, представленные на сайтах некоторых компаний, занимающихся продажей духов, прежде всего: <https://www.flaconi.de/>; <https://www.ybpn.de/parfum/parfum-werbung/>. Интернет-аннотации можно рассматривать как один из видов продвигающего текста. «Его прагматика заключается в эмоциональном и рациональном воздействии...» на потенциального покупателя (Чупрына, 2020, с. 1), в нашем случае — духов. По мнению Е. Г. Борисовой, в рекламных текстах главную роль играет не только передача

информации о товаре и услуге, а также и средства воздействия на адресата. Важным оказывается и эмоциональное воздействие (Борисова, 2019, с. 7).

Следует отметить, что проанализированные тексты рекламных аннотаций имеют в разных вариациях, как правило, следующую структуру: по содержанию они состоят из трех частей. Первая — носит чисто рекламный характер и представляет различные образы духов, их сравнение, например, с какими-либо объектами или явлениями (с музыкальным произведением, фантастическими и мифологическими образами и др.), т. е. содержит яркую эмоциональную составляющую. Данная часть наиболее образная и обладает значительной воздействующей силой. Вторая часть при помощи различных языковых средств передает аромат духов, его нюансы; при этом чаще всего используются прилагательные (цветочный, свежий, восточный, солоноватый и др.). Третья часть отличается рациональностью и характеризует духи как товар, акцентируя внимание на форме, виде флакона и упаковки, объеме, способе нанесения духов и др. Однако и такое, на первый взгляд, сухое деловое описание в некоторых случаях также содержит элементы образности и эмоциональности, продвигающие парфюм как товар.

Таким образом, исследуемые интернет-аннотации имеют так называемый продвигающий потенциал, под которым понимается совокупность языковых средств, формирующих осведомленность потенциального покупателя и способствующих узнаваемости духов на парфюмерном рынке, а также стимулирующих интерес к ним с дальнейшей возможностью покупки товара (Чупрына, 2020, с. 6).

В качестве основных методов исследования используются контекстологический и семантический виды анализа, помогающие установить значение и его оттенки при описании запахов духов.

Результаты и дискуссия

Проблема изучения запахов в разных видах дискурса частично затрагивалась в ряде научных работ на материале различных языков, но больших системных исследований, в том числе на материале немецкого языка, не было. В статье Н. А. Трофимовой и В. В. Мамцевой проанализирована вербальная репрезентация женских запахов искусственного происхождения в немецкоязычном романтическом дискурсе на примере художественного произведения. На основе обширного материала авторами предпринята попытка построить когнитивную модель женской ольфакторности, выявлены значимые языковые средства, используемые для обозначения запаха, обонятельных ощущений: это метафоры и метонимии, оценочные прилагательные, причастия, глаголы и др. Авторы статьи приходят к интересному выводу о том, что «исследование романтической ольфакторной топики позволяет не только проникнуть в многообразный вербальный мир сенсориума человека, но глубже постичь

удивительное эйфорическое пограничное состояние сознания, которое мы называем любовью...» (Трофимова, Мамцева 2019, с. 78).

П. Л. Горелик в своей статье исследует семантическую структуру рекламы парфюмерной продукции и отмечает, что для подобных текстов свойственны смыслы удовольствия, роскоши, вечного праздника. Она выделяет два объекта рекламы: 1) парфюмерию как товар и 2) аромат, т. е. запах, «так как рекламируемый товар состоит из духов как предмета роскоши, эстетического наслаждения, и из запаха — источника эмоций и хорошего настроения» (Горелик, 2013, с. 71). С такой точкой зрения можно согласиться.

Е. Г. Басалаева анализирует языковую репрезентацию запаха в русскоязычном парфюмерном интернет-дискурсе. По ее наблюдениям, описание запаха может строиться через иные перцептивные системы, так как его восприятие, как правило, субъективно. Часто он передается через более понятные впечатления, а именно тактильные, вкусовые, визуально-цветовые и некоторые другие. Автор подробно анализирует различные виды метафор при изображении ароматов: музыкальную, водную, антропоморфную, предметную, пространственную и анималистическую, выделяя при этом наиболее частотные метафорические модели: запах — звук, запах — вода, запах — одежда, запах — человек, запах — предмет (Басалаева, 2013, с. 18–20).

Исследование ольфакторной метафоры в парфюмерном рекламном дискурсе на примере немецкого языка содержится в работе Л. Е. Остаповой. Под ольфакторной метафорой она понимает метафорическую номинацию, используемую для описания запаха (Остапова, 2020, с. 55). Использование метафоры в парфюмерном рекламном дискурсе автор объясняет ее большой воздействующей силой. В исследуемом автором материале метафора представлена прежде всего синестезией, включающей в себя смешение в слове или словосочетании различных органов чувств.

Не остается без внимания и гендерный аспект в рекламе косметики и парфюмерии. Так, И. А. Френкель анализирует языковые особенности гендерного компонента во французской интернет-рекламе и приходит к выводу об определенных трансформациях имиджа мужчины, который представлен в исследуемых текстах. Он включает в себя не только мужские, но и женские черты (Френкель, 2022, с. 150).

Анализ немецкоязычных источников, связанных с продажей и рекламой духов, позволил выявить некоторые языковые закономерности, которые характерны для текстов аннотаций, представляющих ту или иную марку духов, центральное место в этих текстах занимает описание запахов.

Для того чтобы привлечь покупателя духов, создатели текстов рекламы должны описать продвигаемые продукты так, чтобы произвести впечатление и пробудить в нем желание купить эти духи. Для этой цели используются те языковые средства, которые бы вызывали у людей положительные, приятные эмоции. Текст в этом случае дополняет сенсорные ощущения человека и в определенной степени даже заменяет их, если речь идет,

например, об интернет-рекламе, когда у покупателя нет возможности понюхать духи.

В результате исследования были установлены образы, на которые чаще всего опирается реклама духов в немецкой рекламе. Они весьма значимы и привлекательны для человека. Например, парфюм сравнивается с музыкой, музыкальными произведениями, он будто создан по аналогии с музыкой, с процессом написания музыкальных произведений и затрагивает эмоции человека. Поэтому подобные рекламные тексты изобилуют музыкальными терминами и словами, имеющими отношение к музыке. Кроме того, в них встречаются образные эпитеты, всевозможные прилагательные и причастия, характеризующие данный процесс. Представляем целостный отрывок рекламы духов, где музыкальный концепт образно актуализируется при помощи различных языковых средств: музыкальных терминов, метафор, эпитетов, сравнений и др.:

Ein Parfümeur ist ein *Künstler* seines Metiers. Feinste *Duftakkorde* fließen in einem Parfüm zu einer *Symphonie* zusammen. Wie ein *Musikstück* baut sich der Duft auf: *Basisnote*, *Herznote*, *Kopfnote*. So beginnen Damendüfte und Herrendüfte nach dem Aufsprühen wie ein *musikalisches Stück*, sich zu entfalten — manchmal sanft und emotional, zuweilen aber auch mit einem aufreibenden *Paukenschlag* oder sexy, wild und frech.

(Парфюмер — это художник со своим мастерством. Тончайшие аккорды аромата соединяются в духах в симфонию. Запах создается по аналогии с музыкальным произведением: он состоит из основных нот и дополнительных. Так, женские и мужские ароматы начинают раскрываться после разбрызгивания как музыкальное произведение — иногда нежно и эмоционально, но порой также с нарастающим ударом литавры, или же сексуально, дико и дерзко) (здесь и далее перевод наш. — В. С.).

Оттенки аромата передаются через музыкальные термины аккордов и нот: *Basisnote*, *Herznote*, *Kopfnote*; *die transparenten Akkorde von Jasmin und Rose*; *ein strahlend solarer Akkord*; *Feinste Duftakkorde*; через жанры музыкальных произведений: *Symphonie*; через музыкальные инструменты и игру на них: *Paukenschlag*.

Аромат духов сравнивается с созданием музыкальной симфонии, соединение между собой различных оттенков аромата создается по аналогии с музыкальным произведением, состоящим из разных нот. В то же время в тексте женские и мужские ароматы духов характеризуются по-разному: запах женских духов раскрывается как нежный и эмоциональный (*sanft und emotional*), мужские духи сравниваются с нарастающим ударом литавры (*Paukenschlag*). Они сексуальные, дикие и дерзкие (*sexy, wild und frech*). Такой текст очень эмоционален, экспрессивен, содержит элементы образности, поэтому положительно воздействует на эмоциональную сферу потенциального покупателя и продвигает товар.

Духи и их аромат создатели рекламы связывают в текстах также с фантастическим миром, магией, волшебством и магнетизмом, которые очаровывают,

приковывают внимание человека. Этот мир таинственный, он способен воздействовать на человека, его разум, эмоции и чувства. В таких рекламных текстах используются слова, относящиеся в названной области (*Fantasiewelt* — фантастический мир, *Zaubertränke* — волшебный напиток, *magnetische Anziehungskraft* — магнетическое притяжение и др.):

Tauchen Sie mit Gucci Flora in eine bunte *Fantasiewelt* ein.

Die Herznote des floralen Dufts wird von der Gardenie bestimmt, die seit jeher für ihre Pracht bewundert wird und wohl in *Elixieren* und *Zaubertränken* Verwendung fand.

Die maskuline Essenz von Dolce&Gabbana The One for Men Gold Eau de Parfum Intense ist eine Hommage an die *magnetische Anziehungskraft seines Trägers*, mit einer *fesselnden* Mischung aus holzigen und würzigen Noten, darunter Muskatellersalbei, Bergamotte und Patchouli.

Es verbreitet einen *süchtig machenden* holzigen und maritimen *Duft*.

Das suggestive und überraschende Gucci Guilty Pour Homme Eau de Parfum...

(Погрузитесь с Gucci Flora в красочный фантастический мир.

Сердечная нота цветочного аромата вызвана гарденией, которая с давних времен восхищает своим великолепием и определенно использовалась в эликсирах и волшебных зельях.

Маскулинная сущность духов с названием Dolce&Gabbana The One for Men Gold Eau de Parfum Intense — это дань уважения *магнетической притягательной силе* ее обладателя, это чарующая смесь из древесных и пряных нот, к которым относятся мускатный шалфей, бергамот и пачули.

Эти духи распространяют древесный и морской запах, который *вызывает зависимость*. *Суггестивный* и неожиданный аромат духов Gucci Guilty Pour Homme.)

В процессе анализа рекламы духов были выявлены **мифологические мотивы** и представления о героях мифов и сказаний. Так, в рекламе духов *Versace Eros*, с тем чтобы воздействовать на покупателя и подчеркнуть особый шарм парфюма, эксплуатируется образ греческого бога Эроса — бога любви и сладострастия, обладающего чувственностью, страстью, экстремальной силой и харизмой, способного очаровать, соблазнить и разбудить чувство любви и желания у противоположного пола. Очевидно, этот факт можно объяснить тем, что духи приносят наслаждение. Использование различных языковых средств в рекламе духов в сочетании с образом бога в целях воздействия на покупателя прекрасно демонстрирует весьма удачный пример:

Ich hatte einen *heldenhaften, leidenschaftlichen* Mann vor Augen — nahezu einen *griechischen Gott*. Daher verströmt der Duft Akkorde purer Sinnlichkeit, Energie und extreme Stärke.

Donatella Versace. Ein neuer und kraftvoller Herrenduft im *mythischen Universum* von Versace. Ein Duft von *charismatischem Charme*, der ungefiltert die *Macht von Verführung, Lust, Schönheit und Liebe verströmt*. *Eros, der Gott der Liebe, der mit seinem*

Pfeil das Begehren und die Liebe zu entfesseln vermag, entfacht die leidenschaftlichen Höhen orientalischer Sinnlichkeit — der eine unvorhergesehene Lust entspringt, die die Grenzen des Verbotenen auslotet. Die neue Manifestation dieser glorreichen Gottheit offenbart vom ersten Augenblick den überwältigenden Charakter des Duftes.

(У меня был перед глазами героический, страстный мужчина — почти греческий бог. Поэтому аромат источает аккорды чистой чувственности, энергии и чрезвычайной силы.

Духи Donatella Versace. Новый, мощный мужской аромат в мифическом пространстве Versace. Запах харизматичного шарма, который способен в чистом виде распространить силу соблазнения, желания, красоты и любви. Эрос, Бог любви, который своей стрелой в состоянии разжечь вожделение, любовь и добаться до страстных высот восточной чувственности, исходящей из неожиданного желания, которое находится на грани запретного. Новая манифестация этого победоносного божества проявляет с первого момента характер запаха, который овладевает тобой.)

Образ внешне красивого, соблазнительного и сильного бога Эроса связывается с мощным, очаровывающим характером аромата данных духов, имеющим сильную воздействующую силу, а используемые языковые средства актуализируют этот образ, к примеру: *charismatischem Charme* — харизматичный шарм; *die Macht von Verführung* — сила соблазнения; *Eros, der Gott der Liebe, der mit seinem Pfeil das Begehren und die Liebe zu entfesseln vermag* — Эрос, бог любви, который своей стрелой способен разжечь чувство вожделения и любви.

Помимо прочего, в материале представлены рекламные тексты, в которых вербализуется экологический образ. Данная тематика очень популярна в немецком обществе и имеет большую ценность для людей, поэтому ее использование оправданно. При этом воспевается красота природы Земли, ее чистота, первозданность, указывается на необходимость ее беречь, называются уникальные места в различных частях планеты, которые следует посетить. Красота природы связывается с ароматом духов:

(GUERLAIN) *Aqua Allegoria Forte, die intensive Kollektion, ist eine warme und einhüllende Reise in das Herz der Wunder der Welt: Die Eaux de Parfum zelebrieren die intensive Schönheit der Natur, die von den goldenen Strahlen der untergehenden Sonne enthüllt wird.*

Die Duftkollektion Aqua Allegoria zelebriert die Wunder der Welt. Jede Kreation ist eine Hommage an die Schönheit der Natur.

(GUERLAIN. Интенсивная коллекция духов Aqua Allegoria Forte — это теплое и захватывающее путешествие в сердце чудес света: духи Eaux de Parfum воспевают мощную красоту природы, которая открывается в золотых лучах заходящего солнца.

Коллекция духов Aqua Allegoria воспевает чудеса света. Каждое ее создание — это посвящение красоте природы.)

Экологический концепт актуализируется при помощи таких слов и словосочетаний, как *die Schönheit der Natur, die Wunder der Welt, Naturphänomen,*

Wüstenblumen, die nach starken Regenfällen... zum Leben erwachen; die intensive Schönheit der Natur, die von den goldenen Strahlen der untergehenden Sonne enthüllt wird.

В рекламе отмечается причастность производителей к использованию природных компонентов при создании духов, что особо ценится в немецком обществе и также служит весомым рациональным аргументом рекламы самой компании:

Die Düfte von Aqua Allegoria Forte sind ein starkes Symbol für *das Engagement* von Guerlain für unseren *Planeten* und enthalten mehr als 90 % *natürlichen Ursprungs*. Ein *umweltbewussteres* Parfüm.

(Ароматы духов Aqua Allegoria Forte — это мощный символ *сопричастности* Guerlain к заботе о планете, духи содержат более 90 % натуральных компонентов.

Экологичный парфюм.)

Встречаются случаи, когда реклама духов передается через связь с **поэзией, литературой, живописью** как с видами искусства, которые тоже воздействует на человека. Такое сопоставление имеет возвышенный характер: *Ode an die Poesie* (ода поэзии), *impressionistischer Spaziergang* (импрессионистская прогулка):

Der neue intensiv blaue Flakon von KENZO HOMME ist eine *Ode an die Poesie*.

Un Jardin sur le Nil ist ein *impressionistischer Spaziergang* durch die Garteninseln auf dem Nil.

(Новый голубой флакон духов с интенсивным запахом KENZO HOMME — это ода поэзии.

Un Jardin sur le Nil — это импрессионистская прогулка по садовым островам Нила.)

Реклама женских и мужских духов в исследуемом материале имеет некоторую **гендерную специфику**. Так, рекламные тексты **духов для женщин** отличаются как с точки зрения использования лексики, так и с точки зрения трансляции определенных представлений и стереотипов женщин, распространенных в немецком и европейском обществе в целом:

Das nachfüllbare Eau de Parfum My Way von Giorgio Armani steht für den *Entdeckergeist* der *modernen* und *selbstbestimmten* Frau, welche *Neugier*, *Lebenslust* und *Freude* in sich trägt. Der blumige Duft für Damen symbolisiert dabei *das Streben nach Abenteuern* und *das Bedürfnis, den eigenen Horizont zu erweitern*. Das Damenparfum ist getreu dem Motto «I am what I live» komponiert und zeigt sich zeitlos und elegant.

(Духи My Way от Giorgio Armani олицетворяют *дух открытый современной целеустремленной женщины*, которая соединяет в себе любопытство, интерес к жизни и радость. Цветочный аромат для женщин символизирует при этом *стремление к приключениям и потребность расширять свои горизонты*. Женский парфюм создан в соответствии с девизом «Я есть то, чем я живу», он элегантный и существует вне времени.)

Как мы видим, в рекламе текста аннотации предстает образ современной (*modern*), эмансипированной, уверенной в себе женщины (*selbstbestimmt*), жизнерадостной (*Lebenslust und Freude*), любящей приключения (*das Streben nach Abenteuern*) и желающей самообразовываться (*den eigenen Horizont zu erweitern*); свободомыслящей и смелой (*Die Essenz einer freigeistigen, kühnen Frau*).

Сам же аромат духов передается через запах цветов, растений и пряностей (бергамот, мандарины, жасмин, ваниль и т. д.): *Der blumige Duft, Kopfnote von Bergamotte und Orangenblüten, Komposition von Tuberose und Jasmin, Zedernholz und Vanille*. Подобный способ передачи ароматов духов наиболее распространен в исследуемом материале.

Одно из основных качеств женщин — женственность — тоже представлено в текстах рекламы духов, однако все же это качество выражено в немецкой рекламе в несколько ином виде, в отличие от типичного представления о женственности в отечественной лингвокультуре. Это так называемая сильная женственность, близкая к эмансипированной женщине. В тексте рекламы понятие женственности актуализирует свое значение, соединяясь с прилагательными и существительными, обозначающими силу: *starke Weiblichkeit* (сильная женственность), *die kraftvolle Natur* (сильная природа женщины), *die göttliche Stärke der Frau* (божественная сила женщины):

(Jean Paul Gaultier Gaultier Divine) *Die neue starke Weiblichkeit bei Jean Paul Gaultier heißt GAULTIER DIVINE und ist eine Ode an die kraftvolle Natur und die göttliche Stärke der Frau.*

Описание аромата духов передается при помощи ароматов различных цветов, которые способны очаровать каждого потенциального покупателя.

Mit der himmlischen Kombination aus *strahlenden Lilien* und *cremiger, süßer Meringue* mit einer *lebhaften salzigen Note* zieht das gourmand florale Eau de Parfum absolut jeden in seinen Bann.

(Своей превосходной комбинацией *лучистых лилий и кремовой, сладкой эхинацеи пурпурной* в сочетании с *живой соленой нотой аромата* эти цветочные духи очаровывают абсолютно каждого.)

Таким образом, данные примеры показывают определенную лингвокультурную специфику немецкоязычной рекламы духов, сопряженную со всевозможными ценностными ориентирами и представлениями немецкого общества.

В отличие от женских духов, в **рекламе мужского парфюма** отражены современные, модные стереотипы мужчины в немецком обществе: его маскулинность, успешность, сексуальность, элегантность, модность и т. д.:

(Hugo Boss) BOSS BOTTLED — ein Duft, der *Erfolg ausstrahlt* und dessen *Erfolgsgeheimnis* seine außergewöhnliche Duftkreation ist. Mit aromatisch-fruchtigen Noten in der Kopfnote — insbesondere dem roten Apfel — wagte sich BOSS BOTTLED auf *neues Terrain* im Herrenduftmarkt und wurde damit zum Bestseller.

Das Einzigartige ist seine zeitlose, markant-maskuline Strahlkraft. Unverwechselbar und unnachahmlich — bis heute.

(Hugo Boss. BOSS BOTTLED — это запах, который *излучает успех, таинство* которого выражается в создании необычного аромата. Своими ароматно-фруктовыми нотами в основном запахе, в особенности красным яблоком, BOSS BOTTLED отважился на *новую тенденцию* на рынке мужских ароматов и стал *бестселлером*. Уникальность этого аромата заключается в его неподвластной времени *поразительно мужественной, неподражаемой силе излучения*, которую ни с чем не перепутаешь по сегодняшний день.)

(Paco Rabanne) Sei der König des Goldes — mit MILLION GOLD, dem neuen Eau de Parfum Intense von Rabanne. *Eleganter. Moderner. Modebewusster*. Die neue Interpretation des MILLION Mannes *verkörpert extravagante Männlichkeit, Mut und Erfolg*, der Dich in einen Goldrausch versetzt.

(Paco Rabanne. Является королем золота в своем воплощении в MILLION GOLD, в новом интенсивном аромате Paco Rabanne. *Эlegantный. Современный. Модный*. Новая интерпретация мужского аромата MILLION *воплощает экстравагантную мужественность, смелость и успех*, которые приведут Вас в состояние золотой лихорадки.)

В данной рекламе описание аромата духов *Paco Rabanne* соотнесено с образом элегантного (*elegant*), современного (*modern*), модного мужчины (*modebewusst*), который воплощает в себе успех (*Erfolg*), экстравагантность (*extravagant*), мужественность (*Mut*) и маскулинность (*Männlichkeit*). В ней собраны лексические единицы, которые вербализуют цельный образ мужчины в немецкой лингвокультуре. Как правило, он успешен и реализовал себя в жизни: *Die Quintessenz des Duftes für den selbstverwirklichten Mann*. (Квинт-эссенция аромата для самореализованного мужчины.) Непременное качество успешного мужчины — его свобода: *Eine Hommage an die Freiheit des Mannes in einem aromatisch-holzigen, faszinierenden Duft*. (Воплощение свободы мужчины при помощи ароматного древесного запаха.)

К основным мужским качествам относится маскулинность в сочетании с экстравагантностью, мужественностью и успешностью, поэтому в рекламе духов данная черта особенно активно эксплуатируется:

ARMANI CODE PARFUM schlägt ein neues Kapitel auf: Giorgio Armani's Neuinterpretation von *Männlichkeit* spricht den Mann von heute an, der mit seiner individuellen Persönlichkeit in Einklang ist.

(Духи ARMANI CODE открывают новую главу: это новая интерпретация маскулинности, когда современный мужчина находится в гармонии со своей личностной индивидуальностью.)

Paco Rabanne. Die neue Interpretation des MILLION Mannes verkörpert *extravagante Männlichkeit, Mut und Erfolg*.

(Paco Rabanne. Новая интерпретация мужского аромата MILLION воплощает *экстравагантную маскулинность, мужественность и успех*.)

Такой комплексный образ мужчины, присутствующий в рекламных продвигающих текстах и ассоциирующийся с ароматами духов, естественно, привлекает к себе покупателей и весьма эффективен по своему воздействию.

Часто основной семантический признак образа мужчины в рекламе конкретных духов обозначен уже в самом их названии, а далее он разворачивается в описании аромата духов: так, в названии духов **GIVENCHY «Gentleman Society Eau de Parfum Extrême»** уже содержится ключевое слово **Gentleman** как один из ключевых желаемых признаков образа современного мужчины — обходительного джентльмена, который далее повторяется в самом тексте в сочетании с прилагательными, в том числе и форме суперлатива — **selbstbestimmte Männer** (серьезные и основательные мужчины), **unaufhaltsamste Gentlemen** (неудержимые джентльмены):

(GIVENCHY Gentleman Society Eau de Parfum Extrême) Mit Gentleman Society Eau de Parfum Extrême, der gewagten neuen Kreation für selbstbestimmte Männer, lädt Givenchy die *unaufhaltsamsten Gentlemen* ein, sich der aufregendsten Gesellschaft anzuschließen. Ein dunkler Eiskaffee-Akkord treibt diesen kraftvollen, holzigen, blumigen und würzigen Duft zu sensationellen Grenzen für das *extremste* Eau de Parfum.

(GIVENCHY. Своими духами Gentleman Society Eau de Parfum Extrême — новым смелым продуктом для самостоятельных мужчин, Givenchy приглашает самых *неудержимых джентльменов* присоединиться к самой захватывающей компании. Аккорд темного холодного кофе доводит этот мощный, древесный, цветочный и пряный аромат до сенсационных пределов, создавая *самые экстремальные духи*.)

Сам же запах передается за счет прилагательных *kraftvoll, holzig, blumig, würzig, extrem*.

Таким образом, при помощи языковых средств аромат духов связывается с идеальным образом мужчины, его положительным стереотипом, имеющим черты, наиболее желаемые в немецком обществе.

Стоит особо отметить, что на исследуемых сайтах, кроме женских и мужских духов, рекламируются **Unisex Parfüm** (духи унисекс), которые предназначены одновременно и для женщин, и для мужчин. Центральным образом гендерно-нейтральных ароматов выступает вербализация концепта *природы и ее красоты*, а также *путешествий* по миру с целью посетить красивые места и увидеть замечательные достопримечательности:

Mit diesen Eaux de Parfums wird *die intensive Schönheit der Natur*, die in die *goldenen Strahlen einer untergehenden Sonne* getaucht ist, zelebriert;

Bosca Vanilla Forte ist *der Duft eines wilden Strandes auf Korsika* am Ende des Sommers.

Die intensive *Duftkollektion* Aqua Allegoria Forte ist eine warmherzige und behutsame *Begleitung auf einer Reise zu den Wundern dieser Welt*.

(Эти духи Eaux de Parfums воспевают яркую красоту природы, купающейся в золотых лучах заходящего солнца.

Bosca Vanilla Forte — это *аромат дикого пляжа на Корсике* в конце лета.

Интенсивная коллекция ароматов Aqua Allegoria Forte станет *теплым и нежным сопровождением в путешествии к чудесам этого мира.*)

Как показало исследование, в рекламных текстах-аннотациях такого рода духов **гендерный аспект нейтрализуется**. Реклама в этом случае ориентирована не на вербализацию каких-либо гендерных стереотипов, мужчин и женщин, и их типичных черт, а, наоборот, призывает бороться со стереотипами и условностями, сглаживает гендерные различия, что вполне объяснимо в условиях сегодняшней гендерной политики в Германии и Европе, когда вполне приемлемо и даже модно сменять пол и не выпячивать свои гендерные особенности.

Духи *Unisex Parfüm* характеризуются в рекламе как *universell* (универсальные), *avantgardistisch und inklusiv* (авангардные и инклюзивные), *revolutionär* (революционные), *kompromisslos mutig* (мужественно бескомпромиссные).

Реклама такого рода духов призывает ставить под вопрос общественные нормы и условности и даже нарушать их: *die gesellschaftlichen Normen in Frage stellen, Pfeif auf Konventionen und lebe den Wandel, den du dir für diese Welt wünschst* (Наплюй на условности и живи теми переменами, которые ты хочешь видеть в этом мире); отказаться от общепринятых представлений и стереотипов о мужчинах и женщинах: *Die ultimative Absage an alle Geschlechter-Stereotypen in einem Unisex-Duft* (Полное отрицание всех гендерных стереотипов в аромате унисекс).

Как мы видим, тексты рекламы духов формируют несколько иную шкалу ценностей немецкого общества, отличную от традиционной, когда стирается граница между полами, причем в рекламе это подается как позитивный, модный процесс. Таким образом, в рекламе можно наблюдать трансформацию существующих в обществе ценностей.

Остановимся на наиболее характерных языковых средствах, представленных в текстах рекламы духов:

В исследуемом материале были выявлены термины и терминологическая лексика из парфюмерной области, например *Molekül-duft* (молекулы аромата), *Akkord des Duftes* (аккорд запаха), *Akzent* (акцент), *Charakter des Duftes* (характер запаха), пришедшие в парфюмерию из области химии, музыки, психологии и некоторых других наук. Центральными терминами, которые употребляются фактически в каждом рекламном тексте-аннотации, являются существительные со словообразовательным компонентом *-note* из области музыки: *Kopfnote* (верхняя нота), *Herznote* (средняя нота), *Basisnote* (базовая нота), обозначающие различные фазы раскрытия аромата, их интенсивность и длительность (начальная, средняя и заключительная стадия раскрытия аромата духов).

Для описания запаха и оттенков аромата используется большое количество прилагательных и существительных, подчеркивающих различные его нюансы: *facettenreich, blumig-ambriert, rauchig, süß, feurig-blumig, holzig* (многогранный, цветочно-амбровый, дымный, сладкий, огненно-цветочный, древесный).

В процессе исследования было установлено большое количество возможностей описания ароматов духов в текстах рекламы через различные объекты и явления. Среди наиболее частотных аспектов можно выделить следующие:

- цветочный аромат, запах цветов и растений, дерева: *eine verführerische Mischung aus **floralen Noten: Orangenblüte, Tuberose und Jasmin, Jasminnoten; Lilien; blumig-ambriert; feurig-blumig; Lavendel; Rosa; Eine exklusive Mischung aus Oud, Bambus und Sandelholz rundet die Basisnote ab und sorgt für eine geheimnisvolle, holzige Facette*** (соблазнительная смесь цветочных нот: апельсиновый цвет, тубероза и жасмин, ноты жасмина; лилии; цветочно-янтарный; огненно-цветочный; лаванда; розовый эксклюзивная смесь уда, бамбука и сандалового дерева завершает базовую ноту и придает аромату таинственную древесную грань). Эта группа слов встречается в большинстве аннотаций к духам;

- запах и вкус фруктов, плодов: *Mandarine, Grapefruit* (мандарин, грейпфрут);
- запах масел и жидкостей: *Neroli* (нероли — эфирное масло из цветов горького апельсина);

- цвет как символ аромата: *Nichts als **die Farbe Rot** dient dem verführerischsten Damenparfum* (Только красный цвет может стать самым соблазнительным женским парфюмом). Красный цвет символизирует яркий, агрессивно-воздействующий, соблазняющий запах;

- аромат продуктов, напитков: *die süchtig machende Wirkung **kräftigen Kakaos*** (вызывающий зависимость запах крепкого какао);

- запах пряностей и приправ: *Vanille, Vanilleextrakt, ein Vanille-Kaviar, Bergamotte, Amber, Pfeffer, Pfefferkörner, Zimt, Salbei* (Ваниль, экстракт ванили, ванильная икра, бергамот, амбра, перец, перец горошком, корица, шалфей);

- запах, ассоциирующийся со странами и частями света: *orientalischer Duft; Bosca Vanilla Forte ist der Duft eines wilden Strandes auf Korsika am Ende des Sommers* (восточный аромат; Bosca Vanilla Forte — это аромат дикого пляжа на Корсике в конце лета);

- времена года: *Gefühl des Sommers* (ощущение лета);

- ассоциация с явлениями природы, со свежестью моря, летним солнцем, пустыней и др.: *Die belebende Frische von rosa Pfefferkörnern, **gepaart mit einer Meeresbrise**, macht Platz für einen Feigenholz — und Sandelholzakkoord, der an salzige, von der Sonne erwärmte Haut erinnert* (Бодрящая свежесть розового перца в сочетании с морским бризом уступает место аккорду инжира и сандалового дерева, напоминающему соленую, разогретую солнцем кожу.).

*Dior Sauvage Eau de Parfum ist ein Herrenduft, **inspiriert von der Wüste bei Sonnenuntergang*** (Dior Sauvage Eau de Parfum — мужской аромат, вдохновленный пустыней на закате солнца);

- консистенция: *Ein cremiger Duft* (кремовый аромат).

Кроме лексических единиц, описывающих непосредственно сам аромат духов, в текстах рекламы встречаются **оценочные прилагательные, причастия и существительные**, отличающие данный аромат от других, указывающих

на его превосходство, обозначающие высшую степень проявления какого-либо признака, высшее качество товара. Такие слова имеют рекламный характер и призваны убедить потребителя в качестве товара, его непревзойденности: *einzigartig, unvergesslich, faszinierend, himmlisch, die einmalige Duftkone, Einzigartigkeit, Exzellenz, nachhaltiger Luxus* (уникальный, незабываемый, завораживающий, небесный, уникальная икона аромата, уникальность, совершенство, устойчивая роскошь).

Значительное место в рекламных текстах занимает метафора:

Ein magnetischer, metallischer Akkord aus Rose und Kastanie bildet das schimmernde, verführerische Herzstück des Duftes (Магнетический, металлический аккорд розы и каштана формирует мерцающее, соблазнительное сердце аромата); *eine Duftkone* (икона запаха).

Ein Garten voller Leben (сад, полный жизни), *großzügig und spritzig. Ein Duft, in dem sich Mango, Lotosblume und Kalmus mit Weihrauch und Sykomore verbinden* (Сад, полный жизни, щедрый и живой. Аромат, в котором манго, цветок лотоса и аир сочетаются с ладаном и платаном). Аромат духов предстает как живой сад, полный цветов и растений.

Наиболее часто встречаются *персонафикация* и *синестезия*. При персонафикации человеческие качества и способности переносятся на неживые объекты, на духи и их аромат: *leidenschaftliche Kopfnote; ein klares Aroma mit grünem... Charakter; der leidenschaftliche Charakter; selbstbewusst und stolz; Eleganter. Moderner. Modebewusster Duft; verführerisches Herzstück des Duftes*; Die intensive Duftkollektion Aqua Allegoria Forte ist *eine warmherzige und behutsame Begleitung auf einer Reise zu den Wundern dieser Welt*. (Страстная верхняя нота; чистый аромат с зеленым... характером; страстный характер; уверенный и гордый; Элегантный. Современный. Модный; соблазнительное сердце аромата; Интенсивная коллекция ароматов Aqua Allegoria Forte станет теплым и нежным сопровождением в путешествии к чудесам этого мира). *Синестезия*: смешение различных органов чувств — обонятельного и вкусового: *süßer Duft* (сладкий запах).

Заключение

Таким образом, мы видим, что тексты аннотаций духов в немецком парфюмерном рекламном дискурсе характеризуются высокой степенью эмотивности, эмоциональности, которая вербализуется за счет потенциала разнообразных языковых средств. С одной стороны, они создают в тексте аннотации духов целые образы, концепты, весьма эффективно выполняющие воздействующую функцию, они наиболее действенны в рекламе (музыкальный и мифологический образ, магия и волшебство и др.), а с другой — сам выбор языковых средств свидетельствует о том, что, наряду с непосредственным описанием запахов через разнообразные объекты и явления, активно используются

средства образности, которые дополняют общую картину и нацелены на то, чтобы впечатлить покупателя и подтолкнуть его к покупке товара. Таким образом, анализ текстов аннотаций духов на немецкоязычном материале подтверждает мнение некоторых ученых о том, что в рекламе воздействующая функция превалирует над информационной (Борисова, 2018, с. 6).

Гендерный характер анализируемой немецкоязычной рекламы проявляется в создании при помощи языковых средств типичного образа и стереотипа как женщины, так и мужчины, которые распространены в Германии. В отличие от типичного образа женщины в России, представленный в исследуемых текстах образ женщины имеет феминистский оттенок, что свидетельствует о некоторой лингвокультурной специфике немецкоязычной рекламы духов. Наблюдаются некоторые изменения, связанные с формированием образа и имиджа мужчины.

Кроме того, как показывает анализ текстов, реклама универсальных, гендерно-нейтральных духов Unisex Parfüm указывает на четкое изменение ценностной картины в немецком обществе и формирование новых норм, стирающих гендерные границы и создающие иные представления об имидже полов.

В процессе анализа было отмечено, что интернет-аннотация духов как один из видов продвигающего текста рекламирует не только духи как товар, но и определенные ценности и их трансформацию в социокультурном пространстве, в связи с чем исследование такого рода текстов и наблюдение за названными изменениями имеет серьезную перспективу.

Список источников

1. Антонова, Л. Г., Бирюкова, Е. В., Борисова, Е. Г., Викулова, Л. Г., Зоидзе, Э. А., Колесникова, А. А., Макарова, И. В., Мухортова, И. И., Прохорова, С. Н., Самородин, Г. В., & Ухова, Л. В. (2023). *Основы маркетинговой лингвистики*. Учебник. Языки Народов Мира. <https://elibrary.ru/item.asp?id=54735218>
2. *Welt*. <https://www.dasgehirn.info/aktuell/frage-an-das-gehirn/wie-viele-geruech-riecht-der-mensch>
3. Чупрына, О. Г. (2020). Обложечная аннотация как продвигающий текст. *Иностранные языки в высшей школе*, 3(54), 105–114.
4. Борисова, Е. Г. (2019). Что дает маркетинговая лингвистика маркетингу и лингвистике? (Вместо предисловия). *Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста* (с. 4–10). Флинта.
5. Трофимова, Н. А., & Мамцева, В. В. (2019). Вербализация репрезентации женских запахов искусственного происхождения в немецкоязычном романтическом дискурсе. *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 58, 71–81.
6. Горелик, П. Л. (2013). Анализ семантической структуры рекламы парфюмерии. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 9(27), Ч. 2. www.gramota.net/materials/2/2013/9-2/18.html
7. Басалаева, Е. Г. (2013). Языковая репрезентация запаха в парфюмерном интернет-дискурсе. *Вестник Томского государственного университета*, 375, 16–20.

8. Остапова, Л. Е. (2020). Ольфакторная метафора в парфюмерном рекламном дискурсе. *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*, 2(6), 52–63. https://www.researchgate.net/publication/342833769_Olfaktornaa_metafora_v_parfumernom_reklamnom_diskurse
9. Френкель, И. А. (2022). Особенности вербализации гендерного компонента в текстах французской интернет-рекламы, ориентированной на мужскую аудиторию (на примере рекламы парфюмерии и косметических средств). *Гуманитарные исследования*, 1(81), 146–151.
10. Борисова, Е. Г. (2018). Рекламный дискурс: в чем его особенности? *Медиа-лингвистика*, 5(4), 436–444. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2018.404>

References

1. Antonova, L. G., Biryukova, E. V., Borisova, E. G., Vikulova, L. G. Zoidze, E. A., Kolesnikova, A. A., Makarova, I. V., Mukhortova, I. I., Prokhorova, S. N., Samorodin, G. V., & Uhova, L. V. (2023). *Fundamentals of Marketing Linguistics*. Textbook. Yazy'ki Narodov Mira. <https://elibrary.ru/item.asp?id=54735218> (In Russ.).
2. *Welt*. <https://www.dasgehirn.info/aktuell/frage-an-das-gehirn/wie-viele-gerueche-riecht-der-mensch>
3. Chupryna, O. G. (2020). Cover annotation as a promotional text. *Inostrannye yazyki v vysshei shkole*, 3(54), 105–114. (In Russ.).
4. Borisova, E. G. (2019). What does marketing linguistics give to marketing and linguistics? (Instead of a preface). *Marketing linguistics. Patterns of promotional text* (p. 4–10). Flinta. (In Russ.).
5. Trofimova, N. A., & Mamtseva, V. V. (2019). Verbalization of the representation of feminine fragrances of artificial origin in German-language romantic discourse. *Tomsk State University Journal of Philology*, 58, 71–81. (In Russ.).
6. Gorelik, P. L. (2013). Analysis of the semantic structure of perfume advertising. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 9(27), Part 2. www.gramota.net/materials/2/2013/9-2/18.html (In Russ.).
7. Basalaeva, E. G. (2013). Linguistic Representation of Smell in Perfume Internet Discourse. *Tomsk State University Journal*, 375, 16–20. (In Russ.).
8. Ostapova, L. E. (2020). Olfactory Metaphor in Perfume Advertising Discourse. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 2(6), 52–63. https://www.researchgate.net/publication/342833769_Olfaktornaa_metafora_v_parfumernom_reklamnom_diskurse (In Russ.).
9. Frenkel, I. A. (2022). Features of the verbalization of the gender component in the texts of French online advertising aimed at a male audience (on the example of advertising of perfumes and cosmetics). *Gumanitarnye issledovaniya*, 1(81), 146–151. (In Russ.).
10. Borisova, E. G. (2018). Advertising discourse: what are its features? *Media Linguistics*, 5 (4), 436–444. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2018.404> (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Валентина Александровна Собянина — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германистики и лингводидактики Московского городского педагогического университета.

Valentina A. Sobyana — D. Sc. (Philology), Professor, Professor at the Department of German Studies and Linguistic Didactics, Moscow City University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.111'42:61

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-82-92

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ МЕДИЦИНСКОГО ЧЕРНОГО ЮМОРА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Календр Алла Александровна

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева,

Астрахань, Россия,

alla.kalendr@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-8563-2174>

Аннотация. Статья посвящена феномену черного юмора в рамках художественного медицинского дискурса. Литературные произведения, написанные врачами, повествуют о трудовых буднях медицинских работников, часто сталкивающихся с недугами и трагедиями. Средством моральной релаксации для них является черный юмор. В статье проанализированы различные функции данного феномена. Изучены лексико-грамматические способы выражения комического, а также выявлены средства художественной выразительности, позволяющие создать необходимый эмоциональный фон. Апелляция к медицинским терминам в высказываниях, содержащих черный юмор, с одной стороны, помогает изобразить профессиональную картину мира автора, с другой — посредством семантического преобразования содействует формированию новых художественных образов.

Ключевые слова: художественный медицинский дискурс, черный юмор, медиализация, маскирующая функция, метафоризация, персонификация, семантическое преобразование.

Для цитирования: Календр, А. А. (2025). Особенности выражения медицинского черного юмора в англоязычном художественном дискурсе. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(58), 82–92. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-82-92>

Original article

UDC 811.111'42:61

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-82-92

WAYS TO EXPRESS BLACK HUMOR IN ENGLISH BELLES-LETTERS MEDICAL DISCOURSE

Alla A. Kalendr

Tatishchev Astrakhan State University,

Astrakhan, Russia,

alla.kalendr@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-8563-2174>

Abstract. The article examines the phenomenon of black humor within the framework of belles-letters medical discourse. Medical prose written by doctors describes the daily routine of medical workers who often face illnesses and tragedies is shown that one of the means of moral relaxation for medical professionals is black humor. The various functions performed by this phenomenon are analyzed. Lexical and grammatical ways of expressing the comic are considered, and means of fictional expressiveness are identified to create a certain emotional background upon the reader. On the one hand, appeal to medical terms in statements containing black humor contributes to the creation of a professional picture of the world of the author, on the other hand, it serves to form new fiction images by means of semantic transformation.

Keywords: belles-letters medical discourse, black humor, medicalization, masking function, metaphorization, semantic transformation.

For citation: Kalendr, A. A. (2025). Ways to express black humor in English belles-letters medical discourse. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(58), 82–92. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-82-92>

Введение

События минувшего десятилетия, в частности пандемия коронавируса, обрушившаяся на человечество, привели к радикальным переменам, затронувшим общество. Медицина — одна из важнейших областей человеческой жизни, поскольку здоровье является основным условием и залогом человеческой жизни. В последнее время наблюдается повышенный интерес к медицинской тематике и сфере здорового образа жизни.

Более шестидесяти лет назад за границей появился социальный феномен, известный как медиализация (Михель, 2011). Сегодня он приобретает массовый характер и выходит за рамки профессиональных технологий, переходя в сферу идеологии и формируя фундаментальные культурные ориентиры (Кириленко, 2009, с. 96–97).

Двигателями медиализации выступают в первую очередь специалисты медицинского профиля — главные ретрансляторы медицинского знания.

В условиях современного социума отмечается заметное увеличение интереса к научно-популярным телепрограммам и сериалам, затрагивающим тематику медицины и врачей. Более того, средства массовой информации проявляют все большую заинтересованность в освещении медицинских новостей.

В произведениях художественной литературы неоднократно затрагивалась тема здоровья и болезни. Писатели разных времен с энтузиазмом описывали больничные палаты, медицинские инструменты и санитарно-гигиенические условия лечебных заведений, рассуждали о симптомах различных заболеваний, методах их диагностики и лечения. Кроме того, авторы активно обсуждали этические и профессиональные аспекты медицины, а также уделяли внимание образу врача в разные исторические периоды и отношению общества к нему (Медведева, 2014, с. 94). Многие отечественные и зарубежные писатели были представителями благородной профессии: А. П. Чехов, М. А. Булгаков, Артур Конан Дойл, Сомерсет Моэм и др.

Среди авторов произведений медицинской тематики все чаще встречаются практикующие врачи, такие как Генри Марш, Карл Франклин, Кент Маглиато и др. В своих рукописях они описывают реальные случаи из практики, представляя читателю истории, основанные на личном опыте и профессиональных знаниях (Фатеева, 2017, с. 77).

Такие тексты можно отнести к категории художественного медицинского дискурса. К. А. Керер предлагает следующее определение: «Художественный медицинский дискурс представляет собой литературный текст на медицинскую тему, который возникает в процессе когнитивно-коммуникативной деятельности читателя. Как и любое художественное произведение, он обладает эстетической функцией» (Керер, 2019, с. 149).

Кроме того, художественный медицинский дискурс характеризуется неоднозначностью восприятия, так как авторская позиция может быть истолкована по-разному. Он также субъективен, поскольку автор выражает свою точку зрения на различные медицинские вопросы, и антропоцентричен, поскольку в центре описываемых событий находится человек (Керер, 2019, с. 149).

Методология исследования

Пристальное внимание лингвистов (Маджаева, 2020; Лейчик, 2009; Прохорова, 1996; Жидкова, 2007) вызывает вопрос функционирования медицинских терминов в текстах художественной литературы. Данный феномен широко исследуется в структурно-семантическом, диахроническом, когнитивном аспектах. Однако феномен художественной медицинской прозы с точки зрения лингвистики основательно не изучен.

Каждый день врачи сталкиваются со сложнейшими случаями, трагедиями, смертью. В тяжелые моменты им необходима поддержка. Поэтому в текстах художественного медицинского дискурса отдельная роль отводится юмору.

Цель настоящей работы — изучить особенности юмора в жанре художественного медицинского дискурса. Материалом данного исследования послужили бестселлеры в жанре медицинской прозы британского нейрохирурга Генри Марша «Не навреди: Истории о жизни, смерти и нейрохирургии» (2019) (*Do No Harm: Stories of Life, Death and Brain Surge* (2014)) и «Призвание» (2020) (*Admissions: A Life in Brain Surgery* (2017)), а также произведение «Будет больно: Тайные дневники врача» (2019) (*This Is Going to Hurt: Secret Diaries of a Junior Doctor* (2017)) британского комика и сценариста, в прошлом посвятившего много лет служению медицине, Адама Кея.

Исследование базируется на комплексном подходе, сочетающем методы лингвистического, стилистического и дискурсивного анализа. Для достижения поставленной цели — изучения особенностей черного юмора в англоязычном художественном медицинском дискурсе — были применены методы контекстуального анализа и количественно-качественного отбора материала.

Результаты исследования

В общепринятой системе жанров комического обычно выделяют такие виды, как юмор, ирония, сатира и сарказм (Казакова, 2013). Однако существует и альтернативная система, в которой эти жанры классифицируются как юмор, сатира, сарказм и черный юмор (Казакова, 2013).

В основе этих классификаций лежит различие в подходе к объектам комического, а также степень их критичности и острот (Казакова, 2013).

Юмор представляет собой наиболее мягкую форму комического, которая направлена на выявление и высмеивание отдельных недостатков окружающего мира. В то же время сатира и сарказм характеризуются более выраженной агрессивностью и негативным отношением к объекту насмешки (Казакова, 2013).

Черный юмор как лингвокультурный феномен в отличие от вышеперечисленных видов комического имеет двойственную природу: с одной стороны, глумление над человеческими ценностями, а с другой — способ притупить страх смерти, эмоционально преодолеть унижения, дискриминацию (Флеонова, 2003).

В медицинском дискурсе комическое выполняет несколько функций, это: 1) балагурство; 2) коммуникативная поддержка; 3) установление контакта; 4) выражение оценки; 5) создание конфликтной ситуации; 6) участие в ритуале; 7) маскировка (Баранцева, Икова, 2014).

Рассмотрим особенности реализаций некоторых из вышеперечисленных функций на примерах текстов художественной медицинской прозы.

Автор популярных бестселлеров британский нейрохирург Генри Марш утверждает: «...У хорошего хирурга должны быть стальные нервы, львиное сердце и женские руки» (Марш, 2019). «Остаться в состоянии спокойствия,

сохранять рабочий настрой и действовать решительно — это серьезное испытание для психики врачей. Именно поэтому восприятие окружающей действительности с долей юмора, очень часто черного юмора, оказывает гармонизирующий и релаксирующий эффект, создавая тем самым защитное действие для психики» (Казакова, 2013, с. 7).

Комическое представляет собой некий щит в борьбе с недугами окружающего мира. Коммуникативная цель черного юмора заключается в нивелировании трагедии путем ее маскировки посредством комического.

«Among the funny and the mundane, the countless objects in orifices and the petty bureaucracies, I was reminded of the brutal hours and the colossal impact being a junior doctor had on my life» (Kay, 2017).

«Читая про забавные случаи и рутину, про бесчисленные инородные предметы в различных отверстиях и дурацкую бюрократию, я вспомнил, как тяжело мне приходилось вкалывать и какое огромное влияние работа младшим врачом оказала на мою жизнь» (здесь и далее перевод наш. — А. К.) (Кей, 2019).

В предисловии к произведению «Будет больно: Тайные дневники врача» (2019) (*This Is Going to Hurt: Secret Diaries of a Junior Doctor* (2017)) автор погружает читателя в живое эмоциональное повествование о буднях врачей.

Первое, на что он призывает обратить внимание читателя, — это контраст между *funny and mundane* (забавные случаи и рутина) и *countless objects in orifices* (бесчисленные инородные предметы в отверстиях). Посредством стилистического приема антитезы, противопоставления обыденного и абсурдного, подчеркивается двойственность работы врача, где повседневные задачи могут быть одновременно и обычными, и невероятно странными. Фраза *petty bureaucracies* (дурацкая бюрократия) содержит эпитет *petty* (мелкий, пустячный, мелочный, здесь дурацкий), который передает пренебрежение автора к бюрократическим процедурам, выражает раздражение и, возможно, сарказм по отношению к системе, которая мешает эффективной работе.

В данном случае можно выделить критикующую функцию комического. Словосочетание *brutal hours* (суровые будни) содержит гиперболу. *Brutal* — сильная лексическая единица, посредством которой передается тяжесть и изнурительность рабочего графика. Это усиливает эмоциональную нагрузку, показывая, насколько напряженной была работа.

Также стоит отметить синтаксическую структуру предложения. Перечисление через запятую создает эффект нагнетания, что отражает хаотичность и насыщенность рабочих будней. Это синтаксический прием, который усиливает восприятие напряженности и многозадачности. Автор использует стилистические приемы для передачи эмоционального состояния, критики системы и создания образа работы в медицине как смеси абсурда, напряжения и бюрократии. Это помогает читателю понять, насколько сложным и противоречивым может быть опыт врача.

Рассмотрим другие примеры манифестации маскировочной функции черного юмора:

«If he's lucky the cancer elsewhere in his body will carry him off soon, and he may make it into a hospice first, nicer than a geriatric ward, but the hospices won't take people if their prognosis is that they might live for more than a few weeks. If he's unlucky, he may hang on for months» (Marsh, 2017).

«Если ему повезет, то в ближайшее время другие метастазы сведут его в могилу, а перед этим он может попасть в хоспис, где будет поприятней, чем в гериатрической палате. Только вот в хоспис берут исключительно пациентов, которым осталось не более нескольких недель. Если не повезет, то он промучается еще долгие месяцы» (Марш, 2020).

В представленном примере комическое синтаксически выражено посредством анафоры, в то время как на грамматическом уровне — при помощи условной конструкции. Прием антитезы реализуется за счет прилагательных *lucky* – *unlucky*, которые при всей тяжести и трагичности ситуации претерпевают семантическое преобразование. Прилагательное *nice* семантически не сочетается в качестве определения к существительным *hospice* и *geriatric ward*. Сравнительная степень прилагательного *nice* – *nicer*, употребляемая в высказывании, позволяет завуалировать все те мучения, с которыми придется столкнуться умирающему пациенту.

Особенности употребления специальной терминологии в рамках исследуемого аспекта заслуживают отдельного внимания. С одной стороны, присутствие в тексте специальной терминологии является маркером медицинского дискурса; с другой стороны, термины раскрывают профессионально-языковую картину мира и отражают профессиональный колорит (Маджаева, 2020). В текстах художественного медицинского дискурса термины подвергаются семантическому преобразованию: от номинативного употребления до метафоры (Там же, с. 39) в целях создания эмоционального образа. Данный феномен влияет не только на формирование языковой картины мира носителя языка, но и в полной мере обладает значительным прагматическим потенциалом, способствуя восприятию индивидуумом информации в определенном ракурсе, создавая определенный эмоциональный фон (Щербакова, 2021, с. 117).

В ряде примеров наблюдается явление персонификации: медицинскому термину приписываются свойства живых существ, что позволяет создать у читателя яркий образ и придать лексической единице дополнительные смысловые оттенки: *the cancer elsewhere in his body will carry him off soon*. Учитывая художественную составляющую текстов подобного жанра, медицинские термины оживают посредством приема персонификации и становятся участниками повествования наряду с другими персонажами.

«There was the usual collection of disasters and tragedies at the morning meeting» (Marsh, 2017).

«На утреннем собрании рассматривался типичный набор несчастий и трагедий» (Марш, 2020).

Все медицинские недуги оцениваются специалистом как несчастья и трагедии. Автор намеренно не прибегает к специальным терминам, обозначающим симптомы и диагнозы, а посредством генерализации реализуется оценочная функция комического в высказывании.

Черный юмор в ряде примеров может восприниматься как сарказм, однако при детальном рассмотрении посредством употребления модальности выражает не что иное, как сожаление о невозможности изменить ситуацию:

«Well, there's not much to be lost by operating — we can't make him any worse,' somebody said from the back of the room» (Marsh, 2017).

«Ну, операцией ему не навредишь. Хуже мы вряд ли сделаем, — сказал кто-то из глубины комнаты» (Марш, 2020).

Об этом же свидетельствуют и сослагательные конструкции:

«The thought of ending my days paraplegic on a geriatric ward is so awful... indeed, if the operation killed me, I wouldn't complain» (Marsh, 2017).

«Мысль о том, чтобы провести остаток жизни парализованным в безликой палате вместе с другими немощными стариками, наводит на меня ужас... Уж точно я бы предпочел умереть на операционном столе» (Марш, 2020).

Психика молодых врачей, не закаленная профессиональными испытаниями, тоже нуждается в защите. Анализ практического материала показал, что речевые действия именно молодых врачей (ординаторов или интернов) могут характеризоваться как балагурство. Коммуникант выступает в роли шутника для создания веселой атмосферы (Баранцева, Икова, 2014, с. 14).

Комический эффект достигается за счет аллюзии: медицинский термин «болезнь Альцгеймера» представляет собой эпонимическое выражение (название заболевания восходит к имени ученого, немецкого психиатра Алоиса Альцгеймера, который в 1901 году впервые описал эту болезнь). Болезнь Альцгеймера характеризуется снижением познавательной деятельности с утратой в той или иной степени ранее усвоенных знаний, практических навыков (Котов и др., 2015, с. 41).

«I looked at the young SHOs and to my embarrassment could not remember any of their names... I asked one of them to describe the scan on the wall in front of us, apologizing for not knowing who she was.

'**Alzheimer's!**' one of the less deferential registrars shouted from the darkness at the back of the room» (Marsh, 2014).

«Я посмотрел на молодых ординаторов, и мне сделалось неловко от того, что я не мог вспомнить имени ни одного из них... Я попросил одну из девушек-ординаторов описать снимок, извинившись за то, что не знаю, как к ней обращаться.

— **Альцгеймер!** — выкрикнул из темного угла комнаты кто-то, отличавшийся не самым здоровым чувством юмора» (Марш, 2019).

Таким образом, комический эффект высказывания достигается за счет переноса неблагоприятных симптомов заболевания на коммуникантов в сложившейся ситуации в виде черного юмора.

Анализируя комическое в художественном дискурсе на медицинскую тему, было бы неправомерно выделять лишь аспект черного юмора. Несомненно, черный юмор — особенность коммуникации медицинских специалистов друг с другом, юмор в общении между врачом и пациентом представляет не меньшую значимость.

Коммуникативная поддержка врача невероятно важна для каждого пациента. Художественная медицинская проза не только исследует профессиональные взаимоотношения внутри медицинского сообщества, но и глубоко раскрывает многогранную динамику взаимодействия врача и пациента, затрагивая этические, психологические и социальные аспекты этой связи. Диалоги между врачом и пациентом не только играют важную роль для анализа клинических случаев и постановки диагноза, но и отражают ключевую цель медицинской практики — стремление врача облегчить страдания и способствовать выздоровлению. В этом процессе особую роль играют коммуникативные стратегии, среди которых важное место занимает юмор: он снижает эмоциональное напряжение, укрепляет доверие и создает психологически комфортную среду, что в итоге повышает эффективность взаимодействия в рамках терапевтического альянса. Юмор выполняет функцию коммуникативной поддержки, способствует установлению контакта, созданию позитивного настроения и позволяет значительно снизить степень напряженности в сложной ситуации.

«‘Am I going to die?’ he suddenly asked.

‘No,’ I said, alarmed at the way he seemed to know what was going on after all. ‘And if you were I promise I would tell you. I always tell my patients the truth.’ He must have understood that because he laughed — an odd, inappropriate sort of laugh» (Marsh, 2014).

«— Я умираю? — внезапно спросил он.

— Нет. — Меня немного встревожило то, что мистер Уильямс, очевидно, все-таки понимал, что происходит. — Но если бы умирали, я обязательно сказал бы вам об этом. Я всегда говорю пациентам только правду. Должно быть, он понял мои слова, потому что засмеялся в ответ» (Марш, 2019).

Честность врача по отношению к пациенту способствует проявлению доверия со стороны второго. Это во многом влияет и на ход лечения в целом. Юмор смягчает остроту восприятия трагизма ситуации. Он подобен действию обезболивающего, призван принести облегчение.

Заключение

Анализ исследованного материала демонстрирует, что комическое является частым элементом англоязычной художественной прозы на медицинскую тему. Юмористический компонент реализуется через противопоставление концептов (например, жизни и смерти, профессионализма и абсурда) и часто обладает двойственной природой, сочетая трагическое с комическим.

В подобных произведениях авторы, использующие черный юмор, активно апеллируют к семантике медицинских терминов, что обусловлено тематикой дискурса, а также реализуют ряд функций: защитную — смягчение эмоционального напряжения у врачей и пациентов; критическую — обнажение противоречий медицинской системы; коммуникативную — установление доверительного контакта с читателем через самоиронию.

Доминирующей функцией остается психологическая защита, позволяющая участникам медицинского процесса сохранять эмоциональную устойчивость в условиях экстремальных нагрузок.

Список источников

1. Михель, Д. В. (2011). Медикализация как социальный феномен. *Вестник СГТУ*, 2(60). <https://cyberleninka.ru/article/n/medikalizatsiya-kak-sotsialnyy-fenomen>
2. Кириленко, Е. (2009). Концепт медикализации культуры как опыт социокультурной интерпретации. *Дефиниции культуры*, 8, 96–97.
3. Медведева, Л. М. (2014). *Болезнь в культуре и культура болезни*. Монография. Издательство ВолгГМУ.
4. Фатеева, Ю. Г. (2017). Проза врачей и о врачах как материал филологического исследования. *Filologické vědomosti*, 2, 77.
5. Керер, К. А. (2019). Лингвокультурный концепт «врач» в отечественном художественном медицинском дискурсе (на материале произведения Д. Правдина «Записки городского хирурга»). *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*, 19(2), 149–154.
6. Маджаева, С. И. (2020). Медицинские термины в неспециальной литературе. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика»*, 17(1), 37–41.
7. Лейчик, В. М. (2009). *Терминоведение: Предмет, методы, структура*. Либроком.
8. Прохорова, В. Н. (1996). *Русская терминология. (Лексико-семантическое образование)*. Филологический факультет МГУ.
9. Жидкова, Ю. Б. (2007). Функционирование медицинской терминологии в рассказах А. П. Чехова. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, (2-2), 84–89.
10. Marsh, H. (2014). *Do No Harm: Stories of Life, Death and Brain Surgery*. Weidenfeld & Nicolson.
11. Marsh, H. (2017). *Admissions: A Life in Brain Surgery*. Weidenfeld & Nicolson.
12. Казакова, Д. В. (2013). *Категория комического в медицинском дискурсе* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Кемерово].
13. Флеонова, О. Л. (2003). *Лингвостилистические и семиотические особенности американской литературы черного юмора* [Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва].
14. Баранцева, О. А., & Икова, Ю. И. (2014). *Юмор в медицинском дискурсе*. Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. (07.11.2024). <https://cyberleninka.ru/article/n/yumor-v-meditsinskom-diskurse>
15. Kay, A. (2017). *This Is Going to Hurt: Secret Diaries of a Junior Doctor*. Picador.

16. Кей, А. (2019). *Будет больно: Тайные дневники врача*. (М. Смирнова, пер.). Бомбора.
17. Марш, Г. (2019). *Не навреди. Истории о жизни, смерти и нейрохирургии*. (И. Чорный, пер.). Эксмо.
18. Марш, Г. (2020). *Призвание. О выборе, долге и нейрохирургии*. (И. Чорный, пер.). Эксмо.
19. Щербакова, И. В. (2021). К вопросу о метафоризации в разных типах дискурса. *Лингвистика и образование*, 1(4), 111–120. <https://doi.org/10.17021/2021-1-4-111-120>
20. Котов, А. С., Елисеев, Ю. В., & Семенова, Е. И. (2015). Болезнь Альцгеймера: от теории к практике. *Медицинский совет*, 18. <https://cyberleninka.ru/article/n/bolezn-altsgeymera-ot-teorii-k-praktike>
21. Руднев, В. П. (1996). *Теоретико-лингвистический анализ художественного дискурса* [Автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19. Москва]
22. *OceanofPDF*. <https://oceanofpdf.com/authors/adam-kay/pdf-epub-this-is-going-to-hurt-secret-diaries-of-a-young-doctor-download/>
23. *Марш Генри — Призвание. О выборе, долге и нейрохирургии*. (2017). <https://libcat.ru/knigi/starinnaya-literatura/36400-marsh-genri-prizvanie-o-vybore-dolge-i-nejrohirurgii.html>

References

1. Mihel', D. V. Medicalization as a social phenomenon. (2011). *Vestnik SGTU*, 2(60). (27.10.2024). <https://cyberleninka.ru/article/n/medikalizatsiya-kak-sotsialnyy-fenomen>
2. Kirilenko, E. (2009). The concept of cultural medicalization of culture as an experience of socio-cultural interpretation. *Definicii kul'tury*, 8, 96–97.
3. Medvedeva, L. M. (2014). *Illness in culture and the culture of illness*. The monograph. Izdatel'stvo VolgGMU.
4. Fateeva, Yu. G. (2017). The prose of doctors and about doctors as a material of philological research. *Filologické vědomosti*, 2, 77.
5. Kerer, K. A. (2019). The linguistic and cultural concept «doctor» in the Russian belles-letters medical discourse (based on the material of D. Pravdin's work «Notes of a city surgeon»). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 19(2), 149–154.
6. Madzhaeva, S. I. (2020). Medical terms in non-specialized literature. *Vestnik YuUrGU. Seriya «Lingvistika»*, 17(1), 37–41.
7. Lejchik, V. M. (2009). *Terminology: Subject, methods, structure*. Librokom.
8. Prohorova, V. N. (1996). *Russian terminology. (Lexico-semantic education)*. Filologicheskij fakul'tet MGU.
9. Zhidkova, Yu. B. (2007). The functioning of medical terminology in the stories of A. P. Chekhov. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, (2-2), 84–89.
10. Marsh, H. (2014). *Do No Harm: Stories of Life, Death and Brain Surgery*. Weidenfeld & Nicolson.
11. Marsh, H. (2017). *Admissions: A Life in Brain Surgery*. Weidenfeld & Nicolson.
12. Kazakova, D. V. (2013). *Kategoriya komicheskogo v medicinskom diskurse* [Avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Kemerovo].
13. Fleonova, O. L. *Linguostylistic and semiotic features of American Black Humor Literature* [Dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Moskva].

14. Baranceva, O. A., & Ikova, Yu. I. (2014). Humor in medical discourse. *Problems of Romano-Germanic philology, pedagogy and methods of teaching foreign languages*. <https://cyberleninka.ru/article/n/yumor-v-meditsinskom-diskurse>
15. Kay, A. (2017). *This Is Going to Hurt: Secret Diaries of a Junior Doctor*. Picador.
16. Kej, A. (2019). *It will hurt: The secret diaries of a doctor*. (M. Smirnova, Trans.). Bombora.
17. Marsh, G. (2019). *Do no harm. Stories about life, death, and neurosurgery*. (I. Chorny'j, Trans.). Eksmo.
18. Marsh, G. (2020). *Vocation. About choice, duty, and neurosurgery*. (I. Chorny'j, Trans.). Eksmo.
19. Shcherbakova, I. V. (2021). On metaphorization in different types of discourse. *Linguistics and education*. 1(4), 111–120. <https://doi.org/10.17021/2021-1-4-111-120>
20. Kotov, A. S., Eliseev, Yu. V., & Semenova, E. I. (2015). Alzheimer's disease: from theory to practice. *Medicinskij sovet*, 18. <https://cyberleninka.ru/article/n/bolezn-altsgeymera-ot-teorii-k-praktike>
21. Rudnev, V. P. (1996). *Theoretical and linguistic analysis of literary discourse* [Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Moskva].
22. *OceanofPDF*. <https://oceanofpdf.com/authors/adam-kay/pdf-epub-this-is-going-to-hurt-secret-diaries-of-a-young-doctor-download/>
23. *Henry's March is a Calling. About choice, Duty, and neurosurgery*. (2017). <https://libcat.ru/knigi/starinnaya-literatura/36400-marsh-genri-prizvanie-o-vybore-dolge-i-nejrohirurgii.html> (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Алла Александровна Календр — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, лингводидактики и перевода Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева.

Alla A. Kalendr — PhD (Philology), Associate Professor the Department of English Philology, Linguadidactics and Translation, Linguodidactics and Translation, Tatishchev Astrakhan State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.161.1'367.633

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-93-104

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ КАТЕГОРИИ В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ: ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРЕДЛОГОВ *НА* И *В* В РЕЧИ ВЗРОСЛЫХ НОСИТЕЛЕЙ ЭРИТАЖНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Яковлева Ирина Владимировна

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

yakovleva-897@mgpu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2685-6176>

Аннотация. Статья посвящена особенностям функционирования предлогов *на* и *в* в речи взрослых носителей эритажного русского языка (потомков эмигрантов). Особое значение приобретают ошибки и замены при употреблении этих предлогов. В этом плане речь эритажных говорящих оказывается ближе к детской речи, чем к речи изучающих русский как иностранный. В текстах эритажных говорящих значительно меньше случаев непосредственного калькирования. Ошибки в употреблении предлогов *на* и *в* в речи эритажных говорящих обнаруживают сходство с ошибками детей, усваивающих пространственные предлоги. В частности, детской речи свойственна экспансия предлога *на* в сферу действия других предлогов (*в*, *по*, *с*). Нечто подобное наблюдается и в речи эритажников. Кроме того, ошибки эритажных говорящих часто обусловлены слиянием конструкций. В целом ошибок в употреблении предлога *на* значительно больше, чем ошибок в употреблении предлога *в*. Это связано со сложной семантической структурой предлога *на*.

Ключевые слова: эритажный русский язык, нахождение на поверхности и внутри, опора, пространственные предлоги, билингвизм, частотность.

Для цитирования: Яковлева, И. В. (2025). Пространственные категории в условиях двуязычия: особенности употребления предлогов *на* и *в* в речи взрослых носителей эритажного русского языка. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(58), 93–104. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-93-104>

Original article

UDC 811.161.1'367.633

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-93-104

SPATIAL CATEGORIES IN CASE OF BILINGUALISM: THE USE OF THE RUSSIAN PREPOSITIONS *na* 'ON' AND *v* 'IN' BY ADULT HERITAGE SPEAKERS

Irina V. Iakovleva

Moscow City University,

Moscow, Russia,

yakovleva-897@mgpu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2685-6176>

Abstract. This study is devoted to the use of Russian prepositions *na* 'on' and *v* 'in' by adult heritage speakers, which is supposed to show how the spatial categories of containment and support are acquired. It focuses mainly on mistakes made by adult heritage speakers which partially correspond to the mistakes typical for young children's speech. The matter is that the dominant semantic component of the preposition *na* 'on' turns out to be substituted in young children's speech: the idea of location on the horizontal surface seems to be more important for young children than the idea of support. And it is the idea of support that is associated with this preposition in the standard Russian. Another important feature is connected with the greater cognitive salience of statics in comparison with dynamics. As the result the preposition *na* 'on' substitutes some other prepositions: *po* 'on, along', *s* 'from', and *iz* 'out of'. The adult heritage speakers seem to give some preference to location over motion.

Keywords: heritage Russian language, containment, horizontal surface, support, the acquisition of spatial prepositions, bilingualism, frequency.

For citation: Iakovleva, I. V. Spatial categories in case of bilingualism: the use of the russian prepositions *na* 'on' and *v* 'in' by adult heritage speakers. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(58), 93–104. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-93-104>

Постановка задачи

В представляемой статье анализируются особенности употребления предлогов *на* и *в* взрослыми носителями эритажного (унаследованного) русского языка (потомками эмигрантов) с основным английским или немецким языком. Эритажных говорящих сравнивают с детьми, осваивающими родной язык. От изучающих иностранный язык они отличаются тем, что свободнее обращаются с языком, реже используют калькирование, пытаются самостоятельно конструировать фразы, стремясь при этом к композициональности (Выренкова, Полинская, Рахилина, 2014). Материалом исследования особенностей употребления рассматриваемых предлогов

в стандартном русском языке (в речи взрослых носителей русского языка) являются данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ). В свою очередь, данные Учебного корпуса русского языка (Russian Learner Corpus) (письменная речь) и данные сайта <http://thedata.harvard.edu/dvn/dv/polinsky>, содержащего записи устной речи эритажных говорящих с основным немецким языком, послужили материалом изучения речи эритажников. Учебный корпус русского языка содержит также тексты изучающих русский язык как иностранный (РКИ), которые привлекались для сопоставительного анализа.

Русский предлог *в* обозначает нахождение внутри некоторого объекта. Предлог *на* вводит представление об опорной поверхности, хотя есть и исключения: например, объект сам является частью этой поверхности (*рисунки на ткани*) (Селиверстова, 2000). Однако топология некоторых объектов оказывается неоднозначной.

В детской речи конкуренция пространственных предлогов со значением 'на' и 'в' и очередность их появления исследовалась на материале разных языков. В английском языке эти предлоги появляются одними из первых (Pierre, Johnson, 2021), однако предлог *in* 'в' может функционировать в качестве своего рода протопредлога (Clark, 2004, p. 426; Bowerman, 1996, p. 390). Вместе с тем порядок усвоения предлогов различается в разных языках, так как непосредственно связан с семантикой предлогов в том или ином языке, что было показано на материале таких языков, как английский, итальянский, турецкий, немецкий, французский, сербо-хорватский (Slobin et al., 2008; Bowerman, Choi, 2003; Johnston, Slobin, 1979; Klinge, 1990; Morgenstern, Sekali, 2009).

Что касается русского языка, предлог *на* появляется в детской речи несколько раньше предлога *в*. Для данной работы интерес представляет не порядок появления предлогов, а исследование их конкуренции, ведь в детской речи предлог *на* в пространственных контекстах доминирует среди других пространственных предлогов, допускающих в той или иной степени возможность локализации действия на поверхности (Яковлева, 2016; Яковлева, 2023).

В рассматриваемом случае статистические данные указывают на значительные расхождения соответствующих данных речи детей и эритажных говорящих: если в современном русском частотность предлога *в* превышает частотность предлога *на* в два раза (Ляшевская, Шаров, 2009), то в речи эритажных говорящих, по данным Учебного корпуса русского языка (Russian Learner Corpus), эта тенденция усугубляется, и предлог *в* встречается в три раза чаще, чем предлог *на*, в то время как в детской речи наблюдается противоположная картина, и именно предлог *на* оказывается более частотным. Таким образом, вопреки нашим ожиданиям, статистические данные эритажных говорящих на первый взгляд кажутся ближе к данным изучающих русский как иностранный, и наши следующие разделы будут посвящены детальному семантическому анализу этого противоречия.

Частотность предлогов *на* и *в*

Обращаясь к проблеме функционирования предлогов *на* и *в* в речи взрослых носителей эритажного русского языка, остановимся на приобретающем в данном случае особую значимость вопросе о частотности этих предлогов в современном русском языке. Частотность предлога *в* в стандартном русском (более 8 млн вхождений, по данным НКРЯ) превышает частотность предлога *на* (4 млн вхождений) в два раза. Это же соотношение сохраняется и в устном подкорпусе НКРЯ: 128 187 вхождений для предлога *на* и 255 845 вхождений для предлога *в*. Такая большая разница в частотности рассматриваемых предлогов достигается не столько за счет собственно пространственных контекстов, сколько за счет временных контекстов и конструкций с фиксированным глагольным управлением. Наши данные согласуются с замечанием, приведенным в работе (Nesset, 2011, р. 52–58), о том, что временных контекстов с предлогом *в* значительно больше, чем с предлогом *на*. Интересным представляется также тот факт, что в стандартном русском языке предлог *на* тяготеет к винительному падежу, а предлог *в* — к предложному, хотя в отдельно взятых временных контекстах дефолтным при обоих предлогах оказывается винительный падеж (Нессет, Макарова, 2015).

В отличие от детской речи, обе рассматриваемые тенденции, по данным Учебного корпуса русского языка, не только просматриваются, но и усиливаются в текстах взрослых эритажных говорящих, что сближает их с изучающими РКИ. Так, в речи эритажных говорящих частотность предлога *в* (9 690 употреблений) превышает частотность предлога *на* (3 503 употребления) почти в три раза. Это соотношение сохраняется и в речи изучающих русский язык как иностранный: общее количество вхождений предлога *в* здесь составляет 10 002 употребления, а предлога *на* — только 3 076 употреблений. Тяготение предлога *на* к винительному падежу, а предлога *в* — к предложному падежу у взрослых нестандартных говорящих сохраняется в тех же пропорциях, что и в стандартном русском: в Учебном корпусе насчитывается 1 482 контекста с предлогом *на* и существительным или местоимением в винительном падеже для эритажных говорящих и 1 173 контекста для РКИ, в то время как количество употреблений предлога *на* с именем в предложном падеже составляет 949 контекстов у эритажных говорящих и 927 контекстов для РКИ. Что касается конструкций с предлогом *в*, количество контекстов с винительным падежом насчитывает 2 520 употреблений у эритажных говорящих и 2 630 у изучающих русский как иностранный, при этом количество употреблений с предложным падежом составляет 4 746 вхождений у эритажных говорящих и 5 400 вхождений у изучающих РКИ. Данные тенденции отчасти объясняются некоторыми прагматическими особенностями представленных в корпусе текстов: это в первую очередь тексты публицистического стиля (эссе, сочинения, лекции, доклады), допускающие употребление многочисленных клише и стандартных оборотов речи, а также конструкций с фиксированным

глагольным управлением (в частности, если обратиться к «Синтаксическому словарю» Г. А. Золотовой (Золотова, 2001, с. 360–361, 363–365, 373–374), выясняется, что предлог *в* оказывается задействованным в таких контекстах несколько чаще, чем предлог *на*); при этом все подобные речевые обороты, как правило в готовом виде, сознательно заучиваются изучающими тот или иной язык, а большинство авторов, представленных в корпусе текстов, являются студентами и в той или иной мере продолжают изучать русский язык. Эту мысль подтверждает также относительно небольшое количество ошибок в уже упоминавшихся конструкциях с глагольным управлением. Данные тексты также изобилуют конструкциями *в* + Предл., обозначающими не собственно пространственное положение объекта, а некую среду в самом широком смысле: *в литературе, в науке, в политике* и т. д. Таким образом, статистическое сходство между эритажными говорящими и изучающими РКИ оказывается в известной степени мнимым, обусловленным общим прагматическим характером текстов (Яковлева, 2023), а более глубокие сходства и различия будут выявлены в ходе семантического анализа ошибочных употреблений данных предлогов говорящими из рассматриваемых групп. Также важно отметить, что сугубо разговорные тексты (пересказы мультфильмов), транскрипты которых помещены на сайте <http://thedata.harvard.edu/dvn/dv/polinsky>, нашу статистику не подтверждают и демонстрируют принципиально иное распределение рассматриваемых предлогов.

Вместе с тем выявленное статистическое сходство между эритажными говорящими и людьми, изучающими РКИ, подталкивает к достаточно важному, с нашей точки зрения, заключению относительно частотности предлогов *на* и *в* в стандартном русском языке. За подтверждением нашей мысли о некоторой прагматической обусловленности распределения предлогов *на* и *в* в текстах различных стилей обратимся к сайту <https://spokencorpora.ru>, содержащему записи разговорной речи носителей русского языка и их транскрипты. В частности, корпус «Веселые истории из жизни» показывает иное распределение предлогов *на* и *в*, по сравнению с данными НКРЯ. Здесь невозможно говорить о доминировании предлога *в*, и в этом плане сугубо разговорный неофициальный язык (а не просто устная речь, которая также может отражать нормы разных стилей речи, что наглядно демонстрируют различия, например, между лекцией и дружеской беседой) ближе к детской речи, чем к языку текстов публицистического стиля, в которых наблюдается доминирование предлога *в* за счет обсуждавшихся ранее клише и конструкций.

Семантические особенности употребления предлогов *на* и *в* в речи эритажных говорящих

Детальный анализ и сопоставление текстов эритажников с записями людей, изучающих РКИ, показывает принципиальные различия между ними.

Во-первых, эритажные говорящие допускают значительно меньше ошибок в падежных окончаниях, чем инофоны, что сближает их с детьми. Как известно, дети усваивают флексии раньше предлогов (Цейтлин, 2000, Воейкова, 2011). Особенности усвоения языка детьми-билингвами рассматриваются в работах ряда ученых (Доброва, 2020, Еливанова, Семушина, 2022, Яковлева, 2016).

Эритажники делают относительно немного ошибок во временных конструкциях, в отличие от изучающих РКИ, которые, по данным Учебного корпуса русского языка, демонстрируют заметную тенденцию к использованию в таких конструкциях норм своего родного языка: например, *на понедельник* по аналогии с *on Monday*. Значительно меньше в текстах эритажников таких случаев калькирования, как *на интернете*, *на твиттере*. Интересно отметить, что в целом случаев ошибочного употребления предлога *на* значительно больше, чем аналогичных случаев употребления предлога *в* и *у* эритажников, и у изучающих русский как иностранный. Это обусловлено сложной семантической структурой русского предлога *на*. Но если ошибки изучающих язык как иностранный, как и следовало ожидать, во многом обусловлены языковой интерференцией (Alhammad, 2023), то в речи эритажных говорящих случаев прямого калькирования значительно меньше, что в работе А. С. Выренковой, М. С. Полинской и Е. В. Рахилиной (Выренкова, Полинская, Рахилина, 2014) объясняется стремлением к композиционности. Другими словами, считая себя в той или иной мере носителями русского языка, эритажные говорящие демонстрируют более свободное обращение с языком, и их ошибки часто бывают обусловлены слиянием конструкций, что сближает их тексты с детской речью. Так, в примерах (1) и (2) (во всех примерах здесь и далее орфография и пунктуация оригинала сохранены. — И. Я.) наблюдается употребление существительного, нетипичного для данной конструкции в стандартном русском (*на краю* вместо *на границе* и *на улице* вместо *на дворе*):

(1) *Как можно бывать на краю с Монголией и чувствовать себя так же как в Москве?* (Yana).

(2) *Не смотря на то, что на улице 21 век, в этой пышечной они этого не почувствуют* (Sonia).

Контекст (3) является наглядным примером наблюдающегося в детской речи слияния двух конструкций (*привлекать внимание к* и *сосредоточиться / остановиться на*); в английском же данной структуре соответствует конструкция с предлогом *to* ('к') *attract attention to*, и это свидетельствует о том, что данное употребление не является калькой:

(3) *Он привлекает взгляд читателя на проблемах больших городов в эпоху промышленного переворота* (Lena).

Пример (4) представляет собой слияние конструкций *основываться на опыте* и *по опыту*. Этот контекст также не может считаться калькой, поскольку в английском языке соответствующая конструкция представлена как *from experience/by experience*.

(4) *Также в статье предлагаются новые решения застройки мегаполисов на опыте Американских архитекторов* (Lena).

Подобная тенденция к конструированию наблюдается и у детей, осваивающих родной язык.

Анализируемые материалы демонстрируют и другие особенности употребления предлогов, присущие детской речи. Сюда можно отнести такие контексты, в которых ситуация принадлежности описывается как ситуация расположения на поверхности:

(5) *Используя факты на графике, составьте хорошее описание эпохи 20-х гг.* (Katya).

Акцент на локализации, а не на источнике действия наблюдается и в следующем примере (*на востоке* вместо *с востока*):

(6) *У каждого из противников России был личный мотив для поддержки Японии и ее намерения атаковать Россию на Востоке* (Rima).

В примере (7) (<http://thedata.harvard.edu/dvn/dv/polinsky>) акцентируется расположение на поверхности вместо перемещения, что выражается в замене предлога *на* на предлог *по*:

(7) *...идет по д ээ на дороге.*

В следующем примере наблюдается замена предлога *за* на предлог *на* (*на горизонт* вместо *за горизонт*). Коррелятом данного контекста в английском является конструкция с предлогом *below* 'под' (*dips below the horizon*), следовательно, данная конструкция также не может считаться калькой.

(8) *В это время солнце опускается на горизонт не более, чем на 9 градусов, поэтому не бывает полной темноты* (Katya).

Некоторые из найденных в Учебном корпусе примеров не являются существенно пространственными контекстами, однако они имеют важное значение для описания сложной семантической структуры предлогов *на* и *в*: употребление *на политической сфере* вместо *в политической сфере* представляет особый интерес в виду того, что в английском в коррелирующей конструкции используется предлог *in* 'в':

(9) *Но несмотря на это, все согласны, что причина войны является стремление США и СССР стать доминирующими странами на политической сфере* (Liza).

Непосредственно пространственных употреблений в Учебном корпусе русского языка относительно немного, что связано с уже обсуждавшейся ранее прагматической направленностью данных текстов. Поэтому для более детального анализа сходств и различий в употреблении пространственных предлогов в речи эритажных говорящих и в детской речи обратимся к материалам сайта <http://thedata.harvard.edu/dvn/dv/polinsky>. Как и ожидалось, данные этого сайта, представляющие собой транскрипты спонтанной речи, в частности пересказа эритажными говорящими с основным немецким языком мультфильма «Ну, погоди!», не обнаруживают увеличения частотности предлога *в* по сравнению с предлогом *на*, в отличие от данных Учебного корпуса.

Особый интерес для нашего исследования представляет описание эритажными говорящими ситуации неполного погружения, а именно пересказ эпизода из данного мультфильма, где волк падает в люльку полицейского мотоцикла. Важно отметить, что ситуация нахождения на мотоцикле или в люльке описывается в немецком языке, так же как и в русском: *auf dem Motorrad* ('на мотоцикле') и *im Motorradgespann* или *im Beiwagen eines Motorrads* ('в люльке мотоцикла'). Данную ситуацию можно рассматривать как пограничную, поскольку погружение было частичным; и, хотя самым точным описанием ситуации было бы *упасть в люльку*, в принципе допустимым могло бы считаться *упасть на мотоцикл*, а вот употребление слова *машина* в данном случае подразумевает несколько более жесткие ограничения: *упасть на машину* обозначает, по всей вероятности, приземление исключительно на крышу машины, в то время как *упасть в машину* оказалось бы более точным описанием приземления вовнутрь, но это сочетание не вполне типично для русского языка по экстралингвистическим причинам, ведь абсолютное большинство машин крытые, и ситуация проникновения вовнутрь в результате падения не является прототипической. Речевые реакции девятнадцати информантов представлены в таблице.

Таблица / Table

Описание ситуации неполного погружения эритажными говорящими
The description of being partially inside by heritage speakers

Способ описания ситуации неполного погружения	Количество говорящих, выбравших данный способ описания
<i>Упал в люльку</i>	3
<i>Упал на мотоцикл</i>	2
<i>Упал в мотоцикл</i>	3
<i>Упал в машину</i>	5
<i>Упал в штуку там</i>	1
<i>Упал на машину за милиционером</i>	1
<i>Упал к милиционеру</i>	1

Как видно из приведенных примеров, только трое говорящих рассмотрели ситуацию как вариант локализации на поверхности, в то время как трое прибегли к недопустимому, как в русском, так и в немецком языке, варианту *упасть в мотоцикл*, хотя этот объект сам по себе не имеет полости; очевидно, что трудности в данном случае были связаны с незнанием слова *люлька*, тем не менее стремление описать ситуацию неполного погружения с помощью предлога *в* в ущерб сочетаемости существительного представляется значимым. Интересно отметить, что только один информант избежал как того, так и другого предлога, сказав *упал к милиционеру*.

Заключение

Таким образом, изучение механизмов конструирования оборотов речи нестандартными носителями языка позволяет выявить некоторые семантические и грамматические противопоставления в самом языке, неочевидные при исследовании данных стандартных говорящих, в частности некоторые различия в употреблении рассматриваемых предлогов в стандартном русском и в разговорной речи. Если в стандартном русском количество употреблений предлога *в* превышает количество контекстов с предлогом *на* в два раза за счет временных конструкций и конструкций с фиксированным глагольным управлением, в которых доминирует предлог *в*, то в разговорной речи распределение рассматриваемых предлогов выравнивается, поскольку разница в частотности не связана с пространственными употреблениями данных предлогов. Анализ ошибок, допускаемых эритажными говорящими и изучающими русский язык как иностранный, выявляет принципиальные различия между ними. Эритажные говорящие допускают значительно меньше ошибок в падежных окончаниях, что сближает их с детьми, усваивающими флексии раньше предлогов. В текстах эритажных говорящих значительно меньше случаев непосредственного калькирования. Ошибки эритажных говорящих часто обусловлены слиянием конструкций, что характерно и для детской речи. При этом случаев ошибочного употребления предлога *на* значительно больше, чем аналогичного употребления предлога *в*, что обусловлено сложной семантической структурой предлога *на*. Эритажные говорящие, так же как и дети, осваивающие родной язык, отдают некоторое предпочтение статике по сравнению с динамикой.

Список источников

1. Выренкова, А. С., Полинская, М. С., & Рахилина, Е. В. (2014). Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык. *Вопросы языкознания*, 3, 3–19.
2. Селиверстова, О. Н. (2000). Семантическая структура предлога *на*. В Д. Пайар, О. Н. Селиверстова (Ред.). *Исследования по семантике предлогов* (с. 189–242). Сборник статей. Русские словари.
3. Pierre, Th., & Johnson, E. (2021). Looking for Wugs in all the Right Places: Children's Use of Prepositions in Word Learning. *Cognitive Science*, 45, 1–17.
4. Clark, E. (2004). Strategies for communicating. In B. C. Lust, C. Foley. (Eds.) *First Language Acquisition: the Essential Readings* (p. 423–431). Blackwell Publishing.
5. Bowerman, M. (1996). Learning How to Structure Space for Language: A Cross-linguistic Perspective. P. Bloom, M. A. Peterson, L. Nadel, M. F. Garrett (Eds.) *Language and Space* (p. 385–436). The MIT Press.
6. Slobin, D. I., Bowerman, M., Brown, P., Eisenbeiss, S., & Narasimhan, B. (2011). Putting things in places: Developmental consequences of linguistic typology. J. Bohnemeyer, E. Pederson (Eds.) *Event representation in language and cognition* (p. 134–165). Cambridge University Press.

7. Bowerman, M., & Choi, S. (2003). Space under Construction: Language-Specific Spatial Categories in First Language Acquisition. P. Gentner, S. Goldin-Meadow (Eds.) *Language in Mind* (p. 387–427). The MIT Press.
8. Johnston, J., & Slobin, D. I. (1979). The development of locative expressions in English, Italian, Serbo-Croatian, and Turkish. *Journal of Child Language*, 6, 529–545.
9. Klinge, S. (1990). Prepositions in bilingual language acquisition. J. M. Meisel (Ed.) *Two First Languages: Early Grammatical Development in Bilingual Children* (p. 123–154). Foris.
10. Morgenstern, A., & Sekali, M. (2009). What can child language tell us about prepositions? J. Zlatev, M. Andrén, M. J. Falck, C. Lundmark (Eds.). *Studies in Language and Cognition* (p. 272–286). Cambridge Scholars Publishing.
11. Яковлева, И. В. (2016). Усвоение системы предлогов русского языка в условиях моноязычия и двуязычия. В С. Н. Цейтлин (Ред.). *Лики билингвизма* (с. 46–61). Сборник статей. Златоуст.
12. Яковлева, И. В. (2023). Пространственные предлоги в речи носителей русского эритажного языка. *Язык. Культура. Коммуникация* (с. 207–211). Материалы XVI Международной научно-практической конференции им. проф. С. А. Борисовой. УлГУ.
13. Ляшевская, О. Н., & Шаров, С. А. (2009). Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). Азбуковник.
14. Nessel, T. (2011). Space-time asymmetries in Russian prepositions: preliminary analysis. *Poljarnyj Vestnik / Полярный Вестник*, 14, 45–62.
15. Нессет, Т., & Макарова, А. Б. (2015). Пространство во времени? Асимметрия предлога в пространственных и временных конструкциях. В А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев, и др. (Ред.). *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика* (с. 388–410). Языки славянской культуры.
16. Золотова, Г. А. (2001). *Синтаксический словарь*. УРСС.
17. Цейтлин, С. Н. (2000). *Язык и ребенок: Лингвистика детской речи*. Владос.
18. Воейкова, М. Д. (2011). *Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка*. Знак.
19. Доброва, Г. Р. (2020). Общее и различное в лексиконе и в языковой картине мира у симультантных и сукцессивных детей-билингвов с «херитажным» русским языком. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, 196, 27–36.
20. Еливанова, М. А., & Семушина, В. А. (2022). Особенности грамматических конструкций в русской речи русско-английских детей-билингвов. *Проблемы онтолингвистики: речевой мир ребенка* (с. 126–132). Материалы Международной научной конференции. Издательство «ВВМ».
21. Alhammad, R. (2023). The Acquisition of the English Spatial Prepositions: *in*, *on* and *at* By Saudi EFL Students. *WORD*, 69(2), 175–204.

References

1. Vyrenkova, A. S., Polinskaya, M. S., & Rakhilina, E. V. (2014). Grammar of mistakes and Construction Grammar: heritage («inherited») Russian. *Voprosy jazykoznanija*, 3, 3–19. (In Russ.).
2. Seliverstova, O. N. (2000). The semantic structure of the Russian preposition *na* 'on' / D. Paillard, O. N. Seliverstova (Eds.). *Studies in prepositional semantics* (pp. 189–242). Collection of articles. Russkie slovari. (In Russ.).

3. Pierre, Th., & Johnson, E. (2021). Looking for Wugs in all the Right Places: Children's Use of Prepositions in Word Learning. *Cognitive Science*, 45, 1–17.
4. Clark, E. (2004). Strategies for communicating. In B. C. Lust, C. Foley (Eds.) *First Language Acquisition: the Essential Readings* (p. 423–431). Blackwell Publishing.
5. Bowerman, M. (1996). Learning How to Structure Space for Language: A Crosslinguistic Perspective. In P. Bloom, M. A. Peterson, L., Nadel, M. F. Garrett (Eds.). *Language and Space* (p. 385–436). The MIT Press.
6. Slobin, D. I., Bowerman, M., Brown, P., Eisenbeiss, & S., Narasimhan, B. (2011). Putting things in places: Developmental consequences of linguistic typology. In J. Bohnemeyer, E. Pederson. *Event representation in language and cognition* (P. 134–165). Cambridge University Press, In English).
7. Bowerman, M., & Choi, S. (2003). Space under Construction: Language-Specific Spatial Categories in First Language Acquisition. In P. Gentner, S. Goldin-Meadow (Eds.) *Language in Mind* (p. 387–427). The MIT Press.
8. Johnston, J., & Slobin, D. I. (1979). The development of locative expressions in English, Italian, Serbo-Croatian, and Turkish. *Journal of Child Language*, 6, 529–545.
9. Klinge, S. (1990). Prepositions in bilingual language acquisition. J. M. Meisel (Ed.). *Two First Languages: Early Grammatical Development in Bilingual Children* (p. 123–154). Foris.
10. Morgenstern, A., & Sekali, M. (2009). What can child language tell us about prepositions? J. Zlatev, M. Andrén, M. J. Falek, C. Lundmark (Eds.). *Studies in Language and Cognition* (p. 272–286). Cambridge Scholars Publishing.
11. Iakovleva, I. V. (2016). The acquisition of the Russian prepositional system by monolinguals and bilinguals. Collection of articles. In S. N. Ceytlin (Ed.). *Faces of bilingualism* (p. 46–61). Zlatoust. (In Russ.).
12. Iakovleva, I. V. (2023). The use of spatial prepositions by heritage Russian speakers. *Language, Culture, Communication* (pp. 207–211). Proceedings of the XVI International Scientific and Practical Conference named after Prof. S. A. Borisova. ULGU. (In Russ.).
13. Ljashevskaya, O. N., & Sharov, S. A. (2009). *Frequency dictionary of modern Russian based on the Russian National Corpus*. Azbukovnik. (In Russ.).
14. Nessel, T. (2011). Space-time asymmetries in Russian prepositions: preliminary analysis. *Poljarnyj Vestnik*, 14, 45–62.
15. Nessel, T., & Makarova, A. B. (2005). Space in time? The asymmetry of the Russian preposition *v* ('in') in spatial and time constructions. In A. A. Kibrik, A. D. Koshelev etc. (Eds.). *Language and thought: Contemporary cognitive linguistics* (p. 388–410). Jazyki slavjanoj kultury. (In Russ.).
16. Zolotova, G. A. (2011). *Syntactic dictionary*. URSS. (In Russ.).
17. Ceytlin, S. N. (2000). *Language and a child: The linguistics of child speech*. Vlados. (In Russ.).
18. Voeikova, M. D. (2011). *Early acquisition of Russian nominal morphology by young children*. Znak. (In Russ.).
19. Dobrova, G. (2020). Simultaneous and successive bilingual children with heritage Russian: common and varying features in vocabulary and linguistic worldview. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 196, 27–36. (In Russ.).
20. Elivanova, M. A., & Semushina, V. A. (2022). Special features of grammatical constructions in Russian speech of Russian-English bilingual children. *Problems*

of ontolinguistics: the speech world of a child. Materials of the International scientific conference. Izdatel'stvo «VVM». (In Russ.).

21. Alhammad, R. (2023). The Acquisition of the English Spatial Prepositions: *in*, *on* and *at* By Saudi EFL Students. *WORD*, 69(2), 175–204.

Информация об авторе / Information about the author

Ирина Владимировна Яковлева — кандидат филологических наук, доцент, доцент департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Irina V. Iakovleva — PhD (Philology), Associate Professor, Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 81:572

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-105-123

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ АНТРОПОЛИНГВИСТИКИ

Гринеv Сергей Викторович¹,
Сорокина Эльвира Анатольевна²

¹ Московский городской педагогический университет,

² Государственный университет просвещения,

^{1, 2} Москва, Россия,

¹ svgrinev1@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8393-915X>

² ellasor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4965-078X>

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей формирования и развития нового научного направления в лингвистике — антрополингвистики. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом ученых, принадлежащих разным научным отраслям, к исторической взаимосвязи и когнитивной взаимообусловленности мышления человека и языка. Изучение истории становления наук позволяет определять характер научно-технического прогресса и особенности развития познания человеком окружающего мира. Известно, что многие науки формировались в течение веков, но с ускорением прогресса развитие новых наук происходит все быстрее. Исследования процесса развития знаний всегда интересны, поскольку позволяют выявить как общие закономерности развития мысли исследователей, так и особенности методов, используемых в отдельных научных направлениях. Они могут изучаться в рамках истории науки и техники, теории познания, науковедения. В статье представлены результаты аналитического обзора исторического развития *антрополингвистики*, ее методических приемов и способов. Обозначены цели и задачи данного направления, названы работы и имена авторов, внесших существенный вклад в теорию антрополингвистики.

Ключевые слова: антропологистика, познание, язык, праязык, языковая картина мира, термин, прототермин.

Для цитирования: Гринеv, С. В., Сорокина, Э. А. (2025). К истории формирования антропологистики. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(58), 105–123. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-105-123>

Original article

UDC 81:572

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-105-123

ON THE HISTORY OF THE FORMATION OF ANTROPOLOGISTICS

Sergey V. Grinev¹,
Elvira A. Sorokina²

¹ Moscow City University,

² Federal State University of Education,

^{1,2} Moscow, Russia,

¹ svgrinev1@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8393-915X>

² ellasor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4965-078X>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the development and features of the formation of a new scientific direction in linguistics — anthropologistics. The acute interest of scholars who carry out research work in various disciplines to the historical and cognitive interconnection of *human thinking* and *language* comprises the relevance of the study. Although it took some science fields several centuries to form, now with the increased progress rate the span of time that it takes science fields to form is significantly diminished. Studies of the process of knowledge development are always interesting, since they allow us to try to identify both the general patterns of the development of researchers' thoughts and the features of the methods used in individual scientific areas. They can be studied within the framework of the history of science and technology, cognition studies and the study of science and also analytical methods. The article presents the results of an analytical review and historical development of *anthropologistics*, its methodological techniques and methods, outlines the goals and objectives of this new direction, names the works and names of authors who have made a certain significant contribution to the theory of anthropologistics.

Keywords: anthropologistics, cognition, language, proto-language, language picture of the world, term, prototerm.

For citation: Grinev, S. V., Sorokina, E. A. (2025). On the history of the formation of anthropologistics. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(58), 105–123. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-105-123>

Введение

В настоящей работе рассматривается история новой науки — *антрополоингвистики*, формирование и развитие которой происходило в течение последних десятилетий (в 2024 году был преодолен двадцатилетний рубеж). В течение этого времени каждый год приносил значимые открытия, развивающие ее проблематику и содержание. Собственно, теория новой науки складывалась из исторических научных фактов и общих догадок. Так, возможность исследовать развитие культуры, мышления и в целом эволюции человека на основе истории развития лексики была выявлена достаточно давно.

Исторические корни антрополоингвистики: Античность и Средневековье

Еще в Античности вопрос о природе появления языка в сущности был дискуссией о природе появления слов, поскольку наиболее ранним уровнем языка, осознанным человеком, был уровень слов. Если слова существуют по природе вещей, то мы уже знаем природу вещей и прогресс исключается, поскольку изменения словаря будут означать искажение изначального, истинного знания. А если слова появляются по установлению, то это означает временный, текущий характер наших знаний, которые могут изменяться при согласии пользователей.

Первоначальной целью этимологии, основанной стоиками, и была реконструкция исходных значений слов — представлений, и в итоге — исходной картины мира. В результате предполагалась реконструкция первичных знаний. Таким образом, была сформулирована проблема исследования — определение изменений первоначальных значений слов, см.: (Гринева-Гринева, Сорокина, 2022, с. 13).

Повторно к этой идее обратился Локк (1632–1704), который предполагал проследить слова до их источников. Факт, свидетельствующий о существенных отличиях средневековой латыни от языка, на котором говорили древние римляне, позволил Шарлю дю Канжу, автору «Словаря средневековой латыни» (1678), заключить, что анализ слов, возникших именно в период Средневековья, может уяснить особенности жизни в данный временной период. Еще одним направлением сравнения исходных и конечных значений слов стала попытка установления причин изменений.

Исторические корни антрополоингвистики: теория семантического поля

Основоположником использования метода семантического поля считается Йост Трир (Jost Trier, 1894–1970), который применил его в отношении анализа истории развития лексем немецкого языка, соотносящихся с понятием «разум».

Потенциал анализа исторических изменений словарного состава в реконструкции развития мышления, продемонстрированный в исследованиях Й. Трира, оказался незаслуженно забытым в появившихся позднее исследованиях семантических полей.

В 1968 году нами было проведено изучение эволюции слов, связанных с понятием *mind* (разум). Первоначально предполагалось, что целью данной работы будет анализ развития синонимического ряда существительных *gewit(t)*, *hyge*, *mood*, представленного в словаре Бака (Buck, 1988), но в процессе исследования семантики синонимов выяснилось, что это было бы весьма затруднительно ввиду их чрезмерной многозначности.

Сопоставление значений лексем *hyge* и *mood* в древнеанглийском языке со значением лексемы *mind* в современном английском языке в совокупности с анализом синонимического ряда слова *mind* позволило нам обнаружить четыре смысловые группы, семантически расположенные далеко друг от друга (например, «ум, мышление, разум» и «храбрость, гордость»). Интересно, что число отдельных значений, входящих в эти группы, равно 21, а общее число синонимов группы «ум, мышление, разум», по современным подсчетам, доходит до 223.

Значение, которое было выбрано Баком — «орган мышления, сознания и, возможно, восприятия», — является в настоящее время лишь одним из значений слова *mind*, что объясняется накоплением знаний о данной области за прошедшее тысячелетие. Первоначально смутное представление о местонахождении органа мышления, дававшее возможность оперировать большей частью значений (*ум, душа, сердце*), со временем уточнялось, и в настоящее время, возможно, было бы целесообразнее пользоваться словом *brain*, которое, к сожалению, не дано в этом значении в словаре Бака. Эта первоначальная неясность слов и последующая дифференциация их значений побудили нас ограничиться исследованием только одной из групп значений — тех, что входят в область понятия «разум».

Согласно Баку, древнеанглийскому *mod* в среднеанглийском соответствуют *mode* и *mynde*, их можно рассматривать как варианты, которые впоследствии разошлись и в современном английском являются разными словами *mind* и *mood*.

Оксфордский словарь английского языка в качестве наиболее раннего значения слова *mind* указывает *память* с пометой «устарело». Вторым значением показано «мысль, цель, намерение, мнение, желание». Третье, широкое значение «ментальная или психическая сущность или способность» включает отдельным значением «интеллектуальные способности в отличие от воли и эмоций» (OED, 1989).

На основании словарных данных было выделено ядро современных синонимов из 18 слов, обладающих значениями, входящими в данную область понятия в середине XX века. Лексемы ядра были далее объединены в группы с доминирующим значением «мышление»; «здравый смысл»; «физический орган мышления»; «сознание»; «сообразительность».

Данное разделение представляется далеко не идеальным с точки зрения наук, изучающих мышление (философии и психологии) и было выбрано ввиду того, что взятые слова легче всего распадались именно на эти группы. Кроме того, и в упомянутых науках не существует единой точки зрения на возможные деления в этой области, так как область мышления в настоящее время остается для нас во многом такой же загадочной, как и для наших далеких предков.

Следует заметить, что возможность более точного разнесения синонимов по группам отражала прогресс в развитии представлений от древнеанглийского периода до середины XX века. Размежевание лексики на основе уточненных представлений отражает развитие знаний даже на обыденном уровне, поскольку мы оперируем общеупотребительной лексикой. Развитие исследуемой лексики дает представление о характере исторических языковых процессов, приводящих к увеличению словаря и специализации значений слов. Первоначальная широко рассредоточенная полисемия развивается в направлении расхождения значений и их специализации, причем чем больше новых синонимов, тем больше возможностей для уточнения представлений.

Исторические корни антропологистики: открытия в развитии человека как биологического существа

В 1960-е годы произошли два события, которые кардинально изменили существовавшие представления о человеке как о биологическом виде и вызвали необходимость в углублении исследований его эволюции. Во-первых, были найдены предки человека, жившие два с половиной миллиона лет назад, а во-вторых, в 1966 году стали известны результаты опытов американских психологов Гарднеров по изучению языкового/речевого поведения приматов. Результаты показали, что основное развитие речи и разума говорящих обезьян происходит, как правило, в первые годы жизни и они нередко доходят в развитии речи до уровня двух-трехлетнего ребенка. Эти факты актуализировали поиски ответа на вопрос, в чем же заключается ключевое отличие человека от животного в аспекте развития сознания.

В 1987 году появилась статья специалиста по истории философии Василия Павловича Горана «К проблеме становления категории “закон”», где представлен анализ исторических изменений значения слова «доля», отражающих изменения в сознании человека. Эта статья показала возможности реконструкции развития культуры и мышления на основе изучения развития значений слов (Горан, 1987). Она служит прекрасным примером квалифицированной интерпретации изменений значения слов по принципу Й. Трира в ситуации, когда большинство многочисленных исследований семантических полей (в нашем распоряжении — свыше пятисот наименований авторефератов и диссертаций по истории лексики) носит чисто описательный характер.

Но настоящим прорывом в изучении истории лексики стала работа М. А. Лазаревой (1999), исследование которой, посвященное истории метеорологической терминологии английского и русского языков, позволило установить три периода в развитии терминологии, историческую стратификацию типов лексики (слова, прототермины, термины) в эволюции сознания, а также выявить связь преобладающих типов лексики с уровнем сознания (Лазарева, 1999).

Таким образом, в начале XXI века сложились предпосылки появления новой научной дисциплины на стыке исторического, когнитивного терминоведения и теории семантического поля, занимающейся лингвистическими исследованиями эволюции сознания человека и получившей название *антрополилингвистики*.

К этому времени сложились в самостоятельные научные дисциплины такие разделы терминоведения, как историческое (Борхвальд, 2000) и когнитивное (Панасенко, 2000). Соединение подходов этих наук позволило учитывать динамичный характер познания, а применение полевого подхода, основывающегося на известном положении о том, что значение слова определяется его лексическим окружением, доказательно свидетельствовало в пользу того, что эффективнее изучать не отдельные лексемы, а их тематические группы.

Белостокский манифест как дата начала формирования антрополилингвистики

Фактически история антрополилингвистики начинается в июне 2004 года, когда на конференции «Терминология и культура» в Белостоке (Польша) известными российскими, английскими, польскими, украинскими и датскими терминоведами был подписан Белостокский манифест, в котором были отражены основные черты новой науки, предпосылки ее появления, обоснована необходимость детального анализа развития мышления человека на основе анализа лексической системы языка, указана роль анализа терминологической лексики в плане установления закономерностей развития теоретической мысли, обозначен метод определения скорости развития того или иного фрагмента картины мира. Были обозначены исторические типы мышления (**наивный, ремесленный, научный**), соответствующие им этапы развития познания (**донаучный, протонаучный, научный**). Специализация знаний была заявлена в качестве общей тенденции развития познания, а снятие семантического синкретизма было интерпретировано как цель развития познания.

В заключении манифеста указывалось, что в эти дни мы являемся свидетелями появления значительного нового направления науки, которое может быть названо *антропологической лингвистикой*, или *антрополилингвистикой*.

После Белостокской конференции сформировались следующие направления исследований, отражающие определенные аспекты антрополилингвистики: 1) изучение эволюции сознания путем логических умозаключений; 2) учет

роли области Брока и Вернике в производстве речи; 3) палеонтологический анализ материальных останков исторических людей и артефактов; 4) сравнение с наиболее примитивными племенными языками; 5) анализ наиболее ранних языковых явлений; 6) изучение особенностей развития языка у детей в корреляции с уровнем развития мышления исторических людей.

Особенности исторического развития антропологической лингвистики как самостоятельного направления

История формирования антропологической лингвистики интересна тем, что каждый год в рамках новой науки появлялись новые факты и идеи. Еще в 2004 году к первоначальной группе ученых присоединились профессора Я. Заневски, Э. А. Сорокина, С. Д. Шелов и А. Степанавичус, а позднее П. Томас и Л. Г. Викулова.

В следующем году был подготовлен и опубликован первый учебник, где к ранее выделенным трем этапам развития сознания был добавлен четвертый — проточеловеческий, закончившийся появлением 100 тыс. лет назад *кроманьонца*, по биологическим характеристикам почти совпадающего с определением современного человека как биологического существа, характерной чертой языка которого является использование *протослов*.

Заметим, что термин *протослова* к 2004 году уже присутствовал в двух областях лингвистики: в исследованиях детской речи для называния ранних слов ребенка и в сравнительно-историческом языкознании для наиболее древних реконструируемых лексических форм. Было установлено, что существуют возможности реконструкции основных характеристик раннего языка в период его формирования на всех его уровнях.

Были ориентировочно приняты следующие хронологические рамки этапов эволюции человека: 1) проточеловеческий этап: 10 млн – 100 тыс. лет назад (ок. 10 млн лет); 2) донаучный этап: 100 тыс. лет назад – V век до н. э. (ок. 100 тыс. лет); 3) протонаучный этап: V век до н. э. – середина XVIII века (ок. 2,3 тыс. лет); 4) научный этап: середина XVIII века – наст. вр. (ок. 250 лет).

Сопоставление этих сроков показывало тенденцию к ускорению темпов развития сознания человека. Методы исследования, используемые на каждом этапе, зависят от его особенностей.

На проточеловеческом этапе ведущим является палеонтологический аспект, поскольку преимущественный объем информации мы получаем от анализа окаменелостей, степень давности которых можно определить благодаря современным точным методам датировки. Основные проблемы этого этапа связаны с появлением языка: когда и как он появился и каким был. Существующие гипотезы происхождения языка опираются на возможные источники слов и пока являются неподкрепленными предположениями. Исключение составляют социальные теории, которые могут быть подкреплены аналогиями с некоторыми

сигналами животных и ситуациями, в которых такие сигналы необходимы (загонная охота, строительство групповых жилищ). Время появления языка может быть предположительно установлено на основе данных палеонтологии (появление центров Брока и Вернике), развития типов орудий и на основе датировки групповых жилищ — ок. 200–300 тыс. лет назад.

Попытка реконструировать основные черты первого языка, казавшаяся недостижимой, была реализована на основе ряда известных фактов: данных о произносительных возможностях ближайших гоминоидов; данных о развитии детей; данных истории языкознания и логических предположений.

Для донаучного периода в связи с появлением письменности основной проблемой было установление характера лексики — объема общего и индивидуальных словарей, семантики лексики — на основе уже существовавших в то время письменных документов.

Основной чертой протонаучного периода был интенсивный рост специальной, в особенности ремесленной лексики.

В разделе современного (научного) периода, в связи с формированием в это время терминологических знаний, содержалась информация о теоретических и прикладных аспектах терминологической работы. Было выделено явление стратификации ментальности в процессе эволюции сознания, которое возникло с появлением письменности и различия характера мышления образованных и неграмотных людей.

На последующих этапах эволюции проблема сосуществования людей с разным характером сознания и мышления (донаучный, ремесленный, научный) не устранялась даже введением системы обязательного среднего образования, поскольку характер основных занятий людей сельской местности, мало изменившийся в течение тысячелетий, ограничивает их кругозор и заставляет их мыслить обыденными представлениями.

В 2005 году в Нижнем Новгороде была защищена первая кандидатская диссертация по антропологической лингвистике, а в 2006 году произошло знакомство с информацией о племени *пираха* с самым малым языком. Черты этого языка оказались близкими с продланной реконструкцией наиболее раннего языка, что подтвердило правильность ряда предположений о его характере. Сопоставление языков с различным размером словаря показало ошибочность мнения о том, что не следует делить языки на слаборазвитые и развитые. Действительно, объем словаря (т. е. лексический запас языка) отражает уровень познания, и, утверждая, что объем словаря не влияет на восприятие мира и возможности общения, мы тем самым признаем, что научно-технического прогресса не существует. Когда мы говорим о границах языка, определяющих степень нашего познания мира, мы преимущественно имеем в виду объем лексики языка.

В 2007 году вышла в переводе на польский язык книга американской исследовательницы Лауры Даер «Язык ребенка: пойми и развивай...» (Dyer, 2006), посвященная изучению развития речи ребенка. Знакомство с книгой Л. Даер

инициировало интерес к результатам аналогичных исследований в нашей стране (Горелов) и за рубежом.

Как известно, умственное развитие ребенка в раннем детстве определяется на основе объема его словаря. В психологии раннего дошкольного возраста существуют нормы количества слов, которые должен знать ребенок на некоем уровне. Эти соображения позволили прийти к заключению о возможности установить исторический уровень развития человеческого сознания по количественному составу его словаря в ту или иную эпоху. Было принято решение определять объем общего словаря по состоянию на конец этапа.

На основании имеющихся данных можно относительно уверенно делать выводы о количественном составе лексических единиц некоторых национальных языков в **донаучный** период: около 4,5 тыс. слов в протославянском языке и около 5–6 тыс. слов в древнеанглийском языке (Филин, 1984, с. 33–35); (Fisiak, 2000, p.18–22).

Что касается **научного** периода, то, по данным В. М. Лейчика, в середине XX века было известно 30 млн наименований изделий, веществ и биологических видов (Лейчик, 2022).

В результате работы над подготовкой дополненного учебника по антропологистике, осуществленной в 2008 году, было установлено, что целый ряд уже описанных параметров и характеристик требует уточнений, например периодизация этапов развития человека.

Выявление лексикона человека в определенные периоды развития для ранних этапов может быть весьма приблизительным и оставляет некоторое поле для размышлений, например о количественном составе активного словаря к окончанию дописьменного периода (300–400 или 150–200 слов) (Горелов, 1974, с. 29).

Анализ лексем древнеанглийского языка показал, что большинство слов этого времени многозначные, причем границы между значениями неустойчивые, что, по-видимому, является обычным для древних языков и древних состояний языков. Это же отмечено на материале древнерусского языка, что указывает на гораздо меньшую, по сравнению с современной, детализацию системы представлений человека в тот исторический период развития.

Изучение исторического материала подтвердило предположение о профессионализации знаний как о главной тенденции развития познания. Это открытие заставило обратить внимание и на семантические процессы в целях определения их роли в познании и развитии сознания человека.

В 2009 году ученые выдвинули предположение о достаточно резком увеличении объема словаря в конце XX века по сравнению с серединой XX века (с 20–30 до 40–50 млн слов и словосочетаний). Если сравнить эти данные с предположением о том, что в конце протонаучного периода объем словаря увеличился до 400–500 тыс. наименований, по сравнению с концом донаучного периода (4–5 тыс. лексических единиц), то можно прийти к выводу о том, что под конец каждого этапа объем общего словаря увеличивался в 100 раз

(на два порядка). При учете такого изменения объема лексики можно говорить о том, что словарь кроманьонского человека 200 тыс. лет назад предположительно состоял из 40–50 протослов.

В 2009 году осуществили пересмотр связи терминоведения с лексикологией. Этот вопрос имеет свою историю. До конца 1980-х годов в учебниках по введению в языкознание и лексикологии терминология рассматривалась как раздел лексикологии. Между тем было очевидным, что разносторонняя тематика терминоведения, включая логические, семиотические, функциональные и когнитивные аспекты, никак не укладывается в рамки лексикологии. Как каждая новая выделяющаяся наука, терминоведение должно было утвердить четкие границы и явные различия со смежными областями знания. Это явилось одной из актуальных задач теоретиков терминоведения и активно утверждалось на конференциях и в сборниках публикаций. Спустя два десятка лет, когда терминоведение не только окончательно обрело независимость, но и его направления начали оформляться в самостоятельные дисциплины, такие как терминография (1986), сопоставительное (1988), типологическое (1998), историческое (1996), когнитивное (2007) терминоведение, доказательство его самостоятельности стало неактуальным и можно было обратить внимание лишь на его связь с лексикологией. Эта неразрывная связь обусловлена тем, что все старейшие терминологии появились путем утраты обычной лексикой своего характера и перехода ее в разряд специальной лексики.

Еще одним направлением анализа эволюции сознания, появившимся в это же время, стала история ментальностей, в рамках которой ученые опирались на данные исторической лексикологии (Дюби, 1996, с. 20).

В этом же году была установлена связь антропологической лингвистики с изучением языковых картин мира. Различия между этими направлениями исследований заключаются в том, что описания языковых картин мира в основном рассматривают языковые картины мира в статике, без учета их развития, в то время как антропологическая лингвистика заинтересована в анализе диахронических изменений картин мира и их причин.

И наконец, в этом же году вышла в свет польская монография «Антропологическая лингвистика (новая наука XXI века)», являющаяся переводом третьего издания учебника.

В 2010 году продолжалось исследование проблемы объема словаря протонаучного периода. Ориентировочно ко второй половине XVIII века «Словарь английского языка» (1755) С. Джонсона включал в себя около 40 тыс. статей, а «Словарь Академии Российской» (1789–1794) — около 43 тыс. слов (Баскаков, 1997, с. 18). Это противоречило предполагаемому объему в 400–500 тыс. лексем, казавшемуся невозможным.

Однако, по данным В. Д. Бондалетова, «насчитывают десятки тысяч профессий, и у каждой свой “язык”, точнее, лексическая система. Количество профессионализмов зависит от степени развитости и специализации соответствующего производства; так, только в отделочном цехе текстильного производства

более 10 видов машин (красильная, отбивная, стригальная и др.); у немецких плотников отмечено 6 типов топоров, 5 — молотков, 10 — пил, 22 — рубанка; русские коневоды знают более 40 мастей лошади (вороная, соловая и др.), около 20 аллюров (рысца, хлынь, иноходь и др.)» (Бондалетов, 1987, с. 70–71).

Небывалый рост профессиональной лексики был замечен еще во времена Возрождения. А. А. Реформатский цитирует А. Читтолини, указывающего на то, что «самый последний ремесленник и крестьянин располагает в гораздо больших размерах» *ремесленными терминами*, «чем весь латинский словарь» (Реформатский, 1996, с. 105).

В XVII–XVIII веках число профессий в промышленно развитых странах исчислялось тысячами: согласно Дж. Р. Фарру, уже в 1700 году в Северных Нидерландах насчитывалось около 2 тыс. цехов (Farr, 2004). Поэтому к концу протонаучного периода (конец XVIII века) число лексических единиц в языках наиболее развитых стран, где существовали тысячи профессий, вполне мог достигать 400–500 тыс., причем более 90 % этого числа составляли словари различных профессий.

Поскольку к выделенным ранее трем этапам эволюции разума человека позднее добавился еще один — проточеловеческий, то возникла необходимость вернуться к идеям, обозначаемым разными типами лексем. Дело в том, что и протослова, и обычные слова обозначают представления, между которыми должна была существовать разница, и это должна быть разница между представлениями памяти, которые есть у наиболее высокоразвитых животных, и представлениями воображения, которые, вероятно, могут быть только у человека. Воображение играет большую роль и в специальных представлениях, поскольку ремесленник должен ясно представлять себе результат своей работы, которого еще нет. Таким образом, мы наблюдаем разные исторические типы мышления на разных этапах эволюции собственно человека.

В этом же году была осознана связь антропологистики с социолингвистикой в исследовании таких, например, проблем, как социальная стратификация носителей языка и возможности регулирования развития языка.

В 2011 году внимание исследователей привлекла проблематика отношения к языку, в особенности к словарю языка. Вероятно, первобытный человек (как и современный маленький ребенок) не осознавал язык; для донаучного периода было характерно наделение слов магической силой; в протонаучный период слова воспринимались как имеющие Божественное происхождение. Только в научный период начинает складываться критическое отношение к общему языку как к языку, неспособному обеспечить точность научных выкладок, что и приводит к появлению терминоведения как науки, призванной упорядочивать и гармонизировать существующие терминологии.

Опыт проведенного к этому времени большого числа (около сотни) антропологистических исследований позволил развить методику исследования, в частности с использованием компонентного анализа.

В 2012 году поэтапная система эволюции сознания человека была существенно дополнена — со второй половины XX века начался *информационный* этап эволюции человека. Об этом свидетельствовал ряд факторов: в лексике все большую долю стали составлять лексемы нового типа — номены, являющиеся названиями единичных понятий, а объем общего словаря превзошел расчетный уровень научного периода (50 млн лексем). Название этого периода объясняется не только тем, что ведущей областью деятельности развитых стран становится производство и обработка информации, но и тем, что сознание человека все больше формируется на основе получаемой информации. С 1980-х годов в промышленно развитых странах в информационной индустрии было занято свыше половины трудящегося населения. Этому современному, информационному этапу был посвящен отдельный раздел в подготовленной и опубликованной в 2012 году английской версии учебника.

В этом же году было обращено внимание на соотнесенность различных типов культуры с основными этапами эволюции человека: культура охоты и собирательства в донаучный период; культура скотоводства и земледелия в конце донаучного периода; городская и ремесленная культура в протонаучный период; индустриальная культура в научный период. Таким образом, существует связь между антропологической и культурологией.

В этом году завершилось формирование онтолингвистики — науки, занимающейся исследованием детского языка. Материалы исследований освоения ребенком языка в значительной степени использованы для формирования и проверки предположений о развитии языка исторического человека, особенно в дописьменный период.

В 2013 году было установлено, что каждому этапу свойственен общий набор характеристик, прежде всего касающихся преобладающих типов лексических единиц и типов обозначаемых ими идей, а также определенным отношением к языку. Так, на современном этапе появляются возможности сознательного регулирования развития языка в области специальной лексики. Это возможно в рамках *языковой политики*, которая в настоящее время оформилась в самостоятельную дисциплину.

Было замечено, что можно выделить различные типы индивидуальных словарей с делением на активный и пассивный словари в зависимости от уровня грамотности. Учитывая данные И. Н. Горелова о словаре неграмотного человека XX века, можно предполагать, что активный словарь необразованного человека в донаучный период был не более 150–200 лексем; к концу протонаучного периода (XVIII век) он мог увеличиться до 300–400 слов, а к концу научного периода — до 600–800 слов (Горелов, 1974). Медленное развитие словаря неграмотных людей можно объяснить тем, что большинство из них составляли земледельцы, труд которых был связан с временами года и типовыми операциями, мало изменившимися за две тысячи лет, а деревни были в значительной мере автономны вплоть до XIX века, связи между ними были ограниченны и сводились к нерегулярным и довольно поверхностным контактам.

В начале полисемия принимает вид *семантической сверхгенерализации*, т. е. существенного расширения значений протослов. Это ярко проявляется в раннем детском возрасте, когда одно слово у ребенка служит для обозначения целого ряда объектов. Увеличение словаря влечет за собой уменьшение сверхгенерализаций, в том числе и за счет уточнения семантики каждого слова.

В донаучный период полисемия приобретает характер *семантического синкретизма*, что наблюдается в племенных языках эпохи Средневековья. Например, в древнерусском языке слово *повесть* имело следующие значения: 1) *известие, сообщение*; 2) *сказание, рассказ*; 3) *объяснение*; 4) *поучение, наставление*; 5) *описание*; 6) *слова*; 7) *разговор, беседа* (Камчатнов, 2000).

В протонаучный период появляется специализация слов общеупотребительного языка, что приводит к появлению большого количества новых лексем, знакомых только тем, кто занят деятельностью в определенной профессиональной области. Происходит формирование национальных терминологий, где у терминов существуют четкие границы значений.

В результате проведенных исследований выявлены новые виды полисемии, их число увеличилось с пяти-шести, упоминаемых в учебниках по введению в языкознание и лексикологии, до девятнадцати (см.: Гринев-Гриневиц, 2014).

В 2015 году при изучении характера современного информационного этапа была замечена опасность манипулирования сознанием общества, базирующаяся на традиции доверия средствам массовой информации. В 2016 году вслед за изучением роли полисемии в процессе познания и развития сознания внимание было обращено на другие семантические явления.

Под этим углом зрения была рассмотрена синонимия, роль которой оказалась двоякой: *сигнальная* функция, маркирующая актуальность определенного явления или предмета, и функция *детализации знаний*, связанная с именованием разновидностей объектов при конкретизации знаний о них. Так, с развитием знаний о том, как можно закрыть доступ к чему-либо, появился достаточно внушительный список слов-синонимов: названия разновидностей запорных устройств *замок, засов, запор, задвижка, защелка, завертка, застежка, шпингалет* (Гринев, Сорокина, 2020, с. 80).

Большое количество примеров синонимии, наблюдавшейся при формировании наук в России, приводит Л. Л. Кутина: в математике *круг – окруж – обруч – циркуль – колесо; плоскость – площадь – поверхность – равнина – наружность – наличие – суперфиция – план*; в географии *залив – губа – недро – пазуха – синус – кривизна – отного – устье – заток – море – бухта – гольф*; в физике *скорость – быстрота – беглость – быстрина – прыткость – борзость* (Кутина, 1970).

В 2016 году обращено внимание на тот факт, что каждый период имеет свою преимущественную лексику, но к концу периода появляется и все более распространяется следующий тип лексики: *прототермины* в донаучную эпоху, *термины* в протонаучный период и *номены* в научный период.

В 2017 году продолжилось изучение семантических процессов как маркеров развития познания. Гипонимия (родовидовые отношения) иллюстрирует стремление человека к систематизации воспринимаемой действительности. Развитие наук меняет соотношение между представлениями и понятиями в сторону увеличения количества последних, в то время как развитие производства изменяет соотношение в категориях натуральных и искусственных объектов.

В 2018 году было уточнено определение семантического поля в связи с тем, что, с одной стороны, для этого понятия многочисленными авторами используется большое число наименований, а с другой стороны, разные авторы вкладывают в это понятие различное содержание, смешивая его с предметным или лексическим полем. В нашем понимании семантическим полем следует считать фрагмент действительности, выделенный в человеческом сознании и выраженный в языке в виде лексической системы, см., напр.: (Гринев-Гриневич, Сорокина, 2020).

Были уточнены методы выявления современной скрытой полисемии и обнаружено наличие большого числа скрытой полисемии в современных лексических системах.

В 2019 году было замечено, что размер общеупотребительного словаря также увеличивается со временем, однако значительно медленнее, чем рост специального словаря, возможно на один порядок в каждый эволюционный период.

В 2020 году в качестве основной причины медленного развития словаря в донаучный период (до 4–5 тыс. слов за 200 тыс. лет) было названо неразвитое состояние памяти человека. С развитием речи и усвоением новых слов происходила тренировка и развитие памяти. Однако дальнейшее развитие словаря было бы вряд ли возможно без использования письменности. Письменность давала возможность записывать и сохранять большие объемы сведений, а также тренировать и развивать память. Динамика роста размеров словарей общеупотребительной лексики косвенно отражает рост объема памяти.

В 2021 году найдено недостающее звено, заполняющее временной пробел между временем расхождения предков человека с шимпанзе (6 млн лет назад) и появлением австралопитеков (ок. 4 млн лет назад). Им стал предположительно древнейший предок человека — *ардипитек*, живший от 6 до 4 млн лет назад. Наряду с этим было подтверждено, что кроманьонец появился раньше, чем до этого считалось.

В этом году было издано последнее, современное учебное пособие: *Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А., Викулова Л. Г. Теория языка. Антрополингвистика* (2021).

В 2022 году в связи с подготовкой к печати наиболее полной редакции учебника по терминоведению внимание исследователей было обращено на такие виды специальных единиц, как *номены* и *прототермины*. В последние годы появился значительный интерес к анализу истории русской лексики, включая народные терминологии, промысловую и ремесленную лексику.

Все они относятся к прототерминам. Вместе с тем существует мнение о том, что поскольку ремесло предполагает изготовление изделий на продажу, то ремесленные термины появились значительно позже, чем мы заявляем. Однако во всех исторических справочниках утверждается, что вначале ремесло имело форму домашнего ремесла, которое появилось значительно раньше изготовления изделий на заказ и продажу. В результате дополнительного анализа были разработаны классификации прототерминов и номенов как важного аспекта антрополингвистики.

В 2023 году был осознан фактор изменения среды обитания человека — от доминирующей естественной среды обитания на ранних этапах эволюции человека до преимущественно искусственной среды обитания на последних этапах. Данный фактор требует дальнейшего изучения.

При рассмотрении гипотез происхождения языка необходимо признать, что самым ранним типом *протослов* являются междометия, поскольку они отражают рефлексы и ощущения, которые свойственны низшим уровням развития сознания. Подражание животным приобретает смысл при условии передачи информации сородичам о находящихся недалеко хищниках или дичи. Однако речь ребенка 2–3 лет носит монологический характер, коммуникация детей возникает позже, как, видимо, и у исторического человека. То же относится к подражанию природным звукам — необходимость в этом возможна для сигнализации сородичам об опасности (пожар, камнепад), что не могло осуществляться на ранних этапах развития сознания.

В 2024 году в связи с новыми открытиями произошел очередной пересмотр классификации наиболее древних предков человека. В уточненной таблице подтрибу гоминина открывает *сахелантроп*, живший 7–6 млн лет назад, за которым идут *орорин* 6,2–5,6 млн лет назад и *ардипитеки* 5,5–4,4 млн лет назад. Все они составляют группу ранних австралопитеков.

Заключение

За 20 лет существования нового направления было подготовлено большое количество исследований, представленных практически на всех языковедческих конференциях. Важным явлением в формировании новой науки считаются исследования, защищенные на заседаниях диссертационных советов. По антрополингвистике успешно защищены диссертации на русском и польском языках, кроме того, за 20 лет существования антрополингвистики были защищены (только под научным руководством С. В. Гринева) 171 магистерская и 163 бакалаврских диссертаций.

Развитие любого знания — это исторический процесс, связанный с мышлением человека. Чем глубже и отчетливее человек понимал и воспринимал окружающий мир, тем сложнее и разнообразнее становился словарный состав языка. От простого, неясного и расплывчатого понимания представлений

об окружающем мире человечество постепенно переходит к развитой структурированной системе понятий, в которой каждому значению отведено определенное место.

Антрополингвистика — это междисциплинарная отрасль научного знания, вобравшая в себя методы философии, антропологии, психологии, общего языкознания и, конечно же, терминоведения.

В настоящее время антрополингвистика существует не только как новое научное направление в языкознании, но и как учебная дисциплина.

Список источников

1. Баскаков, В. Н. (1997). Академия Российская. *Русский язык* (с. 18–19). *Энциклопедия*. Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Ю. Н. Караулов (Гл. ред., авт. предисл.). 2-е издание, переработанное и дополненное. Дрофа.
2. Бондалетов, В. Д. (1987). *Социальная лингвистика*. Учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности № 2101 «Русский язык и литература». Просвещение.
3. Борхвальд, О. В. (2000). *Лексика золотопромышленности в аспекте исторического терминоведения русского языка* [Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Томск].
4. Горан, В. П. (1987). К проблеме становления категории «закон». В В. Н. Карпович, А. В. Бессонов (Отв. ред.). *Научное познание: логика, понятия, структура* (с. 185–205). Наука.
5. Горелов, И. Н. (1974). *Проблема функционального базиса речи в онтогенезе*. Учебное пособие. Министерство просвещения РСФСР. Челябинский государственный педагогический институт.
6. Гринев-Гриневиц, С. В. (2014). Полисемия в терминологии и антропогенезе. *Перевод и когнитология в XXI веке* (с. 66–77). VII Международная научная теоретическая конференция (22–24 апреля 2014). МГОУ.
7. Гринев-Гриневиц, С. В., & Сорокина, Э. А. (2023). *Основы семиотики: Картина исторического развития и современное состояние науки о знаках*. 2-е издание. Ленанд.
8. Гринев-Гриневиц, С. В., Сорокина, Э. А., & Скопюк, Т. Г. (2008). *Основы антрополингвистики*. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Академия.
9. Гринев-Гриневиц, С. В., Сорокина, Э. А., & Викулова, Л. Г. (2021). *Теория языка: антрополингвистика*. Учебное пособие. ВКН.
10. Гринев-Гриневиц, С. В., & Сорокина, Э. А. (2020). Семантические основы антропогенеза. *Новое в теории языка* (с. 71–105). Монография. УлГУ.
11. Дюби, Ж. (1996). История ментальностей. *История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах* (с. 18–21). РГГУ.
12. Камчатнов, А. М. (2000). О семантическом словаре древнерусского языка. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 1, 61–65.
13. Кутина, Л. Л. (1970). Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем. *Лингвистические проблемы научно-технической терминологии* (с. 82–94).
14. Лазарева, М. А. (1999). *Сопоставительный анализ метеорологической лексики английского и русского языков* [Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Москва].
15. Лейчик, В. М. (2022). *Терминоведение. Предмет, методы, структура*. URSS.

16. Локк, Дж. (1898). *Опыт о человеческом разуме*. (А. Н. Савин, пер.). Б. и. (Оригинал был опубликован в 1689 г.).
17. Панасенко, Н. И. (2000). *Когнитивно-ономасиологическое исследование лексики: опыт сопоставительного анализа названий лекарственных растений* [Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Москва].
18. Реформатский, А. А. (1996). *Введение в языковедение*. Аспект Пресс.
19. Филин, Ф. П. (1984). *Историческая лексикология русского языка*. URSS.
20. Buck, C. D. A. (1988). *Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages*. The University of Chicago Press.
21. Dyer, L. (2006). *Mowa dziecka: Zrozum i rozwiń mowę dziecka*. Liber.
22. Farr, J. R. (2004). *Artisans in Europe, 1300–1914*. Cambridge University Press.
23. Fisiak, J. (2000). *An Outline History of English. Volume One: External History*.
24. Grinev-Griniewicz, S., Zaniewski, J., Sorokina, E., & Skopiuk, T. (2009). *Antropolingwistyka: Nowa nauka XXI wieku*. WSFiZ.
25. Grinev-Griniewicz, S., Skopiuk, T., Sorokina, E., & Thomas, P. (2015). *Foundations of AnthropoLinguistics: Establishing lexical premises for exploring evolution of human mentality*. Lambert Academic Publishing.
26. Simpson, J., & Weiner, E. (Eds.). (1989). *Oxford English dictionary*. (2nd ed.). Clarendon Press.

References

1. Baskakov, V. N. (1997). Russian Academy. *Russian language* (p. 18–19). Encyclopedia. Institution V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS. (Chief Editor, author's preface Yu. N. Karaulov). 2nd edition, revised and expanded. Drofa. (In Russ.).
2. Bondaletov, V. D. (1987). *Social linguistics*. Textbook for students of pedagogical sciences. Information on specialty No. 2101 «Russian language and literature». Prosveshchenie. (In Russ.).
3. Borkhvald, O. V. (2000). *The vocabulary of the gold industry in the aspect of historical terminology of the Russian language* [Abstract of the Dissertation for the Doctor of Philological Sciences: 10.02.01. Tomsk]. (In Russ.).
4. Goran, V. P. (1987). On the problem of the formation of the category «law». *Scientific cognition: logic, concepts, structure* (p. 185–205). V. N. Karpovich, A. V. Bessonov (Responsible eds.). Nauka. (In Russ.).
5. Gorelov, I. N. (1974). *The problem of the functional basis of speech in ontogenesis*: Textbook. Ministry of Education of the RSFSR. Chelyabinskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut. (In Russ.).
6. Grinev-Grinevich, S. V. (2014). Polysemy in terminology and anthropogenesis. *Translation and cognitive science in the 21st century* (p. 66–77). VII International Scientific Theoretical Conference (April 22–24, 2014). MGOU. (In Russ.).
7. Grinev-Grinevich, S. V., & Sorokina, E. A. (2023). *Fundamentals of semiotics: The picture of historical development and the current state of the science of signs*. Ed. 2. Lenand. (In Russ.).
8. Grinev-Grinevich, S. V., Sorokina, E. A., & Skopyuk, T. G. (2008). *Fundamentals of anthropoLinguistics*. Study guide for university students. Academy. (In Russ.).
9. Grinev-Grinevich, S. V., Sorokina, E. A., & Vikulova, L. G. (2021). *Theory of language: anthropoLinguistics*. Textbook. VKN. (In Russ.).

10. Grinev-Grinevich, S. V., & Sorokina, E. A. (2020). Semantic foundations of anthropogenesis. *New in the theory of language* (с. 71–105). Monograph. UIGU. (In Russ.).
11. Duby, J. (1996). The history of mentalities. *The history of mentalities, historical anthropology. Foreign studies in reviews and abstracts* (p. 18–21). RGGU. (In Russ.).
12. Kamchatnov, A. M. (2000). About the semantic dictionary of the Old Russian language. *Ancient Russia. Issues of medieval studies, 1*, 61–65. (In Russ.).
13. Kutina, L. L. (1970). Linguistic processes that arise during the formation of scientific terminological systems. *Linguistic problems of scientific and technical terminology* (p. 82–94). (In Russ.).
14. Lazareva, M. A. (1999). *Comparative analysis of meteorological vocabulary of English and Russian languages* [Dissertation for the PhD (Philology): 10.02.20. Moscow]. (In Russ.).
15. Leychik, V. M. (2022). *Terminology: Subject, methods, structure*. URSS. (In Russ.).
16. Locke, J. (1898). *An essay concerning human understanding*. (A. N. Savin, Trans.). (n. p.). (In Russ.).
17. Panasenko, N. I. (2000). *Cognitive-onomasiological research of vocabulary: experience of comparative analysis of medicinal plant names* [Abstract of the dissertation Doctor of Philological Sciences: 10.02.19. Moscow]. (In Russ.).
18. Reformatsky, A. A. (1996). *Introduction to linguistics*. Aspect Press. (In Russ.).
19. Filin, F. P. (1984). *Historical lexicology of the Russian language*. URSS. (In Russ.).
20. Buck, C. D. A. (1988). *Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages*. The University of Chicago Press.
21. Dyer, L. (2006). *Mowa dziecka: Zrozum i rozwiń mowę dziecka*. Liber.
22. Farr, J. R. (2004). *Artisans in Europe, 1300–1914*. Cambridge University Press.
23. Fisiak, J. (2000). *An Outline History of English*. Volume One: External History.
24. Grinev-Griniewicz, S., Zaniewski, J., Sorokina, E., & Skopiuk, T. (2009). *Antropolingwistyka: Nowa nauka XXI wieku*. WSFIZ.
25. Grinev-Griniewicz, S., Skopiuk, T., Sorokina, E., & Thomas, P. (2015). *Foundations of Anthropolinguistics: Establishing lexical premises for exploring evolution of human mentality*. Lambert Academic Publishing.
26. Simpson, J., & Weiner, E. (Eds.). (1989). *Oxford English dictionary*. (2nd ed.). Clarendon Press.

Информация об авторах / Information about the authors

Сергей Викторович Гринев — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры англистики и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ.

Sergey V. Grinev — D. Sc. (Philology), Professor, Professor of English Studies and Cross-Cultural Communication Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Эльвира Анатольевна Сорокина — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Государственного университета просвещения.

Elvira A. Sorokina — D. Sc. (Philology), Professor, Professor of English Studies Department, Federal State University of Education.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.133.1'103

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-124-138

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В АФОРИСТИКЕ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Райскина Валерия Александровна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,
rayskinav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0610-6458>

Аннотация. Целью исследования является моделирование концептуально-ценностной системы автора эпохи Возрождения М. Монтеня в отношении человека, представленной в афоризмах, которые рассматриваются как тип прецедентного микро-текста. Теоретический подход к афоризму состоит в выявлении эпистемологического и аксиологического содержания в данных несвободных языковых единицах посредством анализа слов-концептов, выражающих философско-оценочную познавательную прагматику афоризма. Применяется корпусная методика анализа аутентичного текста, а также метод контент-анализа онлайн-базы данных цитат. Выявлено, что в афоризмах эпохи Возрождения выражена трансформация концептуальных и ценностных представлений о *человеке* и *бытии*, а также переход к новой антропоцентрической гуманистической парадигме, подчеркивающей ценность критического мышления, индивидуального разума и социокультурного разнообразия. В афористике М. Монтеня выявлены языковые средства эвалюативной концептуализации фигуры человека по таким направлениям, как человеческая природа, межличностное отношение, когнитивные способности, отношение к бытию, онтологические человеческие ценности. В результате исследования описаны средства трансляции концептуально-оценочной речевой деятельности автора, направленной на моделирование системы «человек – мир». Сделан вывод о том, что человек является концептуальным ядром ренессансной афористики, в которой формулируются витальные и для современного общества ответы на вопросы о смысле человеческого бытия.

Ключевые слова: афоризм, афористика, прецедентное высказывание, интертекстуальность, концепт человек, «Опыты», Мишель Монтень.

Для цитирования: Райскина, В. А. (2025). Концептуализация человека в афористике эпохи Возрождения. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(58), 124–138. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-124-138>

Original article

UDC 811.133.1'103

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-124-138

CONCEPTUALIZATION OF THE HUMAN
IN RENAISSANCE APHORISTICS

Valeriya A. Rayskina

Moscow City University,

Moscow, Russia,

rayskinav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0610-6458>

Abstract. The study aims to model the conceptual and value system of the Renaissance author M. Montaigne regarding *human*, represented in aphorisms, considered as a type of precedent microtext. The theoretical approach to the aphorism consists in revealing the epistemological and axiological content in these linguistic units through the analysis of words-concepts expressing the philosophical and evaluative cognitive pragmatics of the aphorism. The corpus method of analysing the authentic text, as well as the method of content analysis of data from online citation databases are applied. It is revealed that the Renaissance aphorisms express the transformation of concepts and values perceptions of *human* and *being*, as well as the transition to a new anthropocentric humanistic paradigm, emphasising the value of critical thinking, individual reflexion, and socio-cultural diversity. In M. Montaigne's aphorisms we have revealed the linguistic means of evaluative conceptualisation of the *human* in such directions, as human nature, interpersonal relations, cognitive abilities, attitude towards being, ontological human values. The result of the study is the description of the means of translation of the author's conceptual-evaluative discourse aimed at modeling the system «*human – world*». It is concluded that *human* is the conceptual nucleus of Renaissance aphoristics, which formulates vital for our modern society answers to questions about the meaning of human existence.

Keywords: aphorism, aphoristics, precedent phrase, intertextuality, concept *human*, «Essais»; Michel Montaigne.

For citation: Rayskina, V. A. (2025). Conceptualization of the Human in Renaissance Aphoristics. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(58), 124–138. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-124-138>

Введение

В современном дискурсивном пространстве фундаментальным принципом организации и продуцирования текстовой реальности является интертекстуальность, которая выступает основой для создания многомерных смыслов, разрывая пространственно-временные связи и объединяя различные культурные коды и контексты. Изучение вариативных форм реализации интертекстуальных связей позволяет выявить глубинные лингвокультурные и идейно-философские подтексты. Комплексный лингво-аксиологический анализ прецедентного высказывания как вида интертекста

представляется логическим расширением существующего в современных исследованиях подхода, разделяющего *интертекст* (термин Ю. Кристевой) — транслируемый код культуры, система ценностей материального и духовного характера (Кузьмина, 2011, с. 11) и *прецедентный текст* — «готовые интеллектуально-эмоциональные блоки... значимые для личности в познавательном и эмоциональном отношении» (Караулов, 2023, с. 216). Интертекст, выступая в качестве связи текстов двух эпох, поколений или культур, сопоставим, таким образом, с местом памяти (Bravin, 2019, p. 264). Так же и прецедентный текст направлен на сохранение продукта речемыслительной деятельности прошлого и его репродукцию в настоящем (Красных, 2002, с. 44). Прецедентное высказывание представляет собой средство вербализации культурно-исторического и лингвистического наследия (*cultural reference*) (Afanasjeva et al., 2020, p. 1099). Оба текстовых феномена носят сверхличностный характер, создавая эффект размытия автора (смерти автора в теории Р. Барта), однако дополнительными параметрами прецедентного текста являются узнаваемость, известность и рекуррентность в дискурсе носителей лингвокультуры.

Прецедентное высказывание рассматривается как базовая форма проявления интертекстуальности, для которой характерны лингвокультурная обусловленность, высокий когнитивный потенциал и яркая выраженность аксиологического компонента (Караулов, 2023; Черепанова, 2024; Иванов, 2020). Прагматика прецедентного высказывания состоит не только в репрезентации текстовой реальности прошлого, но и в передаче лингвокультурной информации, оценок и ценностей языковой личности, так как в нем отражается индивидуальная ответственность автора как коммуникативной личности (Викулова, 2016, с. 267).

Методология и материал исследования

Языковой единицей лингвоаксиологического исследования является *афоризм*, в определении которого необходимо применение триангуляционного подхода, т. е. учета дефиниционной вариативности по нескольким направлениям:

1) в *лингвистике текста* — устойчивое выражение, фразовый текст, средство вербализации общих суждений (Иванов, 2020, с. 661);

2) в *дискурсивной лингвистике* — краткие, глубокие по содержанию и законченные в смысловом отношении суждения, принадлежащие определенному автору (Карасик, 2023, с. 38); дискурсивная единица, фиксирующая в своей семантике знания и опыт бытия человека (Желтухина, Юй, 2014, с. 72);

3) в *философии и когнитивистике* — особая форма языка философии и способ философствования, лаконичная форма мысли, универсальная форма знания, которая отражает объективную реальность в метафорической форме (Дядык, 2021, с. 4);

4) в *литературоведении* — литературно-художественный малый жанр, для которого характерны глубина и оригинальность мысли автора, выразительность мысли, эстетическое совершенство, сочетание мудрости и красоты (Ольшанский, Мельникова, 2009, с. 65); автосемантические авторские высказывания, образующие особый жанр художественной литературы (Карасик, 2020, с. 36).

В многочисленных научных исследованиях формулируются дифференциальные признаки афоризма как прецедентного высказывания: краткость, углубляющая смысл афоризма, повышающая фактор запоминания и усиливающая прагматический эффект его употребления в речи (Ольшанский, Мельникова, 2009, с. 65); художественная пуантированность высказывания, глубина/имплицитность, вневременность, претензия на истинность (Авдеева и Водоватова, 2017, с. 128). В зарубежных публикациях подчеркивается преобладание универсальности значения над оригинальностью (Noguez, 2015, p. 94); идиоматичность, несводимость значения афоризма к сумме его элементов (Nazmiye, 2016, p. 206); вневременное значение (Silvester, 2004, p. 102). Терминологическая нерешенность в трудах по афористике очевидна ввиду широкой синонимии, присутствующей в опубликованных исследованиях. В частности, афоризм представлен генерализующим термином для следующих текстовых единиц: *максима, цитата, крылатая фраза, поговорка, паремия, концептуальная метафора, изречение, фразеологизм, идиома, притча, аллегория, народная мудрость, генерализация, обобщающее высказывание, aphorisme, citation choisie, adage, maxime, proverbe, sentence, dicton, truisme, devise* и т. д. Ввиду этого полагаем возможным предложить трактовку афоризма как терминоида, т. е. лексемы без закрепленной дефиниции, обозначающей неоднозначно понимаемые понятия (Гринев-Гриневиц и др., 2022, с. 722). Уточним, таким образом, что в рамках исследования афоризм принимается за вид прецедентного микротекста, для которого характерны наличие автора, идиоматичность, паспортизация, сочетание рационального (гносеологического) и эмоционального (аксиологического) содержания. Поскольку общая прагматическая ориентация афоризма как результата философско-оценочной познавательной деятельности направлена на концептуализацию связи «человек – мир» (Дядык, 2021, с. 4–5), для анализа выбраны афоризмы, используемые в рефлексивном дискурсе философа эпохи Возрождения М. Монтеня.

Ренессансная афористика является зеркалом трансформационных процессов в области культуры и мышления, которые отражают переход к новой гуманистической антропоцентрической парадигме. Прагматика афористического жанра в эпоху Возрождения связана с потребностью в распространении гуманистического мировидения с подчеркнутой ценностью индивидуального разума. Мастерами афористического стиля XIV–XVI веков признаны Эразм Роттердамский («*Moriae Encomium, sive Stultitiae Laus*» / «Похвала глупости»), Томас Мор («*Utopia*»/«Утопия»), Никколо Макиавелли («*Il Principe*»/

«Государь»), Бальдассаре Кастильоне («Cortegiano»/«Придворный»), Мишель Монтень («Les Essais» / «Опыты»).

Материальная база исследования включает в себя 246 афоризмов М. Монтеня, содержащихся в двух базах:

- корпус MONtaigne à L'Œuvre / Montaigne at work (MonLOE¹), предоставляющий доступ к цифровой версии рукописей 1588 года Мишеля Монтеня, которые снабжены инструментами автоматического поиска;
- сайты франкоязычных открытых библиотек цитат, афоризмов и крылатых выражений: LE FIGARO SCOPE², ABC-CITATIONS³ и др.

С позиции применяемой методологии для подбора единиц исследования ключевую роль играет метод корпусного анализа с использованием автоматизированного поиска в корпусе MonLOE. Ввиду того что предметом анализа выступают средства концептуализации универсума человека, для поиска контекстов использованы запросы вида *homme**. На следующем этапе применяется метод лингвоаксиологического анализа, который позволяет изучить языковые единицы с точки зрения потенциала трансляции значимых для автора концептов и ценностей. Цель данного анализа — выявление и систематизация ключевых концептов и ассоциированных с ними ценностных коннотаций, воплощенных в авторских афоризмах.

Результаты исследования

Концептуализация, т. е. воспроизведение ключевых концептов, известных представителям лингвокультуры и определяющих их картину мира, и наличие в смысловом ядре афоризма слов-концептов являются базовыми признаками афоризма (Иванов, 2020, с. 664; Авдеева, Водоватова, 2017, с. 130). Среди таких слов-концептов, соотносимых с универсумом человека, отмечены следующие:

- человеческая природа: *humaine condition, variété, souplesse, passion, sincérité, colère, vanité, médiocrité, insécurité, opinion* (человеческое поведение, разнообразие, гибкость, страсти, искренность, гнев, тщеславие, посредственность, неуверенность, субъективность восприятия);
- отношение к человеку: *communication, relation, autre, différence, barbarie* (общение, отношения, другой, различие, варварство);
- когнитивные способности: *savoir, sagesse* (знание, мудрость);
- отношение к бытию: *mourir, vivre, mort, vie* (жить, умирать, смерть, жизнь);
- ценности: *liberté* (свобода).

¹ MonLOE: сайт. URL: www.lib.uchicago.edu/efts/ARTFL/projects/montaigne/

² Le figaro Scope: сайт. URL: evene.lefigaro.fr/

³ Abc-citations: сайт. URL: www.abc-citations.com/

Рефлексия об устойчивых элементах человеческой природы отражает общекультурный ренессансный контур, в котором онтологическим вопросом выступает *l'humaine condition* (человеческая природа). Энциклопедическая доминанта стиля Монтеня проявляется в тенденции к классификации и типологизации черт характера, универсальных для представителя человеческого вида. Мелиоративно маркируются такие характеристики, как гибкость, подвижность (*les plus belles âmes sont celles qui ont plus de variété et de souplesse*) (лучшие души — те, в которых больше гибкости и разнообразия); разнообразие и многогранность (*il n'est description si hardie ni si incroyable aussi, qui ne se rencontre dans les coutumes d'un peuple quelconque*) (нет такого смелого или невероятного поведения, которое не встречалось бы в обычаях какого-либо народа); уникальность и неповторимость (*nous sommes tous de lopins, et d'une texture si informe et diverse, que chaque pièce, chaque moment fait son jeu*) (мы все лишены цельности и скроены из отдельных клочков, каждый из которых в каждый данный момент играет свою роль). Непостоянство и изменчивость выступают паттернами человеческого поведения, которому присуща эволюция суждений и убеждений в течение жизни (*il n'est rien si dissemblable à moi-même que moi-même d'un autre temps*) (нет ничего столь непохожего на меня, чем я прежний). Выявлен афоризм, аккумулирующий авторскую дефиницию человека как создания чрезвычайно изменчивого и непостоянного (*c'est un sujet merveilleusement vain, divers et ondoyant que l'homme*) (изумительно суетное, поистине непостоянное и вечно колеблющееся существо — человек).

Гуманистические идеалы Монтеня выстраиваются на признании естественными пороков человеческой души, среди которых наиболее ярко представлены гнев (*il n'est passion qui ébranle tant la sincérité des jugements comme la colère*) (ни одна страсть не помрачает в такой мере ясность суждения, как гнев), высокомерие (*la présomption est notre maladie naturelle et originelle*) (самоуверенность — наша прирожденная и естественная болезнь), тщеславие (*la plus universelle qualité de l'homme est la vanité, la vanité est un défaut que l'on trouve toujours chez ceux qui sont préoccupés de leur gloire*) (самое универсальное качество человека — тщеславие, тщеславие — недостаток, всегда присущий тем, кто озабочен собственной славой), гордыня (*c'est une preuve de médiocrité de louer constamment soi-même*) (постоянно хвалить себя — признак посредственности). В портретировании человека своей эпохи автор высвечивает центральные антропологические недостатки: неразумность (*l'homme est bien insensé*) (человек крайне неразумен), неуверенность (*le plus grand vice de l'homme est l'insécurité*) (главный порок человека — неуверенность в себе), подчиненность эмоциям (*c'est le jouir et non le posséder qui nous rend heureux*) (не владение чем-либо, а наслаждение делает нас счастливыми) и, наконец, приоритет мнения и суждения о вещах над пониманием их сущности (*les hommes sont tourmentés par les opinions qu'ils ont des choses, non par les choses mêmes*) (людей мучают не самые вещи, а представления, которые они создали себе о них). Монтеневский человек соотносится с фигурой зверя, которого

следует бояться (*il n'y a point de bête au monde tant à craindre à l'homme que l'homme*) (нет зверя на свете страшнее для человека, чем человек), так как зло является естественным элементом человеческой природы (*ne cherchons pas hors de nous notre mal, il est chez nous, il est planté en nos entrailles*) (не будем искать причину зла вне нас, оно сидит в нас, в самом нашем нутре). Антропологическая рефлексия Монтеня дополняется афоризмами, в центре которых находится фигура женщины и которые транслируют общекультурные социальные представления о женщинах. Очевидна пейоративная доминанта женского морального портрета, элементами которого выступает неискренность (*les femmes rougissent d'entendre nommer ce qu'elles ne craignent aucunement à faire*) (женщины краснеют, услышав название того, что они не боятся делать).

Афористика Монтеня направлена на формирование образа скромного и смиренного человека, осознающего одновременно свою изменчивую идентичность и культурную уникальность. Ключевой чертой, определяющей модельное человеческое поведение, автор считает познание индивидуальности. В знаменитом афоризме *chaque homme porte en lui la forme entière de l'humaine condition* (у каждого человека есть все, что свойственно всему роду людскому) ключом к пониманию жизни выступает глубинное осознание собственного Я, так как саморефлексия отражает универсальное мироустройство. Транслируются философские и моральные максимы автора в отношении слова и дела: открыто говорить обо всем, что осмеливаешься делать и обдумывать (*je me suis ordonné d'oser dire tout ce que j'ose faire; c'est une belle harmonie quand le faire et le dire vont ensemble*) (это прекрасно, когда слово не расходится с делом, и я не буду отрицать, что, когда словам соответствуют дела, слова более вески и убедительны). В заключительной главе «Essais» формируется онтологическая максима, транслирующая ключевое правило добродетельной и счастливой жизни — уметь прожить ее хорошо и в соответствии с естественными законами (*bien et naturellement savoir vivre cette vie*).

Отношение между людьми считается бытийным вопросом, проходящим красной нитью через «Essais». Взаимодействие между людьми показано как диалогическая коммуникация (*la parole est moitié à celui qui parle, moitié à celui qui l'écoute*) (произнесенные слова принадлежат наполовину говорящему, наполовину слушающему) и как диалектический процесс, в котором выгода одной стороны оплачивается потерей другой (*le profit de l'un est le dommage de l'autre*) (выгода одного — ущерб для другого). В отношениях с людьми Монтень ищет общения (*l'amitié se nourrit de communication*) (дружба питается общением), познания и внимания к новой точке зрения (*quand on me contrarie, on éveille mon attention, non pas ma colère*) (тот, кто возражает мне, пробуждает у меня не гнев, а внимание).

Определяющим в человеческих взаимоотношениях представляется различие людей и уникальность каждой личности (*il se trouve plus de différence de tel homme à tel homme que de tel animal à tel homme*) (иной человек отличается от другого больше, чем животное от человека). Ввиду того, что между людьми

гораздо больше различий, чем сходств (*j'admets en nous plus facilement la différence que la ressemblance*) (мне легче увидеть разницу между нами, чем сходство), Монтень предписывает не судить о других по своим собственным чертам и убеждениям (*je ne partage point cette erreur commune de juger d'un autre d'après ce que je suis*) (я не разделяю всеобщего заблуждения, состоящего в том, чтобы мерить всех на свой аршин). На индивидуальности и многообразии человеческих убеждений и традиций зиждется сложность взаимоотношений между людьми. Современник Монтеня склонен характеризовать как *barbarie* (варварство) все, что не соответствует привычной картине мира и культурным основам (*chacun appelle barbarie ce qui n'est pas de son usage*) (если только не считать варварством то, что нам непривычно). Однако автор подчеркивает ошибочность такого подхода и критикует тенденцию судить об иных культурах и традициях по нормам собственной страны.

Философский потенциал афоризма как малого жанра ярко раскрывается в высказываниях, концептуализирующих и оценивающих когнитивные способности человека. Подход Монтеня к познанию прагматичен: настоящая мудрость проявляется в умении жить правильно, добродетельно и счастливо (*il n'est pas de bonne philosophie que celle qui se peint dans les vies*) (нет лучшей философии, чем та, что нарисована жизнью). Происходит переоценка средневекового схоластического подхода к обучению, основанного на заучивании теоретических и исторических данных. Напротив, пространные теоретические размышления и философские рассуждения бессмысленны и бесполезны, если они не имеют приложения в практической повседневной жизни. В метафорическом афоризме *j'aime mieux forger mon âme que la meubler* (я предпочитаю самостоятельно ковать себе душу, а не украшать ее позаимствованным добром) автор указывает, что знание нужно выковывать из опыта и практического исследования, а не украшать его многократным пересказыванием мыслей деятелей прошлого. Умение строить собственное критическое размышление оценивается выше, чем накопление готового знания (*mieux vaut une tête bien faite qu'une tête bien pleine*) (человек скорее с ясной, чем с напичканной науками головой). Автор считает валидными интроспективные методы познания, основанные на наблюдении (*je ne comprends pas, je m'examine*) (я не понимаю, я изучаю себя) и критическом измерении (*ce n'est pas assez de compter les expériences, il faut les peser et les assortir*) (недостаточно накопить опыт, надо его взвесить и обсудить, надо его переварить и обдумать).

При этом мудрость, наряду с добродетелью, выступает прагматическим результатом жизнедеятельности человека (*le gain de notre étude, c'est d'en être devenu meilleur et plus sage*) (результат нашей учености в том, чтобы стать лучше и мудрее). Апогеем афористики Монтеня можно назвать девиз «Que sais-je?» (что я знаю?), ставший прецедентным текстом французской лингвокультуры. Философ-скептик признает невозможность абсолютного человеческого познания и ставит во главу угла принцип сомнения (*incertitude*) (неуверенность).

Бытийные концепты *vie* (жизнь) и *mort* (смерть) широко представлены в корпусе афоризмов Монтеня ввиду того, что движущим механизмом философско-литературной деятельности автора стал поиск путей прожить добродетельную жизнь и примириться со смертью. Жизнь воспринимается Монтенем как род деятельности, в котором необходимо стать искусным мастером (*mon métier et mon art, c'est vivre*) (жить — вот мое занятие и мое искусство). Модель жизни добродетельного человека строится на довольствовании обычным, правильным и общепринятым, он не стремится прожить жизнь уникальную или запоминающуюся (*les plus belles vies sont, à mon gré, celles qui se rangent au modèle commun et humain, avec ordre, mais sans miracle et sans extravagance*) (самой, на мой взгляд, прекрасной жизнью живут те люди, которые равняются по общечеловеческой мерке, в духе разума, но без всяких чудес и необычайностей). Таким образом, жизнь воспринимается не как результат, а как переходный процесс (*je ne peints pas l'estre, je peints le passage*) (я не в силах закрепить изображаемый мною предмет, я рисую его в движении).

Отношение Монтеня к смерти противоречиво, однако данный онтологический концепт занимает основополагающее место в рефлексии автора. В афоризмах транслируется идея о смерти как об обязательном условии существования самой жизни (*qui apprendrait les hommes à mourir, leur apprendrait à vivre*) (кто научит людей умирать, научит их жить). Сама жизнь есть для Монтеня лишь путь, который приближает человека к смерти (*tous les jours vont à la mort : le dernier y arrive*) (все дни твоей жизни ведут тебя к смерти; последний только подводит к ней); жизнь становится причиной смерти как естественной смены состояния (*tu ne meurs pas de ce que tu es malade ; tu meurs de ce que tu es vivant*) (вы умираете не потому, что больны; вы умираете потому, что живы). Важно отметить пессимистичный вывод философа о том, что никто из живущих не знает, как нужно жить, и это знание мы получаем лишь в конце своего существования (*on nous apprend à vivre quand la vie est passée*) (нас учат жить, когда жизнь уже прошла).

Философ с легкостью относится как к жизни, так и к смерти, воспринимая их неотвратимость и оценивая смерть с религиозной позиции освобождения: смерть избавляет человека от принуждения и подчинения (*le savoir mourir nous affranchit de toute subjection et contrainte*) (готовность умереть избавляет нас от всякого подчинения и принуждения). Им дана переоценка смерти с позиции отрицания ужаса ее неотвратимости и признания ее способом освобождения от мирских тревог, страданий и забот (*cette mort que les uns appellent des choses horribles la plus horrible, qui ne sait que d'autres la nomment l'unique port des tourments de cette vie?*) (та самая смерть, которую одни зовут ужаснейшей из всех ужасных вещей, для других — единственное прибежище от тревог здешней жизни). Конструируется ассоциативная связь *mort = liberté* (*la préméditation de la mort est préméditation de la liberté*) (размышлять о смерти — значит размышлять о свободе).

Напротив, в концептосферу *смерть* попадает концепт *souffrance* (мучение), что объясняется жизненными обстоятельствами автора: в течение долгих лет Монтень страдал от тяжелой болезни, и работа над «Essai» стала для него средством побега от физических страданий. Таким образом, восприятие страдания носит крайне личный характер, выражает всеобъемлющий страх и наивысшее наказание (*tout ce qui est au-delà de la mort simple, me semble pure cruauté, et notamment à nous qui devrions avoir respect d'envoyer les âmes en bon état, ce qui ne se peut, les ayant agitées et désespérées par tourments insupportables*) (всякое дополнительное наказание сверх обыкновенной смерти даже по закону есть, по-моему, чистейшая жестокость; это особенно относится к нам, христианам, которые должны заботиться о том, чтобы души отправлялись на тот свет успокоенными, что невозможно, если их измучили и истерзали невыносимыми пытками). Психологизм монтеневской афористики проявляется в том, что, говоря о страдании, автор предписывает читателю, и в первую очередь самому себе, не бояться боли (*qui craint de souffrir, il souffre déjà ce qu'il craint*) (кто боится страданий, тот страдает уже от своей боязни). Афоризм *je veux que la mort me trouve plantant mes choux, mais nonchalant d'elle, et encore plus de mon jardin imparfait* (я хочу, чтобы смерть застигла меня за посадкой капусты, но я желаю сохранить полное равнодушие и к ней, и тем более к моему не до конца возделанному огороду) иллюстрирует принятие смертности и понимание жизни как естественного повседневного процесса. Автор сравнивает жизнь с несовершенным садом, а действия, совершаемые на жизненном пути, предлагает воспринимать со здоровым равнодушием и простотой.

Будучи примером биографической жанровой формы, произведение «Essais» через афоризмы отражает аксиологическую систему Монтеня, которая строится на антропологических ценностях. Поиск по коллокациям в корпусе MonLOE позволил выявить лексемы, вербализующие наиболее частотные ценности в отношении человека, его сущности и существования (см. рис.).

В то же время обнаруживается количественное несоответствие между частотностью вербализующих человеческие ценности лексем в корпусе «Essais» и количеством афоризмов, посвященных данной тематике. Абсолютной человеческой ценностью для Монтеня является свобода (*liberté*). Вокруг данного концепта выстраиваются афоризмы, в которых автор выражает свою позицию относительно человеческой свободы как власти над самим собой, своими мыслями, выборами и поступками (*la vraie liberté est de pouvoir toute chose sur soi*) (подлинная свобода состоит в том, чтобы иметь над собою полную власть). Свобода напрямую связана с самопознанием и способностью оставаться собой. Умение быть собой, знать свои желания и страхи гиперболически оценивается как величайшая вещь в мире (*la plus grande chose du monde, c'est de savoir être à soi*) (величайшая в мире вещь — уметь быть самим собой).

Классические андроцентрические ценности Средневековья — мужество и честь — также становятся ядром афоризмов, в которых транслируется авторское переосмысление данных аксиологических категорий. Храбрость

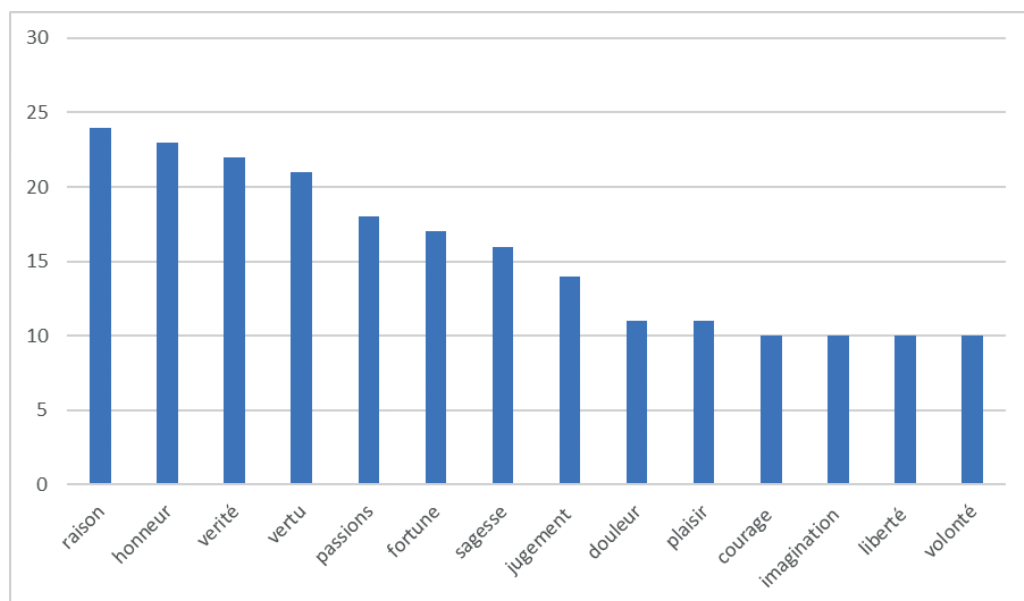

Рис. Частотность лексем семантического поля «ценности»

Fig. Frequency of tokens of the semantic field «values»

не индивидуальна, а заразительна (*le courage est contagieux. Il suffit qu'un homme en fasse montre pour que d'autres relèvent la tête*) (мужество заразительно. Достаточно проявить его одному человеку, чтобы другие подняли головы); человеку свойственно ощущать прилив отваги в обществе людей, проявляющих самоотверженность. Чувство доблести в постфеодальной картине мира связывается не с физической силой или военным превосходством, а с храбростью духа (*la vaillance, c'est la fermeté non pas des jambes et des bras, mais du courage et de l'âme*) (доблесть есть сила не наших рук или ног, но мужества и души). Типичной абсолютной ценностью эпохи Ренессанса выступает истина, гарантирующая счастливую жизнь (*c'est le seul bonheur en vérité*) (счастье — в правде) и служащая движущим механизмом всего человеческого бытия (*nous sommes nés à quêter la vérité*) (мы рождены, чтобы искать истину). В итоге гуманистическим идеалом признан онтологический ценностно маркированный концепт *vertu* (добродетель). Монтень предпринимает попытки лингвистической дефиниции данного понятия, сравнивая добродетель с добротой — чувством, по мнению автора, менее благородным (*la vertu est chose autre et plus noble que les inclinaisons à la bonté qui naissent en nous*) (добродетель есть нечто иное и более благородное, чем проявляющаяся в нас склонность к добру), а также противопоставляя добродетель более легкомысленному и пустому чувству величия и славы (*la vertu est chose bien vaine et frivole si elle tire sa recommandation de la gloire*) (добродетель — тщеславная и легкомысленная вещь, если она черпает себя из славы). Добродетель мыслится как самодостаточная высшая ценность человеческого бытия и абсолютная цель жизни

человека как гуманистического идеала Монтеня (*la vertu ne veut être suivie que pour elle-même*) (добродетель требует, чтобы ее соблюдали ради нее самой).

Заключение

Афористический жанр эпохи Ренессанса выступает продуктивным материалом для проведения комплексного лингвоаксиологического анализа ввиду того, что афоризмы как прецедентные тексты направлены на трансляцию концептуальной и оценочной речемыслительной деятельности авторов прошлого. В философских афоризмах Мишеля Монтеня в сжатой форме вербализуется гносеологическое и аксиологическое содержание, что позволяет смоделировать систему суждений и оценок автора в отношении человеческого бытия и связи «человек – мир».

В афоризмах Монтеня концептуализованы представления автора о природе и поведении человека, об особенностях взаимоотношений между людьми, о когнитивных способностях человека, об отношении к бытию и о базовых ценностях эпохи. Рефлексия об этих элементах бытия человека отражает картину мира эпохи ренессансного гуманизма. Афоризмы, концептуальным ядром которых выступает человек, описывают не только мироощущение, свойственное XVI веку, но и являются валидными для современной картины мира, в которой важное место продолжают занимать онтологические вопросы о смысле человеческого бытия. Монтеневский человек выступает модельной личностью настоящего, в нем как в зеркале отражены витальные для современного общества качества: критическое мышление, интроспекция, принятие культурного разнообразия и валоризация индивидуальной рефлексии.

Список источников

1. Кузьмина, Н. А. (2011). Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса. *Медиаскоп*, 1, 10.
2. Караулов, Ю. Н. (2023). *Русский язык и языковая личность*. Ленанд.
3. Bravin, A. (2019). Le forme dell'intertestualità: dalla citazione all'allusione. *Studi slavistici*, 261–276.
4. Красных, В. В. (2002). *Этнопсихолингвистика и лингвокультурология*. Курс лекций. Гнозис.
5. Afanasjeva, O. V., Baranova, K. M., & Chupryna, O. G. (2020). Precedent phenomena as symbols of cultural identity in ya fiction. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: Conference proceedings, Vol. 95*. European Publisher. <https://www.doi.org/10.15405/epsbs.2020.11.03.116>
6. Черепанова, Л. В. (2024). Прецедентные тексты в обучении русскому языку: возможное решение проблемы. *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*, 28(1), 163–173. <https://www.doi.org/10.18522/1995-0640-2024-1-163-173>

7. Иванов, Е. Е. (2020). Афоризм как объект лингвистики: основные признаки. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 11(4), 659–706. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>
8. Викулова, Л. Г. (2016). Французский литератор XVII века: энциклопедическая доминация, лингвистическая компетенция, коммуникативное лидерство. *Древняя и Новая Романия*, 17, 266–278.
9. Карасик, В. И. (2023). Осмысление мирной жизни в паремиологии и афористике. *Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение* (с. 37–42). Сборник научных трудов VII Международной научно-практической конференции. Картуш.
10. Желтухина, М. Р., & Юй, Б. (2014). Критерии дифференциации афоризмов, отражающих нормы коммуникативного поведения. *Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика*, 2, 72–80.
11. Дядык, Н. Г. (2021). *Философский анализ афоризма как семиотической системы*. Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет.
12. Ольшанский, И. Г., & Мельникова, О. В. (2009). Афористика как объект филологических исследований. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*, 559, 63–81.
13. Карасик, В. И. (2020). Оценка человека в афоризмах Франсуа де Ларошфуко. *Романские языки в эпоху глобализации: современные вызовы и самоидентификация* (с. 36–43). Сборник материалов участников Международной научной онлайн-конференции. Волгоградская государственная академия последипломного образования.
14. Авдеева, А. С., & Водоватова, Т. Е. (2017). Афоризм: понятие, лингвистический статус, структурно-содержательная специфика. *Вестник Международного института рынка*, 2, 127–134.
15. Noguez, D. (2015). *Pensées Bleues: aphorismes. Bref traité de l'aphorisme*. Equateurs.
16. Nazmiye, T. T. (2016). Caracteristiques des proverbes relatifs à la femme en français et en turc. *Hacettepe Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi*, 203–216.
17. Silvester, R. (2004). Aphorismes et leurs potentiels dans Le Dit de Tianyi de François Cheng : approche stylistique. *Dalhousie French Studies*, 101–108.
18. Гринев-Гриневиц, С. В., Сорокина, Э. А., & Молчанова, М. А. (2022). Еще раз к вопросу об определении термина. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 13(3), 710–729. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729>
19. MonLOE. *The Montaigne Project*. (2024). <https://www.lib.uchicago.edu/efts/ARTFL/projects/montaigne/>
20. *Le figaro Scope*. (2024). <http://evene.lefigaro.fr/citations/montaigne>
21. *Abc-citations*. (2023). <https://www.abc-citations.com/auteurs/montaigne/page/1/>

References

1. Kuzmina, N. A. (2011). Intertextuality and precedent as a basic cognitive categories of media discourse. *Mediascope*, 1, 10. (In Russ.).
2. Karaulov, Y. N. (2023). *Russian language and linguistic personality*. Lenand. (In Russ.).

3. Bravin, A. (2019). Le forme dell'intertestualità: dalla citazione all'allusione. *Studi slavistici*, 261–276.
4. Krasnykh, V. V. (2002). *Ethnopsycholinguistics and linguoculturology*. Course of lectures. Gnosis. (In Russ.).
5. Afanasjeva, O. V., Baranova, K. M., & Chupryna, O. G. (2020). Precedent phenomena as symbols of cultural identity in ya fiction. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: Conference proceedings, Vol. 95*. European Publisher. <https://www.doi.org/10.15405/epsbs.2020.11.03.116>
6. Cherepanova, L. V. (2024). Problem of precedent texts in teaching the Russian language: potential solution. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, 28(1), 163–173. <https://www.doi.org/10.18522/1995-0640-2024-1-163-173> (In Russ.).
7. Ivanov, E. E. (2020). Aphorism as an object of linguistics: the main properties. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(4), 659–706. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706> (In Russ.).
8. Vikulova, L. G. (2016). The writer in the French society of the 17th century: encyclopedic domination, language competence, communicative leadership. *Drevnyaya i Novaya Romaniya*, 17, 266–278. (In Russ.).
9. Karasik, V. I. (2023). Conceptualization of Peace in Proverbs and Aphorisms. *Language. Culture. Communication: learning and teaching* (p. 37–42). Collection of scientific papers of the VII International Scientific and Practical Conference. Kartush. (In Russ.).
10. Zheltukhina, M. R., & Yui, B. (2014). Aphorisms' differentiation criteria reflecting communicative behaviour norms. *Vestnik CzMO MGU. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika*, 2, 72–80. (In Russ.).
11. Diadyk, N. G. (2021). *Philosophical analysis of aphorism as a semiotic system*. South Ural State Humanitarian and Pedagogical University. (In Russ.).
12. Olshanskyi, I. G., & Melnikova, O. V. (2009). A philological study of aphorisms. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 559, 63–81. (In Russ.).
13. Karasik, V. I. (2020). Evaluation of man in aphorisms by François de la Rochefoucauld. *Romance languages in the period of globalisation: modern challenges and self-identification* (p. 36–43). Proceedings of the international scientific online conference. *Volgograd State Academy of Postgraduate Education*. (In Russ.).
14. Avdeeva, A. S., & Vodovatova, T. E. (2017). Aphorisms: concept, linguistic status, structural and semantic properties. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ry'nka*, 2, 127–134. (In Russ.).
15. Noguez, D. (2015). *Pensées Bleues: aphorismes. Bref traité de l'aphorisme*. Equateurs.
16. Nazmiye, T. T. (2016). Caractéristiques des proverbes relatifs à la femme en français et en turc. *Hacettepe Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi*, 203–216.
17. Silvester, R. (2004). Aphorismes et leurs potentiels dans Le Dit de Tianyi de François Cheng : approche stylistique. *Dalhousie French Studies*, 101–108.
18. Grinev-Griniewicz, S. V., Sorokina, E. A., & Molchanova, M. M. (2022). Reconsidering the definition of the term. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 710–729. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729> (In Russ.).
19. *MonLOE. The Montaigne Project*. (2024). <https://www.lib.uchicago.edu/efts/ARTFL/projects/montaigne/>
20. *Le figaro Scope*. (2024). <http://evene.lefigaro.fr/citations/montaigne>
21. *Abc-citations*. (2023). <https://www.abc-citations.com/auteurs/montaigne/page/1/>

Информация об авторе / Information about the author

Валерия Александровна Райскина — кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ.

Valeriya A. Rayskina — PhD (Philology), Docent, Associate Professor of Department of Romance Languages and Linguistic Didactics, Institute of Foreign Languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 81'37

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-139-159

АГЕНТИВНОСТЬ КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ: ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ СТРУКТУРЫ

Стрижак Ульяна Петровна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия,

ustrizhak@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4129-4485>

Аннотация. Объектом данной работы выступают агентивные отношения как результат моделирования в языке онтологических установок, актуальных для понимания природы поведения человека в качестве субъекта социальных процессов. Предметом работы являются агентивные признаки участников ситуации в их соотносительности с совокупностью характеристик, отображающих деятельностный потенциал человеческой личности. Анализ степени разработанности теории агентивности в трудах отечественных и зарубежных лингвистов показывает, что основные дискуссионные моменты, обсуждаемые в грамматических описаниях агентивных структур, во многом отражают вопросы повседневного существования человека. Объективация этих бытийных отношений в рамках языковых агентивных структур побуждает выстраивать высказывание определенным образом, исходя из соответствующих онтологических допущений о том, *что* и *как* устроено в реальном мире, а также дает возможность измерить степень выраженности деятельностных признаков лингвистическими инструментами. На основе методологического положения об изоморфизме устройства мира и языковых структур рассматривается онтологическая сущность семантической категории агентивности и анализируется прототип агента как активного субъекта социальных процессов в различных сферах научного знания и общественной жизни: в политологическом, психологическом, юридическом, религиозном, образовательном и иных дискурсах. В исследовании обосновывается, что онтологическую основу агентивных свойств составляет личностно-деятельностный потенциал агента как референта языкового знака, проявляемый им в реальном мире. Цели работы: выделение, систематизация и иерархизация агентивных признаков каузальности, автономности, волеизъявления и индивидуализированности. На материале японского языка будет проиллюстрирована неоднозначность семантики воздействия в структуре предикатов агентивных конструкций, а также неоднородность комбинаций агентивных признаков их участников.

Ключевые слова: агентивность, агентность, онтологическая сущность, каузальность, волеизъявление, одушевленность.

Для цитирования: Стрижак, У. П. (2025). Агентивность как семантическая категория: онтологическая сущность языковой структуры. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(58), 139–159. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-139-159>

Original article

UDC 81'37

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-139-159

AGENTIVITY AS A SEMANTIC CATEGORY: THE ONTOLOGICAL ESSENCE OF LANGUAGE STRUCTURE

Uliana P. Strizhak

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia,
ustrizhak@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4129-4485>

Abstract. The nature of human behavior as a subject of social processes. The subject of this work is the agentive features of participants studied by their correlation with a set of characteristics that reflect the activity potential of a human personality. The research background of the agentivity theory demonstrates that the main controversial points discussed in grammatical descriptions of agentive structures largely reflect issues of everyday human existence. Objectification of these existential relations within linguistic agentive structures leads to construct an utterance in a certain way which is based on the corresponding ontological assumptions about what and how is arranged in the real world. It also makes it possible to measure the activity features with linguistic tools. Based on the methodological statement of the isomorphism of the real world structure and language structures, the ontological essence of the semantic category of agentivity is considered and the agent prototype in various spheres of scientific and public life is analyzed: in political science, psychology, law, religion, education and other discourses. It is substantiated that the ontological basis of agentive properties is the personal and activity potential of the agent as a referent of a linguistic sign. The purpose of this paper is to identify, to systematize and to hierarchize the agentive features of causality, autonomy, volition and individualization. Based on the examples from Japanese texts the ambiguity of the effect semantics in the structure of agentive predicates, as well as the heterogeneity of agentive features of their participants will be illustrated.

Keywords: agentivity, agency, ontological essence, causality, volition, animacy.

For citation: Strizhak, U. P. (2025). Agentivity as a semantic category: the ontological essence of language structure. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(58), 139–159. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-139-159>

Постановка вопроса

Появление понятия агентивности в лингвистической теории относят к концу 60-х годов XX века; впервые проблема агентивности системно была обозначена в 1973 году в работе Д. Круза, в которой отмечается вариативность интерпретации термина «агентивный» как с точки зрения его формальной отнесенности к элементам высказывания (он приписывается падежу у Ч. Филлмора, глаголам у Дж. Грубера, именам у Дж. Лайонза, отдельным клаузам у М. Халидея), так и в отношении семантической наполненности

соответствующих аргументов (Cruse, 1973, p. 11). В определении агентивного падежа у Ч. Филлмора описаны следующие прототипические признаки агентивности глагольного аргумента: одушевленность, обладание восприятием, способность выступать инициатором события, определяемая далее в данной работе как *причинность* или *каузальность* (Fillmore, 1968, p. 24). В продолжении своего исследования Ч. Филлмор вводит понятие иерархии выделенности для ранжирования ядерных элементов высказывания, добавляет признак вовлеченности — «измененный элемент выше по рангу, чем неизмененный элемент» (Fillmore, 1968, p. 105) и другие критерии, определяющие перемещение фокуса внимания; при этом он сохраняет первичность такого признака, как способность инициировать или выступить причиной действия (Филлмор, 1983, с. 103–105). Б. Комри в описании семантики синтаксических структур придает большое значение одушевленности, практически уравнивая ее с агентивностью в формулировке «иерархии одушевленности (агентивности)», связанной с большей или меньшей степенью выраженности данного признака (Comrie, 1978, p. 385–386). Д. Круз относит *волиитивность* и способность выступать *инициатором действия* к любому субъекту, а другие два признака разделяет по критерию одушевленности: *агентивность* (*agentive*) приписывает живым существам, использующим собственную энергию для выполнения действия, а также некоторым видам механизмов и природным силам; а способность к *воздействию* (*effective* как ‘оказывать эффект’. — У. С.) с использованием временного и/или внешнего источника энергии — всем остальным (Cruse, 1973, p. 18–21).

Последующее рассмотрение этих аспектов подтвердило сложность выделения и типологизации агентивных признаков. Так, П. Хоппер и С. Томпсон в определении агентивности как одного из семантических параметров переходности различают высокую ее степень как потенциал для создания реально ощущаемого события с соответствующими последствиями «a perceptible event with perceptible consequences», и низкую, при которой затронутость участников ограничивается только их внутренними ощущениями «completely a matter of an internal state» (Hopper & Thompson, 1980, p. 252), подчеркивая, таким образом, значимость признаков осознанности и каузальности, обуславливающей наличие последствий совершаемого действия и тем самым актуализирующей сему причинности. Дж. Лакофф в 1981 году представил свою модель прототипической агентивной конструкции, выделив в ней четырнадцать ключевых признаков, что является наиболее детальным описанием на сегодняшний день: это должно быть намеренное и управляемое действие, в результате которого происходит изменение состояния; агент несет ответственность за происходящее и использует некий инструмент (в том числе это может быть свое тело); имеется источник и объект энергетических затрат, требуемых для осуществления изменения; эти изменения наблюдаемы (Лакофф, 1981, с. 358). Указание на прототипичность у Дж. Лакоффа допускает возможные исключения из этого максимального набора признаков и/или неполную их представленность. Примерно в то же время С. ДеЛэнси также озвучивает методологический принцип необязательности

полного набора агентивных характеристик и в качестве доказательства приводит пример неконтролируемого и ненамеренного действия при наличии остальных характеристик агенса: «Субъекты переходных глаголов типа *разбивать* или *терять*, при их одушевленности и способности к волеизъявлению совершают такое действие непреднамеренно» (DeLancey, 1984, p. 181), а в качестве главного критерия агентивности выделяет каузальный фактор; то же в работах (Schlesinger, 1989) и (DeLancey, 1990, p. 144), где признаки волитивности, целеполагания и т. д. указаны как вторичные, уточняющие характеристики действия, вызванного определенной причиной, а «в основе агентивности лежит причинность» (DeLancey, 1984, p. 182).

В отечественном языкознании, как отмечают Е. В. Рахилина и Я. Г. Тестелец, примерно в тот же период, в конце 60-х годов XX века, и, по-видимому, независимо от западных коллег, также разрабатывается аппарат тематических ролей, описываемый в том числе степенью выраженности агентивных характеристик — основы этого направления были заложены Ю. Д. Апресяном в 1968 году и В. Г. Гаком в 1969 году (Рахилина, Тестелец, 2016, с. 10) и развивались далее в контексте аспектуальной семантики в трудах Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелева, Н. Д. Арутюновой, А. В. Бондарко, Е. В. Падучевой, О. Н. Селиверстовой, О. А. Сулеймановой, Н. Н. Болдырева, Е. В. Рахилиной, В. А. Плунгяна, П. М. Аркадьева, С. Г. Татевосова, Я. Г. Тестельца, А. В. Циммерлинга, Е. М. Поздняковой, Ю. П. Князева, М. А. Фоминой и других авторов. В отечественном лингвистическом дискурсе агентивность понимается как семантическая категория или семантический параметр, во многом определяющие принципы распределения актантных ролей, семную и ролевую структуры предиката и т. д.: агентивные характеристики значимы для грамматического описания аспектуальности, залоговости, посессивности, вопросов глагольной принадлежности и сочетаемости, словообразовательных процессов и т. д. Показательно, что в отечественном дискурсе также подчеркивается значимость признака каузальности: «прототипом агентивных отношений в реальной действительности, несомненно, остается интерактивное отношение деятеля, действия и объекта действия (Позднякова, 2017, с. 103); но при этом в определении набора агентивных характеристик единства нет. А. Е. Кибрик описывает агенса как типовую семантическую характеристику (или роль) такого участника ситуации, который является одушевленным, намеренно инициирует процесс воздействия, «контролирует ситуацию, непосредственно исполняет соответствующее действие и является “источником энергии” этого действия» (ЛЭС, 1990). А. В. Бондарко в качестве доминирующего образца или прототипа агентивных конструкций обозначает «лицо, осуществляющее контролируемое действие» (Бондарко, 1992, с. 14). Т. Д. Шабанова указывает на сложность агентивной семантической роли и уделяет большое внимание вопросам контроля и разработки тестов на императивность, инициативность и другие совокупности свойств для определения степени проявления волеизъявления (Шабанова, 1998, с. 30–42, 63–66). О. А. Сулейманова выделяет и анализирует несколько аспектов субъектности

участников ситуации, связанных с представлением об агентивности: степень приложения усилий, сознательность выполнения действия и контролируемость (Сулейманова, 2000, с. 85–94). Н. Н. Болдырев предлагает перечень из шести прототипических признаков субъекта-агенса: одушевленность, энергетическую активность, волитивность, каузативность, контролируемость и креативность предикатного признака (Болдырев, 2003, с. 63–64). В. А. Плунгян отмечает, что доминирующим агентивным признаком является контролируемость, а остальные могут присутствовать в ограниченной степени. выделяя следующие семантические характеристики агенса: «активный, обычно наделенный волей и сознанием участник ситуации, расходующий собственную энергию в процессе деятельности и контролирующей ход событий» (Плунгян, 2011, с. 161–162). Важность учета контроля и вовлеченности в описании каузальных отношений подчеркивает и Я. Г. Тестелец, причем в отношении не только главных участников ситуации, но и второстепенных — агентивных дополнений и обстоятельств (Тестелец, 2003, с. 16–21). Н. Д. Арутюнова особо указывает на роль намеренности как одной из ведущих агентивных характеристик: «В той степени, в какой глагол способен обозначать целенаправленное действие, он получает собственно агентивное значение» (Арутюнова, 1976, с. 152). О. Н. Селиверстова подчеркивает, что истинным субъектом действия является тот, от чьей воли и усилий зависит данное действие (Селиверстова, 1990, с. 18–19). Е. В. Падучева обозначает намеренность как главный обязательный признак агенса, отмечая внутреннюю противоречивость одного из терминов Д. Даути *non-intentional agentive* «ненамеренная агентивность» (Падучева, 2003, с. 194). Если же принять за ведущий агентивный признак каузальность как наличие воздействия на второго участника ситуации, выражаемое в переносе энергии и приводящее к его изменению, а намеренность причислить к опциональным признакам, то данное противоречие снимается — каузативный процесс может быть запущен ненамеренно. М. А. Фомина подчеркивает роль волеизъявления в определении (не)агентивности стихийных каузаторов (Фомина, 2022). Е. В. Устинова обозначает агентивность как функционально-семантическое поле и указывает на свойственность ему таких характеристик, как волитивность, контроль, ответственность и способность заряжать энергией (Устинова, 2007, с. 16–17). Ю. П. Князев на материале русских глаголов выстраивает шкалу агентивности, опираясь на такой набор свойств, как намеренность, каузальность, контроль, источник энергии (Князев, 2016). Видно, что в описанном научном поле понимание агентивности, ее категориального представления и ключевых признаков разнится, что обуславливает необходимость дальнейшей систематизации, выделения и иерархизации прототипических характеристик агентивной ситуации.

Исходя из положения Л. Витгенштейна об изоморфизме устройства мира и языковых структур, можно понимать, что элементы реальности и элементы языка онтологически соположены друг другу: «Существование внутреннего отношения между возможными положениями вещей выражается в языке внутренним отношением между предложениями, которые их изображают»

(Витгенштейн, 2020, с. 51). Его определение предложения как модели действительности побуждает нас рассмотреть понятия *агент/агентность* и тем самым обратиться к онтологическим предпосылкам возникновения и становления теории агентивности: рассмотреть агентивные отношения как результат моделирования в языке жизненных установок, актуальных для понимания поведения человека как субъекта социальных процессов.

Онтологические предпосылки теории агентивности: понятие агентности в научном дискурсе и сферах общественной жизни

Понятие *agency* получило свое динамичное развитие в 70-х годах XX века в социальных науках в связи с популярностью теории социального пространства П. Бурдье (1977) и теории социального действия Э. Гидденса (1979), осмысливающих взаимореализацию *структуры* и *агента* — проблема определения роли человека как социального актора рассматривалась в контексте алгоритмов встраивания индивидуального действия в жесткие социальные структуры. Актуальными дискуссионными моментами стали и по сей день являются феномен *воли* как каузального компонента действия, который ненаблюдаем и трудно фиксируем как точка отсчета действия; способность человека инициировать собственное поведение и встраивать его в существующие общественные установки; определение границ ответственности инициатора действия, включая принцип свободной воли¹, который определяет лишь первичную ответственность инициатора действия с последующим случайным порождением/выбором аргументов, нейтрализующим функцию контроля агента в процессе принятия решения, и т. д. Исходя из этого *агентность* можно определить как способ экстернализации человеческих установок, определяющих его поведение, в которых объективируется воля, намеренность, контроль, самостоятельность и другие трудноформализуемые личностные характеристики. Рассмотрим последовательно примеры из разных областей научного знания и сфер общественной жизни.

Как было сказано ранее, агентность как **социологическая** категория описывает деятельностный потенциал человека и его позиционирование в социуме, акцентируя проблему воли, определяющей свободу и осознанность выбора человека, его самостоятельность и моральную ответственность. Человек как субъект социальных процессов постоянно сталкивается с необходимостью встраивания себя в общественные структуры, ежедневно разрешая противоречие между общественными установками социума и собственными личностными характеристиками и устремлениями. В **юридическом дискурсе** человек и его агентные характеристики являются объектом изучения

¹ В англоязычном философско-социальном дискурсе обозначается как Free Agency Principle.

с точки зрения контроля и ответственности за свои поступки; показательно, что в исторической перспективе одушевленность не являлась обязательным критерием, необходимым агенту для обладания правами и реализации своих намерений, — в законодательствах некоторых государств в разное время юридическими правами обладали корабли, храмы, умершие люди, духи и т. д.; учитываются ограничительные критерии по полу (права женщин в Средние века или в разных формах государственного устройства), социальному статусу (границы самостоятельности принятия решений в супружеских взаимоотношениях), возрасту (ограничения возможности голосования и т. д.). В современной юридической литературе активно дискутируются законодательные и этические вопросы о гражданской и юридической ответственности искусственного интеллекта, затрагивающие принципиальные моменты относительно возможности признания агентности у таких участников процесса, как искусственно созданная сущность.

Проблема наделения механизмов агентными свойствами была поставлена **в научно-технической сфере** сравнительно недавно, в результате выделения в отдельную научную область исследований интеллектуальных систем, что высветило онтологические аспекты функционирования искусственных, программных, механистических агентов. Показательно, что одним из первых и ведущих направлений разработки искусственного интеллекта было (и продолжает оставаться) обеспечение *автономности* человекоподобных агентов; как физической, так и мыслительной, что поднимает широкий спектр этических вопросов, так как вынужденное доверие искусственному интеллекту в вопросах волеизъявления, лишение предсказуемости в принятии решений влечет за собой не только спектр моральных проблем ответственности за принятые искусственным интеллектом решения, но и реальную опасность выхода механистических агентов из-под контроля в результате разработки самогенерируемых кодов и т. д. Осознанность, самостоятельность, способность контролировать происходящее (выйдя из-под контроля разработчика) — постоянно расширяющийся спектр качественных характеристик искусственного интеллекта показывает, что модель агентности в научно-технической сфере неуклонно сближается с моделями естественного интеллекта. Этот перечень во многом пересекается со списком типовых агентных характеристик, описываемых в сферах гуманитарного знания, и требует новых контекстов рассмотрения и методов анализа² примеров специфического агента.

Нетипичные проявления агентных характеристик наблюдаются и в **религиозном дискурсе**. Онтологические представления о метафизической стороне личности, с одной стороны, представляют человека как уникальную и неповторимую частицу образа и подобия Божьего; с другой стороны, обозначают вопрос о границах между сферами Божественного промысла

² Например, в современной лингвистике все больше внимания привлекают методы сопоставительного анализа речи роботоподобных существ.

и человеческого существования: что человек как агент может изменить в этом мире, а что находится за пределами его возможностей (т. е. выходит за рамки его агентности). В теологических трудах такие неотъемлемые характеристики агента, как целенаправленность и намеренность совершаемых им действий, рассматриваются в особом ракурсе. Если традиционному действию, совершаемому агентом, должен предшествовать этап постановки цели и формирования намерения, то в религиозных ритуальных действиях участием человека предшествует не подвергаемая логической проверке *вера* в действующих богов, духов, предков, а ответственность за выполнение действия путем совершения магического действия возложена на *сверхчеловеческого агента*; при этом результат не будет содержать прямых ощутимых свидетельств работы высших сил (Sørensen, 2007, p. 290–292, 296–297).

Еще одна разновидность агентности, отличающаяся от ее прототипического понимания, — это групповая (коллективная) агентность, которая часто рассматривается в контексте **корпоративной культуры и бизнес-процессов**: анализируются проблемы возложения и распределения ответственности корпоративных агентов, поднимаются вопросы деловой этики и моральной философии, а именно: можно ли атрибутировать свободу воли (как главный компонент агентности) организованным группам, таким как бизнес-корпорации и государства; как утверждается, при этом, с одной стороны, происходит размывание границ возлагаемой на группу ответственности и возникают «проблемы коллективной ответственности», *collective responsibility gaps* (Mansell et al., 2018, p. 7–8); с другой стороны, социальная природа такой ответственности призвана повысить ответственность за происходящее — как следствие, в указанных работах отмечается важность совместного целеполагания (Mansell et al., 2018, p. 10–11).

В **психологии** агентность понимается очень широко; психологический научный дискурс включает в себя такие трактовки термина *agency* (помимо калькированного *чувство агентности*), как: *чувство (свободы) воли*, *чувство ответственности*, *чувство собственной значимости* и др. Наиболее полное определение агентности, затрагивающее сферы как психологии, так и биологии, медицины, нейропсихологии, на наш взгляд, следующее: «субъективное осознание опыта контроля над собой, собственными двигательными актами и, следовательно, над ходом внешних событий» (Yano et al., 2020, p. 1). В рамках данных научных областей рассматривается природа психиатрических и сенсомоторных расстройств, сопровождающихся нарушениями как мозговой, так и двигательной активности человека из-за разрушения цепочек взаимосвязи с внешним миром в силу потери контроля над собственными действиями и реакциями; теория личности в социальной психологии анализирует дихотомию силы ситуации и силы личности, а также механизмы раскрытия уникального личностного потенциала; на стыке с социологией рассматриваются проблемы позиционирования и определения своей мультиидентичности в разных социальных контекстах — эти процессы М. Йоргенсен и Л. Филлипс

называют «психологической инвестицией» людей в определенные дискурсы (Йоргенсен, Филлипс, 2008, с. 192–197), результатом которой может стать отождествление себя с группой или противопоставление своей индивидуальности какому-либо гомогенному социальному классу.

В сфере **образования** субъектами агентности, понимаемой широко как *активная самостоятельность*, выступают все стороны образовательного процесса; здесь наблюдается такое понимание сути агентности, когда «каждый актор (будь то государство, корпорация или человек) позиционируется как легитимный субъект, который не только имеет право на изменение среды в соответствии со своими целями и ценностями, но от которого это ожидается» (Сорокин, 2021, с. 130). Оба этих качества — способность делать выбор при наличии альтернативы (требующий осознанности) и нацеленность на активное изменение среды (подразумевающая способности к целеполаганию и воздействию) подтверждают значимость агентных признаков целенаправленности и автономности в структуре личности, когда акторы³ рассматриваются как «автономные от культурной среды агенты, преследующие личные интересы — в противовес феноменологическому толкованию, которое подчеркивает роль культуры как фактора, задающего не только контекст, который учитывают акторы, но и природу самих акторов» (Там же, с. 133–134).

Итак, результаты рассмотрения процессов становления теорий агентности и агентивности в отечественном и зарубежном дискурсах показали существующие расхождения в формировании списка признаков агенса и его референта, а также в выделении доминирующего агентного/агентивного признака. Данные расхождения объяснимы, так как существующая совокупность характеристик неоднородна; как агентные, так и агентивные признаки сложно вычленить, и еще труднее выстроить их иерархию. Рассмотрим далее последовательно обнаруженные выше совокупности агентивных признаков.

Онтологическое и лингвистическое осмысление признаков агентивности

Обратимся сначала к совокупности признаков, отмеченных в описаниях агентности. Анализ выделенности агентных признаков в разных сферах общественной жизни показал, что прототип агента как активного субъекта социальных процессов должен обладать:

1) способностью выступать **инициатором или причиной действия**, приводящего к изменениям окружающей среды: прототипичный агент оказывает влияние на мир и вызывает изменения в нем, включая себя как объект

³ П. С. Сорокин употребляет термин «актор», который, в отличие от агента, в нашем представлении не только акцентирует агентивный потенциал субъекта, но и подчеркивает в первую очередь его активную реализацию.

изменений. А. Дуранти в работе по лингвистической антропологии обобщает такое свойство, как «вовлеченность в каузативную цепочку», и называет его обязательным признаком агентности/агентивности, а остальные признаки (волеизъявление, целеполагание и т. д.) предлагает учитывать опционально (Duranti, 2004, p. 454). Для выполнения данного требования необходимо быть способным **осознанно и самостоятельно** совершать действия, что обеспечивается или одушевленностью как врожденным свойством человеческой особи, или антропоморфными характеристиками, приписываемыми специфическим, нетривиальным агентам, функционирующим в технических, религиозных и других дискурсах;

2) **волей**, понимаемой как сознательная психическая активность, регулирующая деятельность человека при совершении им целенаправленных мотивированных действий, что подразумевает наличие этапов осознанного принятия и исполнения решения. Такое широкое понимание воли как способности человека к саморегуляции позволяет нам объединить описанные ранее агентные характеристики воли, целеполагания, ответственности, способности принимать решения и осуществлять контроль за их исполнением в единый кластер признаков «воля», содержащий все компоненты волевого начала. Н. Д. Арутюнова подчеркивает включенность сознания и намеренности в волевые процессы следующим образом: «Действуя “по вольному хотению”, человек часто поступает безрассудно, но в его безрассудстве участвует рассудок (сознание): не случайно слова невольный, невольно, непроизвольно, характеризующие нечаянные, спонтанные действия, включают отрицание, т. е. отстраняют участие воли, имплицитующей наличие сознания и даже намерения» (Арутюнова, 2003, с. 85). Исходя из вышесказанного, мы будем понимать волю комплексно;

3) **уникальностью**, способностью человека взаимодействовать внутри социальной структуры как независимая личность, выступать как обособленный индивидум и отстаивать свои интересы.

Таким образом, результаты обзора характеристик деятельностного потенциала агента показывают их относительную общность с выделенными в первом разделе работы признаками агентивности. В структуре агента, функционирующего в каждой из сфер общественной жизни, акцентируются качества, связанные с индивидуальностью, самостоятельностью, способностью принимать решения и нести за них ответственность. Далее указанные признаки будут систематизированы и соотнесены с возможными лингвистическими средствами их репрезентации. Иными словами, будут рассмотрены механизмы объективации агентных признаков в языке, что позволит проследить, каким образом сущностные характеристики человека как субъекта (воз)действия проявляются в его языковом бытии. Выявленное многообразие агентных и агентивных признаков, а также проблема невыраженности единственного ведущего признака обращают нас к рассмотрению возможных путей их иерархизации.

Одной из методологических попыток, способных снять неоднородность агентивных характеристик, видится подход, учитывающий не значимость каждого признака в отдельности с последующим ранжированием, а их совокупность. И. Шлезингер в 1989 году предлагал ввести «порог вхождения» в категорию агентивности, определяемый не строгим набором необходимых и достаточных признаков, а перечнем «некритических признаков, которые в сумме должны превысить порог вхождения», обозначая такую совокупность, как *cluster concept* (Schlesinger, 1989, p. 207). Д. Даути развивает эту идею на материале проторолей, обозначая схожую идею порога как *degree of membership* (значимость веса) для каждого признака и предлагая такую схему измерения прототипичности агенса и пациенса, когда в определении степени агентивности языковой единицы не следует опираться на полный набор всех агентивных/пациентивных характеристик и их трудно ранжируемую значимость, а скорее, показательным будет их количество: «типы ролей — это не дискретные категории, а кластерная общность» (Dowty, 1991, p. 571), вводя таким образом принцип *накапливания* признаков в описание процессов категоризации. Еще один способ измерения агентивности — скалярный подход, в рамках которого определенные аргументы или участники анализируются как более прототипически агентивные, чем другие (Grimm, 2011). Считаем необходимым объединить эти два подхода: выделим как обязательные, так и вариативные агентивные признаки.

В определении первого обязательного признака будем руководствоваться прототипическим описанием агентивной конструкции Дж. Лакоффа, требующим включения второго участника ситуации (Лакофф, 1981, с. 358), а также положениями И. Шлезингера (Schlesinger, 1989), С. ДеЛэнси (DeLancey, 1990) и др. об обязательности наличия в структуре высказывания причинности (*causality*) — каузативного компонента высказывания. Соответственно, одним из грамматических маркеров агентивности служит наличие второго участника ситуации, выражаемое синтаксически через открытую позицию объектного аргумента, подвергаемого изменению путем выполнения действия, обозначенного предикатом (что онтологически восходит к способности агента изменять окружающий мир).

Следовательно, субъект должен обладать способностью оказывать это воздействие, что дает второй обязательный агентивный признак — **автономность**, который соотносится с агентными характеристиками независимости и самостоятельности в процессе осуществления действия. Эта автономность обеспечивается наличием источника энергии, облигаторность которого подчеркивается практически во всех работах по агентивности, равно как и агентности (начиная с исходного положения естественных наук о принципах передачи физической энергии и обязательности наличия ее первичного источника). Этот источник может быть внутренним — у одушевленных существ (соответственно, грамматический признак одушевленности также является обязательным агентивным

признаком); и внешним — когда приток энергии обеспечивается кинетической или потенциальной энергией (имеющейся у объекта в связи с его положением относительно других объектов), например: *ступени лестницы холодили мне ноги*, или пример Д. Круза: *эти колонны удерживают вес фронтона*, см. и другие случаи обладания «временной агентивностью» типа *пуля, поражающая человека* или *компьютер, осуществляющий расчеты* (Cruse, 1973, р. 6–17, 19). Например, в японском языке допускается употребление механизмов и техногенных явлений в качестве неодушевленного каузатора: *тё: он ва синкэй о махи сасэру кото ни нару камо сирэнэй* «ультразвук может парализовать человека»⁴; технологии мыслятся здесь как инструмент человеческой деятельности. Таким образом, в случае внешнего обеспечения энергией мы имеем дело с заданной человеком, приписанной одушевленностью. При этом природные силы обладают условной автономностью благодаря наличию у них внутренних источников энергии, не поддерживаемых человеком (который, исходя из нашего онтологического допущения, стоит, например, за действиями компьютера или пули). В японском языке природные явления практически свободно допускаются на высокоагентивные позиции: *омой хасу но ха о урагаэсу ходо но кадзэ* «такой сильный ветер, который может перевернуть тяжелые листья лотоса»⁵; *юки га карада о фукитаосита* «снег сбивал нас с ног»⁶; природные силы в представлении японцев наделены значительной внутренней мощностью (что обусловлено в том числе и синтоистскими верованиями японцев, обожествляющих природные явления). Важно подчеркнуть, что производителя действия в его языковой проявленности будем определять по самому ближайшему аргументу вне зависимости от его (не) одушевленности, а степень выраженности признака автономности будет измеряться семантическим расстоянием до логического каузатора (преимущественно — человека; *primary causal factor*, как это называет С. ДеЛэнси (DeLancey, 1990, р. 144)).

Остальные агентивные метрики мы относим к вариативным. Во-первых, это комплекс признаков, сопряженный с **волеизъявлением** (волитивность, намеренность, контроль); они объективируют в языке характеристики личности, связанные с волевым началом, что проявляется в способности соответствующего аргумента выступать субъектом волевого предиката. Грамматически наличие этих признаков волитивности, контролируемости, намеренности проверяется тестом на императив: при одушевленном субъекте императив отделяет неволевые глаголы (ср. *Позвони!*, но **Пострадай!*), а предикаты, субъектам которых одушевленность ситуативно приписана⁷, не проходят этот тест с любыми

⁴ К. Хигасино. Тантэй Гарирэо («Детектив Галилей»). Все примеры из японских художественных произведений приводятся из неопубликованных электронных вариантов текстов, используемых автором в ходе текущей работы в рамках проекта с Национальным корпусом русского языка.

⁵ Я. Кавабата. Бо:си дзикэн («Шляпа»).

⁶ В. Каверин. «Два капитана» (в пер. Г. Ирия).

⁷ Мы используем термин «ситуативная одушевленность», так как неодушевленный субъект наделяется ею только в конкретном контексте.

глаголами, так как императив в их отношении неприемлем из-за отсутствия канала коммуникации с неодушевленным агенсом в силу невыраженности у него способности к восприятию (*sentience*): в примерах выше мы не можем обратиться к ступеням: **Охладите!* или к колоннам: **Держите портик!*, хотя в случае одушевленного адресата такое указание могло бы быть выполнено и тест был бы пройден; для проверки таких признаков также могут быть использованы тесты на инициативность, осознаваемость и другие, подробнее см.: (Шабанова, 1998). О. А. Сулейманова дает большое количество разнообразных диагностических контекстов для выявления таких вариантов (не)соответствия субъекта агентивным и/или безличным языковым моделям (Сулейманова, 2000, с. 190–196). То же с природными силами: *дождь освежил меня* → **Освежи!* (дождю) или с предметным миром: *молоко обожгло руку* → **Обожги руку!* (молоку).

В целом признаки, связанные с волеизъявлением, вариативны, так как воздействие может быть осуществлено без учета воли каузатора, ненамеренно, бесконтрольно; субъект агентивной конструкции в таком случае будет в разной степени удален от прототипа. Как указывает Т. Д. Шабанова, «тест на императивность безусловно позволяет установить присутствие волеизъявления со стороны субъекта и наличие силы, в результате приложения которой имеет место действие. Однако сила <...> может прилагаться без волеизъявления» (Шабанова, 1998, с. 30). Нижеследующие примеры из японской публицистической и художественной литературы описывают такие ситуации ненамеренного, случайного воздействия, невозможности осуществить контроль или неосознанного влияния, прежде всего с одушевленным субъектом: невольно причиненные огорчения *карэси кара шумо канасимасэтэ гомэн то иварэру* «мой парень всегда извиняется, когда меня огорчает»⁸; произвольная смена манеры выражаться под воздействием окружающих *Идзуми-сан то Сугавара-сан о миккусу сасэта моно га ватаси но сябэриката ни наттэ иру* «разговариваю, смешивая манеру выражаться Идзуми-сан и Сугавара-сан»⁹; ненамеренно производимые звуки *кайдан о гатагата ивасэнагара* досл. «заставляя сапоги стучать по лестнице»¹⁰; инстинктивные бессознательные движения тела: *биккури суру ходо синтай о фурувасэтэ* «вздрогнув от неожиданности»¹¹ — языковое представление соматической сферы в японском языке грамматически очень высокоагентивно; нормой считаются конструкции типа *убить дыхание* в значении «молчать», *всунуть рот* в знач. «вмешаться», *бросить лицо в подушку* в значении «упасть на кровать», *заставить глаза блеснуть*, *разрешишь слезам литься* и т. п.; подробнее о высокоагентивности японских соматических конструкций в (Стрижак, 2024). В случае с неодушевленным субъектом это может быть

⁸ Веб-корпус Tsukuba (TWC), разработанный совместно Национальным институтом японского языка и лингвистики (NINJAL) и Институтом языка Лаго: NINJAL-LWP for Tsukuba Web Corpus (<https://nlb.ninjal.ac.jp>).

⁹ С. Мурата. Комбини нингэн («Человек-комбини»).

¹⁰ С. Эндо. Уми то докюяку («Море и яд»).

¹¹ С. Мурата. Комбини нингэн («Человек-комбини»).

физическое, механическое воздействие на человека субъектом, не обладающим способностью к волеизъявлению: *курума ва ватаси о тобасу* «машина уносит меня»¹² — здесь акцентируется функциональное предназначение машины, которая увозит женщину от любимого человека против ее воли; физиологическое воздействие: *ниои га <...> Сугуро но мунэ о мукамука то сасэта* «запах приводил Сугуро в состояние тошноты»¹³ — на человека оказывает влияние естественный по своей природной сути раздражитель органа чувств; психическое воздействие: *хито о уокасу но ва кандо*: «людьми движут эмоции»¹⁴. Высокоагентивные конструкции могут описывать ситуации и с (взаимо)воздействием неодушевленных актантов, особенно в случае их физического или онтологического единства: *басу ва дзэмбито: о тэммэцу сасэнагара* «автобус, мигая габаритными огнями»¹⁵; в похожих описаниях встречаются конструкции «заставив взречь свой мотор» или еще более подробные «заставив скрипеть свои передаточные механизмы» с очевидно выраженным намерением завести мотор с последующим контролем данного процесса, но не в силу своих возможностей, а благодаря встроенным внутренним свойствам; частотны примеры и из соматической сферы: *синдзо: ва <...> : нэцу о мэгурасэта* «сердце волнами гнало жар»¹⁶ в описании восторженных детских ощущений. Все вышеперечисленные глаголы не проходят тест на императив — некоторые в силу семантики предиката, некоторые в силу неспособности к осознанным действиям неодушевленных субъектов. Тем не менее данные конструкции описывают достаточно высокоагентивные процессы, приводящие к изменениям объекта.

Во-вторых, это **индивидуализированность** как оформленность в языке уникальности и неповторимости личности; уникальность референта как объекта внеязыковой действительности может быть обусловлена его личностными особенностями — *гений*; естественной природной сущностью — *мать*; социальной ролью — *муж* и др. Этот признак может быть измерен выраженностью таких показателей, как собственность (нарицательность) имени, одушевленность, категория числа. Первый и второй показатели понятны интуитивно (имя собственное индивидуализирует человека как уникальную единицу живого мира), но в отношении последнего следует отметить, что в классификации П. Хоппера и С. Томпсон (Hopper & Thompson, 1980, p. 252–253) и ряде других работ отмечается, что единственное число усиливает индивидуализацию актанта. Действительно, выделенность *одного* подчеркивает его качества, а приписывание свойств или действий какому-либо *множеству* размывает предикатный фокус между его членами. Но в языках с необязательной и/или слабовыраженной категорией числа (к которым относится и японский) представляется необходимым

¹² Х. Каваками. Сэнсэй но кабан («Портфель учителя»).

¹³ С. Эндо. Уми то докюяку («Море и яд»).

¹⁴ Веб-корпус Tsukuba (TWC). URL: <https://nlb.ninjal.ac.jp>

¹⁵ Р. Мураками. Басу («Автобус»).

¹⁶ Р. Усами. Оси, мою («Моего айдола обижают»).

учитывать любое проявление числа, как единичности, так и множественности, как индивидуализирующую характеристику. Например, в японском стихотворении *В день рождения открытку купив болтливую, горсткой иероглифов заполняю пустое пространство в себе*¹⁷ иероглифы, употребленные во множественном числе *модзи-тати*, хотя японский язык в большинстве случаев этого не требует, нарочито подчеркивают мучительное одиночество героини и отсутствие ожидаемых поздравлений, которое заполняют *хотя бы* иероглифы на открытке, компенсируя недостающее количество друзей — так акцентируется агентивная роль иероглифов в данном контексте.

Соотнесем выделенные агентные характеристики личности, составляющие ее деятельностьный потенциал, с агентивными признаками (см. табл.).

Следует отметить также, что агентивность показывает степень выраженности в высказывании определенных характеристик референтов как субъекта, так и объекта — к прототипическому агентивному объекту можно отнести те же признаки: например, в высказывании *ребенок запустил бумажный самолетик* объект становится условно автономным, обретая источник кинетической энергии. Наиболее близкие к прототипу примеры из японских текстов также подтверждают наличие необходимых агентивных признаков у объекта: *мэганэ о кирари то ханся сасэнагара карэ* «он, блеснув очками», досл. «заставив свои очки блеснуть»¹⁸, *хаманасу га хана о сакасэтэ* «шиповник расцвел», досл. «побудил свои цветы распуститься»¹⁹, *отоко но хито га дзубон но сусо ни доро о кобирицукасэта мама* «мужчины, не отряхивая грязь, прилипшую к штанинам», досл. «грязь, которую мужчины заставили прилипнуть к штанинам»²⁰ — очевидно, что *очки* обладают необходимым свойством отражать свет, причем автономно, вне зависимости от желания человека; *грязь* имеет свойство липнуть за счет вязкости и других физических свойств; а *растения* обладают органически обусловленным потенциалом для цветения. Таким образом, во всех примерах объекты, не будучи одушевленными, тем не менее являются объектными аргументами волевых предикатов и неотъемлемыми элементами каузальных цепочек.

Выводы

В данной работе были рассмотрены вопросы соотнесенности *агентности* и *агентивности* как понятий социальной и лингвистической наук, для чего были исследованы теория агентивности как лингвистической категории, репрезентирующей в языке особенности взаимовлияния человека и мира,

¹⁷ М. Тавара Сарада никки («Именины салата», пер. Д. Коваленина).

¹⁸ С. Эндо. Уми то докюяку («Море и яд»).

¹⁹ Т. Миура. Пантомайму («Пантомима»).

²⁰ Р. Усами. Оси, мою («Моего айдола обижают»).

Таблица / Table

**Соотнесенность агентных характеристик личности и агентивных свойств
соответствующей языковой единицы**

**Correlation of agentic characteristics of personality and agentic properties
of the corresponding linguistic unit**

Характеристика личности (агентные свойства)	Направленность связи	Характеристика языковой конструкции (агентивные свойства)		Морфосинтаксические признаки
Проактивность, способность выступать причиной события и изменять окружающую среду	↔	Каузальность	Наличие второго участника	Открытая позиция объектного аргумента
			Степень вовлеченности второго участника	Падежное оформление соответствующей семантической роли
			Динамические (статические) свойства предиката	Акциональный класс, залоговые формы
Самостоятельность, независимость	↔	Автономность (наличие источника энергии)	Биологическая одушевленность (наличие способности к восприятию)	Ближайший аргумент, расстояние до логического каузатора
			Ситуативная одушевленность (приписанная в моменте)	
Воля	↔	Волеизъявление	Волеитивность	Прохождение предикатом теста на императив
			Намеренность	
			Контроль	
Уникальность	↔	Индивидуализированность		Собственность (нарицательность) имени
				Категория числа

и теория агентности как деятельностного потенциала, порождающего действие, изменяющее структуру окружающей среды. Было отмечено, что изучение агентивности сопровождается терминологической неоднозначностью в дифференциации исходных англоязычных понятий *agency* и *agentivity*, а также терминов, используемых в русскоязычном научном поле: агентность и агентивность. Это смешение обусловлено одновременностью принадлежности агента как субъекта действия к реальному миру, где он выступает носителем деятельностного потенциала, и его существованием в объективированном языковом пространстве, где значимым становится уже не наличие свойств, а их выраженность в языке. Для снятия этой понятийной нечеткости в работе было осуществлено терминологическое разграничение между агентностью реально существующего субъекта (его деятельностным потенциалом) и агентивностью, реализуемой в языковом высказывании. Далее было определено, что *агентивность* как семантическая категория отражает способность участников ситуации оказывать или принимать воздействие, приводящее к их изменению; данная способность выражается в совокупности признаков каузальности, автономности, волеизъявления и индивидуализированности, приписываемых всем элементам актантно-предикатной структуры высказывания. Онтологическую основу этих свойств составляет соотносимый с выделенными выше агентивными признаками личностно-деятельностный потенциал *агента* как референта субъектного или объектного актанта, проявляемый им в реальном мире.

Существующая неоднородность признакового поля побудила нас выделить несколько основных кластеров признаков, связанных с причинностью как фактором изменений; с автономностью, обеспечиваемой наличием источника энергии; с совокупностью волеизъявительных характеристик и индивидуализированностью, также выражаемой комплексно. Данные кластеры были иерархизированы: к обязательным агентивным признакам были отнесены причинность как основной фактор происходящих изменений и автономность, обусловленная одушевленностью, реальной или приписываемой; к вариативным признакам были отнесены характеристики, связанные с волевым началом и индивидуальными характеристиками участников ситуации. Данные положения были проиллюстрированы примерами из публицистических и художественных японских текстов, которые показали неоднозначность семантики воздействия в структуре предикатов агентивных конструкций, а также неоднородность комбинаций агентивных признаков участников ситуации, как субъекта, так и объекта, которые, даже будучи неодушевленными, могут выступать участниками каузальных процессов.

Список источников

1. Cruse, D. A. (1973). Some thoughts on agentivity. *Journal of Linguistics*, 9(1), 11–23.
2. Fillmore, Ch. (1968). The case for case. In E. Bach and R. T. Harms (Eds.). *Universals in linguistic theory* (p. 1–25).
3. Филлмор, Ч. (1983). Основные проблемы лексической семантики. *Новое в зарубежной лингвистике*, XII, 74–122.
4. Comrie, B. (1978). Ergativity. In *Syntactic typology*. Austin L. <https://lrc.la.utexas.edu/books/typology/7-ergativity>
5. Hopper, P. J., & Thompson, S. A. (1980). Transitivity in grammar and discourse. *Language*, 56(2), 251–299.
6. Лакофф, Дж. (1981). Лингвистические гештальты. *Новое в зарубежной лингвистике*, X, 350–372.
7. DeLancey, S. (1984). Notes on agentivity and causation. *Studies in language*, 8, 181–213.
8. DeLancey, S. (1990). Crosslinguistic evidence for the structure of the agent prototype. *Papers and Reports on Child Language Development* 29 (p. 141–147). Stanford University.
9. Рахилина, Е. В., & Тестелец, Я. Г. (2016). Научное наследие Ч. Филлмора и современная теория языка. *Вопросы языкознания*, 2, 7–21.
10. Фомина, М. А. (2022). Степень активности субъекта в моделях, описывающих природные процессы и явления. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(48), 126–136. <https://www.doi.org/10.25688/2076-913X.2022.48.4.10>
11. Позднякова, Е. М. (2017). Событие как когнитивная структура. В В. И. Заботкина (Ред.). *Репрезентация событий: интегрированный подход с позиции когнитивных наук* (с. 93–111). Языки славянской культуры.
12. *Лингвистический энциклопедический словарь*. (1990). (Гл. ред. Ярцева В. Н.). Советская энциклопедия. <https://tapemark.narod.ru/les/017b.html>
13. Бондарко, А. В. (1992). К проблеме соотношения универсальных и идиоэтнических аспектов семантики: интерпретационный компонент грамматических значений. *Вопросы языкознания*, 5, 5–20.
14. Шабанова, Т. Д. (1998). *Семантическая модель английских глаголов зрения: Теоретико-экспериментальное исследование* [Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. Уфа].
15. Сулейманова, О. А. (2000). *Релевантные типы безличных синтаксических структур и их семантические корреляты* [Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19, 10.02.01. Москва].
16. Болдырев, Н. Н. (2003). Инварианты и прототипы в системной и функциональной категоризации английского глагола. *Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность/вариативность* (с. 54–74). Наука.
17. Селиверстова, О. Н. (1990). *Контрастивная синтаксическая семантика: (Опыт описания)*. Наука.
18. Плунгян, В. А. (2011). *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. РГГУ.
19. Тестелец, Я. Г. (2003). *Грамматические иерархии и типология предложения* [Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20. Москва].

20. Арутюнова, Н. Д. (1976). *Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы*. Наука.
21. Падучева, Е. В. (2003). Таксономическая категория как параметр лексического значения глагола. *Русский язык в научном освещении*, 2(6), 192–216.
22. Устинова, Е. В. (2007). *Функционально-семантическое поле агентивности/неагентивности в современном русском литературном языке XX – нач. XXI вв.* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Ростов-на-Дону].
23. Князев, Ю. П. (2016). Агентивность как шкала градаций. *Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности*, 14, 146–155.
24. Витгенштейн, Л. (2020). *Логико-философский трактат*. АСТ.
25. Sørensen, J. (2007). Acts that work: a cognitive approach to ritual agency. *Method and theory in the study of religion*, 19, 281–300.
26. Mansell, S., Ferguson, J., Gindis, D., & Pasternak, A. (2018). Rethinking Corporate Agency in Business, Philosophy and Law. *Journal of Business Ethics*, 154(3), 1–17.
27. Yano, S., Hayashi, Yo., Murata, Yu., Imamizu, H., Maeda, T., & Kondo, T. (2020). Statistical learning model of the sense of agency. *Frontiers in Psychology*, 11, 1–13.
28. Йоргенсен, М. В., & Филлипс, Л. Дж. (2008). *Дискурс-анализ. Теория и метод*. Гуманитарный центр.
29. Сорокин, П. С. (2021). «Трансформирующая агентность» как предмет социологического анализа: современные дискуссии и роль образования. *Вестник РУДН. Серия: Социология*, 21(1), 124–138.
30. Duranti, A. (2004). Agency in Language. *A Companion to Linguistic Anthropology* (p. 451–473). Blackwell Publishing Ltd.
31. Арутюнова, Н. Д. (2003). Воля и свобода. В Н. Д. Арутюнова (Ред.). *Логический анализ языка. Космос и хаос. Концептуальные поля порядка и беспорядка* (с. 73–99). Индрик.
32. Schlesinger, I. M. (1989). Instruments as Agents: On the Nature of Semantic Relations. *Journal of Linguistics*, 25(1), 189–210.
33. Dowty, D. (1991). Thematic proto-roles and argument selection. *Language*, 67(3), 547–619.
34. Grimm, S. (2011). Semantics of case. *Morphology*, 21(3–4), 515–544.
35. Стрижак, У. П. (2024). Японская агентивность: языковое поведение соматических актантов (на материале корпусных данных). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*, 16(1), 113–133.

References

1. Cruse, D. A. (1973). Some thoughts on agentivity. *Journal of Linguistics*, 9(1), 11–23.
2. Fillmore, Ch. (1968). The case for case. In: E. Bach and R. T. Harms (Eds.). *Universals in linguistic theory* (p. 1–25).
3. Fillmore, Ch. (1983). Basic problems of lexical semantics. *New in Foreign Linguistics*, XII, 74–122. (In Russ.).
4. Comrie, B. (1978). Ergativity. *Syntactic typology*. Austin L. <https://lrc.la.utexas.edu/books/typology/7-ergativity>
5. Hopper, P. J., & Thompson, S. A. (1980). Transitivity in grammar and discourse. *Language*, 56(2), 251–299.

6. Lakoff, G. (1981). Linguistic Gestalts. *New in Foreign Linguistics*, X, 350–372. (In Russ.).
7. DeLancey, S. (1984). Notes on agentivity and causation. *Studies in language*, 8, 181–213.
8. DeLancey, S. (1990). Crosslinguistic evidence for the structure of the agent prototype. *Papers and Reports on Child Language Development* 29 (p. 141–147). Stanford University.
9. Rakhilina, E. V., & Testeleets, Ya. G. (2016). Charles Fillmore's legacy and modern theoretical linguistics. *Voprosy yazykoznaniya*, 2, 7–21. (In Russ.).
10. Fomina, M. A. (2022). Subject in Russian models that convey information about elemental forces of nature and their semantic component being active (+ / –). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(48), 126–136. <https://www.doi.org/10.25688/2076-913X.2022.48.4.10> (In Russ.).
11. Pozdnyakova, E. M. (2017). Event as a cognitive structure. In V. I. Zabotkina (Eds.). *Representation of events: an integrated approach from the standpoint of cognitive sciences* (p. 93–111). Languages of Slavic culture. (In Russ.).
12. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. (1990). V. N. Yartseva (Ed.). Soviet Encyclopedia. <https://tapemark.narod.ru/les/017b.html> (In Russ.).
13. Bondarko, A. V. (1992). On the problem of the relationship between universal and idioethnic aspects of semantics: the interpretative component of grammatical meanings. *Voprosy Yazykoznaniya*, 5, 5–20. (In Russ.).
14. Shabanova, T. D. (1998). *Semantic model of English sight verbs: a theoretical and experimental study* [Dissertation ... Doctor of Philological Sciences: 10.02.04. Ufa]. (In Russ.).
15. Suleimanova, O. A. (2000). *Relevant types of impersonal syntactic structures and their semantic correlates* [Dissertation ... Doctor of Philological Sciences: 10.02.19, 10.02.01. Moscow]. (In Russ.).
16. Boldyrev, N. N. (2003). Invariants and prototypes in systemic and functional categorization of the English verb. In *Problems of functional grammar: semantic invariance/variability* (p. 54–74). Nauka. (In Russ.).
17. Seliverstova, O. N. (1990). *Contrastive syntactic semantics: (an attempt at description)*. Nauka. (In Russ.).
18. Plungyan, V. A. (2011). *Introducing grammatical semantics: grammatical values and grammatical systems in the world's languages*. RSUH. (In Russ.).
19. Testeleets, Ya. G. (2003). *Grammatical hierarchy and the typology of a sentence* [Dissertation ... Doctor of Philological Sciences: 10.02.20. Moscow]. (In Russ.).
20. Arutyunova, N. D. (1976). *The sentence and its meaning: logical and semantic problems*. Science. (In Russ.).
21. Paducheva, E. V. (2003). Taxonomic category as a parameter of verb lexical meaning. *Russian Language in Scientific Illumination*, 2(6), 192–216. (In Russ.).
22. Ustinova, E. V. (2007). *The functional and semantic field of agency/non-agency in the modern Russian literary language of the 20th-early 21st centuries* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.02.01. Rostov-on-Don]. (In Russ.).
23. Knyazev, Yu. P. (2016). Agency as a gradation scale. *Psixolingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoj deyatel'nosti*, 14, 146–155. (In Russ.).
24. Wittgenstein, L. (2020). *Tractatus logico-philosophicus*. AST. (In Russ.).

25. Sørensen, J. (2007). Acts that work: a cognitive approach to ritual agency. *Method and theory in the study of religion*, 19, 281–300.
26. Mansell, S., Ferguson, J., Gindis, D., & Pasternak, A. (2018). Rethinking corporate agency in business, philosophy and law. *Journal of Business Ethics*, 154(3), 1–17.
27. Yano, S., Hayashi, Yo., Murata, Yu., Imamizu, H., Maeda, T., & Kondo, T. (2020). Statistical learning model of the sense of agency. *Frontiers in Psychology*, 11, 1–13.
28. Jorgensen, M. W., & Phillips, L. J. (2008). *Discourse Analysis. Theory and Method*. Humanitarian Center. (In Russ.).
29. Sorokin, P. S. (2021). «Transforming Agency» as a Subject of Sociological Analysis: Contemporary Debates and the Role of Education. *RUDN Journal of Sociology*, 21(1), 124–138. (In Russ.).
30. Duranti, A. (2004). Agency in Language. *A Companion to linguistic anthropology* (p. 451–473). Blackwell Publishing Ltd.
31. Arutyunova, N. D. (2003). Will and Freedom. In N. D. Arutyunova (Eds.). *Logical analysis of language. Cosmos and chaos. Conceptual fields of order and disorder* (p. 73–99). Indrik. (In Russ.).
32. Schlesinger, I. M. (1989). Instruments as agents: on the nature of semantic relations. *Journal of Linguistics*, 25(1), 189–210.
33. Dowty, D. (1991). Thematic proto-roles and argument selection. *Language*, 67(3), 547–619.
34. Grimm, S. (2011). Semantics of case. *Morphology*, 21(3–4), 515–544.
35. Strizhak, U. P. (2024). Japanese agentivity: linguistic behavior of somatic actants (based on corpus data). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika*, 2024, 16(1), 113–133. (In Russ.).

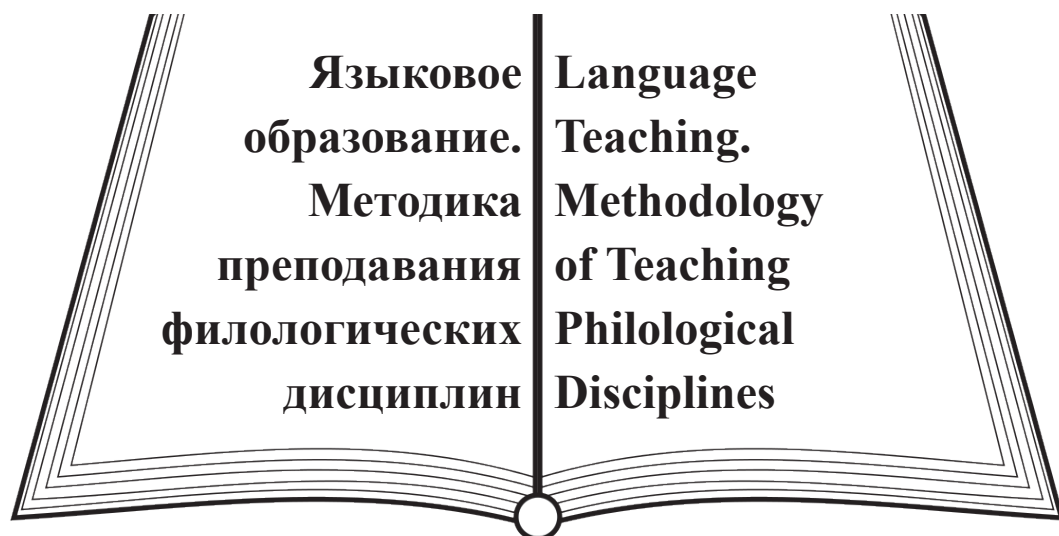
Информация об авторе / Information about the author

Ульяна Петровна Стрижак — кандидат педагогических наук, доцент, академический руководитель образовательной программы «Востоковедение» факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

Uliana P. Strizhak — PhD (Pedagogy), Associate Professor, Academic Supervisor of «Asian Studies» Educational Program of Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 378.8:81-029:004

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-160-172

ИНТЕГРАЦИЯ ПРОГРАММ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ

**Алмазова Надежда Ивановна¹,
Халяпина Людмила Петровна²**

^{1, 2} Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия,

¹ almazova_ni@spbstu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9284-5734>

² halyapina_lp@spbstu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1283-2245>

Аннотация. В статье рассматривается преобразующий потенциал программ искусственного интеллекта (ИИ) в языковом образовании, анализируются его преимущества, недостатки и этические последствия. Основные выводы показывают, что ИИ значительно усиливает персонализацию в обучении, способствует большей доступности, оптимизирует административные задачи и обеспечивает обратную связь в реальном времени для студентов. Эти достижения могут привести к улучшению результатов обучения и разработке более адаптированных учебных стратегий. В теории и методике обучения иностранным языкам на протяжении последних лет происходит ряд изменений, касающихся освоения и внедрения новых подходов,

сопровождающихся процессами все большей интеграции программ ИИ в процесс обучения иностранным языкам. Однако недостаточное внимание в современных исследованиях уделено вопросам методических аспектов подготовки будущих учителей, которые бы акцентировали внимание как на соответствии методологической характеристики программ ИИ существующим в методической науке концепциям и подходам в обучении иностранным языкам, так и на детальном исследовании дидактических возможностей различных программ ИИ. Авторы статьи обращаются к анализу такого подхода в иноязычной подготовке будущих учителей иностранного языка, который рассматривает, с одной стороны, структурные изменения педагогического дискурса, происходящие под воздействием многочисленных программ и платформ с ИИ, а с другой стороны, каким образом происходящие трансформационные процессы педагогического дискурса (цели, стратегии, ценности и пр.) влияют на систему методической подготовки будущего учителя.

Ключевые слова: интеграция, искусственный интеллект, персонализация в обучении, педагогический дискурс, программы адаптивного обучения, дидактические сайты, образовательная среда, интеллектуальные системы обучения.

Для цитирования: Алмазова, Н. И., Халяпина, Л. П. (2025). Интеграция программ искусственного интеллекта в языковое образование: методические аспекты подготовки будущих учителей. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(58), 160–172. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-160-172>

Original article

UDC 378.8:81-029:004

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-160-172

INTEGRATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE PROGRAMS INTO LANGUAGE EDUCATION: METHODOLOGICAL ASPECTS OF TRAINING WOULD-BE TEACHERS

Nadezhda I. Almazova¹,
Lyudmila P. Khalyapina²

^{1, 2} Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia,

¹ almazova_ni@spbstu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9284-5734>

² halyapina_lp@spbstu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1283-2245>

Abstract. The article examines the transformative potential of artificial intelligence (AI) programs in language education, analyzing its advantages, disadvantages and ethical implications. The main findings show that AI significantly enhances personalization in learning, facilitates greater accessibility, optimizes administrative tasks and provides real-time feedback to students. These advances can lead to improved learning outcomes and the development of more tailored teaching strategies. In recent years, the theory and methodology of teaching foreign languages has seen a number of changes related to the adoption

and implementation of new approaches, accompanied by processes of increasing integration of artificial intelligence programs into the process of teaching foreign languages. However, insufficient attention in modern research has been paid to the issues of methodological aspects of training would-be teachers, which would focus on both the compliance of the methodological characteristics of AI programs with existing concepts and approaches in teaching foreign languages in methodological science and on a detailed study of the didactic capabilities of various AI programs. The authors of the article turn to the analysis of such an approach in the foreign language training of would-be foreign language teachers, which, on the one hand, considers the structural changes in pedagogical discourse that occur under the influence of numerous programs and platforms with artificial intelligence, and, on the other hand, how the ongoing transformation processes of pedagogical discourse (goals, strategies, values, etc.) affect the system of methodological training of would-be teachers.

Keywords: integration, artificial intelligence, personalization in learning, pedagogical discourse, adaptive learning programs, didactic sites, educational environment, intelligent learning systems.

For citation: Almazova, N. I., Khalyapina, L. P. (2025). Integration of artificial intelligence programs into language education: methodological aspects of training would-be teachers. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(58), 160–172. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-160-172>

Введение

В фокусе внимания нашего исследования — методические аспекты интеграции ИИ в процесс подготовки будущих преподавателей иностранных языков (ИЯ). Актуальность данной темы определяется конкретизацией тех задач, которые выявлены в ходе работы на протяжении нескольких лет со студентами-магистрантами международной образовательной программы подготовки преподавателей ИЯ в рамках дисциплины «Теории и методика преподавания ИЯ» в Санкт-Петербургском политехническом университете.

Современные исследователи (С. В. Титова, П. В. Сысоев, А. А. Ахayan и др.) предлагают типологию технологических решений на базе ИИ прежде всего в целях развития языковых навыков и речевых умений посредством различного инструментария: чат-ботов, диалоговых систем, голосовых помощников, умных тьюторов. Кроме этого, данными инструментами могут решаться такие задачи, как проектирование дидактических материалов посредством ботов; аналитическая обработка учебных данных; использование автоматических систем проверки письменных текстов; разработка рекомендательных систем для создания индивидуальной траектории обучения; проектирование интеллектуальных систем обучения ИЯ. Фокус нашего внимания направлен, однако, не только на использование этих технологических решений в процессе обучения и изучения, но и на очень существенный, как нам представляется, компонент, связанный с методической подготовкой будущих преподавателей ИЯ. Как видим, объем технологических решений очень весомый и разноплановый, и все, что связано с организационно-содержательным решением каждого технологического

компонента типологии, требует серьезной теоретической и практической подготовки в процессе профессиональной подготовки будущих преподавателей ИЯ.

Таким образом, в качестве направлений дидактической деятельности при использовании ИИ в обучении ИЯ должны выступать такие направления, как: обучение и изучение ИЯ (формирование иноязычной компетенции); организация учебного процесса (разработка материалов контроля, обеспечение обратной связи, рефлексия); управление учебным процессом (учебная аналитика, индивидуализация обучения, создание рекомендательных систем и интеллектуальных систем обучения). Именно эти направления должны быть четко структурированы, определена их сущность, способы интеграции в учебную деятельность. Именно этим должны овладеть будущие учителя ИЯ.

Все это ставит ряд исследовательских задач, которые направлены, с одной стороны, на рассмотрение и анализ существующих методологических концепций и подходов, относящихся к категории современных научных изысканий, способных повысить роль и значимость программ ИИ в методической подготовке будущих учителей, а с другой стороны, необходимо подумать о возможности детального дидактического анализа наиболее важных программ ИИ в процессе профессиональной подготовки будущего учителя, ориентируясь при этом на степень трансформационных процессов в структуре педагогического дискурса, которым должен овладеть будущий преподаватель.

Методология исследования

В настоящее время значительное внимание уделяется разработке и применению цифровых технологий, включая ИИ, в образовательные процессы в целом и систему языкового образования в частности. Научное обоснование использования ИИ в обучении строится на его способности создавать персонализированные образовательные траектории, автоматизировать рутинные задачи преподавателей и улучшать доступ к большому объему данных для анализа и принятия обоснованных педагогических решений. Технологии ИИ, такие как обработка естественного языка, синтез речи и адаптивные системы обучения, позволяют разрабатывать умные обучающие системы и образовательные платформы, которые индивидуализируют процесс обучения, учитывая потребности и темп каждого учащегося. Все это реализуется «в целях обеспечения ускоренного развития искусственного интеллекта в Российской Федерации, проведения научных исследований в области искусственного интеллекта, повышения доступности информации и вычислительных ресурсов для пользователей, совершенствования системы подготовки кадров в этой области...» (Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490) «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»¹).

¹ URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/44731>

Проведенный анализ научной литературы позволяет заключить, что только в последние годы появилось большое количество публикаций в российских научных журналах, где освещаются различные аспекты использования нейронных сетей в процессе обучения ИЯ. Например, в опубликованных работах исследованы такие вопросы, как: перспективы использования нейросети при проведении дебатов (Шуйская и др., 2023), создание на базе нейросетей систем тестирования языковых и речевых компетенций для определения и подтверждения уровня владения английским языком (Базанова и др., 2023), возможности нейросетей для языковой подготовки студентов технических вузов (Евдокимова и др., 2023) и для повышения мотивации студентов вуза к изучению иностранного языка (Мещерекова, 2023), а также работы С. В. Титовой, П. В. Сысоева и др.

С. В. Титова в своих исследованиях выделяет три основные области использования ИИ в обучении ИЯ: обучение через взаимодействие с ИИ (машинное обучение и обработка естественного языка (NLP) применяется для анализа текста и речи, что обеспечивает адаптивный и интерактивный форматы обучения — Duolingo, Google Assistant); автоматизированное оценивание (благодаря Write-to-Learn и E-Rater происходит снижение субъективности оценок), а также создание интеллектуальных обучающих систем (Титова, 2024, с. 19; 2023; 2023а). Применение ИИ-технологий в этих областях улучшает качество обучения и объективность оценивания.

По мнению П. В. Сысоева, М. Н. Евстигнеева и Е. Ю. Костюкович, ИИ может быть эффективно интегрирован в процесс преподавания и изучения иностранных языков (ИЯ), а также в управление образовательной деятельностью (Сысоев, 2023; Евстигнеев, 2024; Костюкович, 2023).

Ряд отечественных ученых занимается активным изучением дидактических возможностей таких программ ИИ, как чат-боты для обучения устным видам речевой деятельности на иностранных языках (Андреева, 2024; Klimova, Ibna Seraj, 2023).

Зарубежные исследователи также активно занимаются изучением дидактических возможностей программ ИИ в языковом образовании. В сфере их научных интересов следующие вопросы: К. Ванлен исследовал интеллектуальные системы обучения (ИТС) как приложения ИИ, разработанные для предоставления персонализированных инструкций и обратной связи с учащимися (VanLehn, 2011). Ф. Аричи и М. Йилмаз экспериментировали с совместным использованием дополненной реальности (AR) и проблемно ориентированного обучения (PBL). Они также составили список образовательных технологий на основе ИИ и изучили их влияние на успеваемость учащихся. Ученые привели доказательства того, что инструменты обработки естественного языка (НЛП) используются для улучшения взаимодействия учащихся с образовательным контентом; чат-боты используются для ответов на запросы учащихся, обеспечивают автоматическую оценку эссе и включают в себя инструменты языкового перевода, которые поддерживают многоязычных учащихся (Arici, Yilmaz, 2022).

Другая группа ученых (Дж. Хамари, Дж. Койвисто и Х. Сарса) осуществила эмпирические исследования о геймификации и учебных средах, улучшенных с помощью ИИ. Ученые предположили, что интеграция ИИ со стратегиями геймификации создает увлекательные учебные среды, которые мотивируют учащихся. Игровые обучающие платформы на основе ИИ предоставляют задачи, адаптированные к уровню учащегося, развивая такие когнитивные функции, как критическое мышление и решение проблемных задач (Namari et al, 2014).

Вместе с тем в исследованиях вышеназванных ученых не акцентировано внимание на вопросах методической подготовки будущих учителей в сфере осуществления аналитической деятельности по отбору, классификации, сравнению и сопоставлению практических инструментов с теоретическими принципами и подходами к обучению иностранным языкам, позволяющих предотвратить непродуманное обращение к программам ИИ с точки зрения методической целесообразности.

Рассмотрим апробированные нами программы, используемые для различных целей в обучении ИЯ. Дидактическую целесообразность работы с ними необходимо объяснять будущим педагогам.

Мы исходили из того, что многочисленные программы и платформы, предусматривающие применение ИИ, влияют на структуру и характеристики *педагогического дискурса*, которым должен владеть преподаватель. Педагогический дискурс как тип институционального дискурса исследован в работах В. И. Карасика (Карасик, 2002). Так, в статье В. И. Карасика «Лингвокультурные характеристики педагогического дискурса» отмечается следующее: «Стремительное развитие современных электронных технологий существенно повлияло на все типы коммуникации, включая педагогический дискурс... Развитие современных технологий привело к необходимости осмысления возможностей и рисков, обусловленных использованием этих технологий в педагогическом дискурсе, прежде всего применительно к дистантному общению и коммуникации с нейросетью» (Карасик, 2023, с. 126). В качестве вспомогательного средства для поиска информации и обучения различным способам вербализации знаний нейросеть (ИИ) служит мощным подспорьем для преподавателей и учащихся. В данном случае нельзя не согласиться с автором в том, что вероятность машинного построения различных текстов, практически неотличимых от текстов, созданных людьми, выхолащивает контролирующую функцию педагогического дискурса. Можно сказать, что трансформируются и другие функции педагогического дискурса: объясняющая, оценивающая, содействующая и организующая. Иначе говоря, трансформируется не только структура, но и стратегии педагогического дискурса. Так, объясняющая стратегия приобретает проектировочный характер, организующая стратегия формирует умение управлять интерактивными функциями ИИ, содействующая стратегия способствует взаимодействию с ИИ для поддержки обучающихся.

В рамках осуществленного нами экспериментального обучения мы разработали *три группы программ с использованием ИИ, направленные на обучение трем типам стратегий педагогического дискурса*.

1. *Программы, направленные на обучение трансформированному типу объясняющей стратегии*, позволяющие проектировать дидактические материалы с помощью ИИ, которые дают возможность разрабатывать задания, тесты для развития иноязычной компетенции, обучающих презентаций, инфографики, видео быстро, эффективно, качественно (т. е. эти программы уже предобучены на определенных методических моделях). Сюда относятся, например, дидактические сайты и приложения для разработки планов уроков (TWEE, Perplexity), дидактические сайты и приложения для разработки тестов, заданий (Educational genius).

Программы Perplexity.ai, TWEE, как и другие программы, позволяющие проектировать дидактические материалы с помощью ИИ, обладают большим количеством вспомогательных учебных материалов, помогают учителю экономить время подготовки к занятиям, хорошо интегрируются с требованиями к планированию уроков по обучению аспектам языка и видам речевой деятельности и могут быть рекомендованы студентам — будущим преподавателям ИЯ для реализации трансформированного характера объясняющей стратегии — *дидактико-проектировочной*.

На начальном этапе методической подготовки требуются инструкции с объяснением дидактических возможностей данных программ, их соотнесенности с категориями теории и методики обучения ИЯ (соответствия принятым в российской системе языкового образования подходам, принципам, этапам обучения, типам упражнений и т. д.).

2. *Программы и платформы, созданные на базе ИИ, требующие от преподавателя дополнительных дидактических знаний и умений в их применении*: чат-боты для формирования и развития языковых навыков и речевых умений и системы обучения на базе интеллектуального диалога. Организующая стратегия в данном случае трансформируется в умение управлять интерактивными функциями ИИ.

В рамках реализации задач обучения студентов работе по применению программ данной группы было проведено эмпирическое исследование студентов магистратуры 1-го курса, имеющих разную подготовку по методике преподавания ИЯ, полученную ими на уровне бакалавриата. В начале курса было дано задание на подготовку некоего продукта (целого занятия, части занятия, связанной с определенным аспектом ИЯ) с использованием ресурса ChatGPT. Результаты оказались не очень оптимистичными. Студенты, имеющие за плечами бакалавриат с методической подготовкой, связанной с преподаванием ИЯ, справились с заданием в среднем на 70 %. Студенты (в основном иностранцы), не имеющие методического бэкграунда, но имеющие значительный опыт использования различных форматов ИИ, справились в среднем на 55 %. При анализе причин таких результатов в качестве основной определилась проблема неумения студентами генерировать подсказки, выбирать наиболее корректные с методической точки зрения учебные материалы, корректировать структуру обучения различным видам речевой деятельности (прежде всего, диалогической), что и определило необходимость решения задач, предусмотренных второй группой программ ИИ.

Несмотря на большое количество различных инструментов, позволяющих интегрировать ИИ в иноязычную образовательную практику, важным представляется интеграция в образовательный процесс такого инструмента, как ChatGPT «Generative Pre-trained Transformer», представляющего собой языковую модель, которая выступает в качестве компаньона и обладает мощным дидактическим потенциалом. С помощью этого инструмента обучающиеся могут получить: оригинальный результат с помощью компьютера; ответы на вопросы на основе больших текстовых массивов данных Интернета; сгенерированный связный и убедительный человекоподобный результат в ответ на вопрос или утверждение. Кроме того, в функционал данного инструмента входят следующие операции: создание письменных подсказок, резюме, объяснений, контента для планов уроков, заданий и оценок; обеспечение доступа к ресурсам на разных языках; осуществление функции переводчика, создание персонализированных рекомендаций по различным темам, книгам, статьям и видео.

Таким образом, перед методистами встает важная задача, связанная с необходимостью раскрытия функционала данного ресурса через демонстрацию образцов возможного взаимодействия с ресурсом и выполнения заданий, направленных на методические аспекты организации и реализации преподавательских целевых установок при обучении ИЯ. Методические сценарии должны включать в себя аспекты, связанные с определением целесообразности внедрения дидактических диалоговых чат-ботов для обучения на определенном уровне; совершенствованием процессов планирования уроков, разработкой учебных программ, оптимизацией и интенсификацией самого процесса преподавания, дифференциацией обучения; выявлением областей в программах и на занятиях, требующих корректировки. Важно подчеркнуть, что студенты должны также понимать и знать, как с помощью данного ресурса оптимизировать административные задачи (автоматизация контроля, аттестации); каким образом получать индивидуальные рекомендации на основе предоставления персонализированной обратной связи; каким образом повышать эффективность коммуникации, а также как экономить время на исследования и подготовку за счет актуальной и точной информации.

Анализ данной ситуации позволил прийти к выводу, что отработка основных ошибок должна быть содержательной частью подготовки будущих преподавателей при разработке методически грамотных подсказок. Представляется обоснованным потратить время в курсе подготовки будущих преподавателей ИЯ на проработку подсказок, сформировав важнейший навык для использования ChatGPT.

3. *Комплексные платформы обучения иностранным языкам, создаваемые для реализации персонализированного обучения в сотрудничестве государственных структур, преподавателей иностранных языков и IT-специалистов (адаптивное обучение).* При этом реализуется трансформационный характер содействующей стратегии педагогического дискурса — взаимодействие с ИИ для поддержки обучающихся.

В данном случае рассматривались дидактические возможности таких программ, как:

- 1) интеллектуальные системы обучения: *ICO (NeuroNet)*, *ICO (ISpring)*;
- 2) умные (адаптивные) тьюторы: *AutoTutor*, *Watson Tutor*, <https://app.edman.ai/trial-info>, *AI-учитель (Виртуальные технологии)*;
- 3) комплексные платформы обучения ИЯ, например китайскому языку (*International China Smart Education Platform*).

Следует отметить, что комплексные платформы адаптивного обучения, разработанные на основе исследования индивидуальных особенностей конкретных учебных групп обучающихся, еще только начинают создаваться. В большинстве существующих платформ отсутствует учет психологического типа и уровня языковой подготовки учащихся. Нет единой модели построения адаптивной модели обучения с учетом общих требований.

Результаты и дискуссия

С учетом комплексного анализа программ, созданных на основе ИИ и обладающих значительным дидактическим потенциалом как для обучения ИЯ, так и для методической подготовки будущих учителей ИЯ, нам представляется правомерным говорить о следующих обобщенных результатах проведенного исследования.

Программы первой и второй групп с использованием ИИ (*Perplexity*, *YesChat.ai*, *English-Teacher-GPT* и др.) требуют разной степени специальной методической подготовки, позволяющей студентам ориентироваться в вопросах отбора учебных материалов, соответствующих теоретическим концепциям методической науки, в рамках которых должна происходить интеграция электронных учебных материалов.

Программы второй группы могут быть очень полезными для обучения устной и письменной речи. Однако будущего учителя необходимо обучать специфике работы с этими программами. Рекомендации программы необходимо методически грамотно интегрировать в процесс обучения таким видам речевой деятельности, как говорение и письмо.

Для того чтобы понимать и реагировать на рекомендации, которые даются в программах, необходимо обладать не только языковыми, но и методическими знаниями и умениями. Большинство программ второго блока должны быть включены в систему методической подготовки будущего учителя ИЯ с детальным анализом всех их дидактических возможностей, а также с учетом возрастных особенностей и уровня языковой подготовленности учащихся.

Роль учителя имеет решающее значение в обеспечении эффективного использования инструментов, основанных на ИИ, для улучшения преподавания и обучения.

Обучая будущих учителей отбору, интеграции и инновациям с помощью программ на основе ИИ, мы можем дать им возможность более эффективно решать лингвистические и педагогические проблемы, акцентируя внимание на умении методически целесообразно подходить к вопросу о включении программ ИИ в образовательный процесс.

Применение программ на основе ИИ играет важную роль в профессиональной подготовке будущих учителей. Используя такие инструменты, они:

- развивают новые навыки интеграции ИИ и управления учебным процессом в новых условиях цифровой образовательной среды;
- развивают критическое мышление;
- овладевают инновационными методами преподавания, предназначенными для обучения аудированию, чтению, говорению и письму;
- укрепляют уверенность в решении лингводидактических проблем, оставаясь в курсе технологических достижений.

Заключение

Анализ дидактических особенностей применения различных программ ИИ в системе профессиональной методической подготовки будущих учителей, с учетом трансформационных процессов в структуре и содержании педагогического дискурса в целом и в типологии стратегий педагогического дискурса, позволяет говорить о возможной и обоснованной взаимосвязи двух научных парадигм: теории педагогического дискурса и теории использования программ ИИ в обучении ИЯ. Предлагаемый нами принцип классификации программ ИИ в соответствии со стратегиями педагогического дискурса, которые трансформируются параллельно с изменениями дидактических задач и возможностей ИИ, находит свое логическое продолжение и в системе методической подготовки будущего учителя ИЯ.

Полученные нами результаты исследования могут быть включены в систему профессиональной подготовки педагогических кадров в области языкового образования.

Список источников

1. Шуйская, Ю. В., Дроздова, Е. А., & Мыльцева, М. В. (2023). Привлечение нейросетей к проведению дебатов на иностранном языке на продвинутом этапе его изучения. *МНКО*, 2(99), 216–218.
2. Базанова, Е. М., Горизонтова, А. В., Грибова, Н. Н., Чикаке, Т. М., & Самосяк, А. В. (2023). Разработка и перспективы развития национальной интеллектуальной системы тестирования общезыковых компетенций (ИСТОК) на базе нейросетевых решений. *Высшее образование в России*, 8–9, 147–166.
3. Евдокимова, М. Г., & Агамалиев, Р. Т. (2023). Лингводидактический потенциал систем искусственного интеллекта. *Экономические и социально-гуманитарные исследования*, 2(38), 173–191.

4. Мещерякова, О. В. (2023). Возможности использования искусственного интеллекта для повышения мотивации студентов к изучению иностранных языков в вузе. *Общество: социология, психология, педагогика*, 6(110), 152–160.
5. Титова, С. В. (2024). Технологические решения на базе искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам. *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2, 18–37.
6. Титова, С. В. (2023). Цифровизация языкового образования: от ЭВМ до искусственного интеллекта. *Карта компетенций преподавателя ИЯ в условиях цифровизации* (с. 12–28). Эдитус.
7. Титова, С. В. (2023а). *Цифровая методика обучения ИЯ*. Юрайт.
8. Сысоев, П. В. (2023). Технологии искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам. *Иностранные языки в школе*, 3, 4–16.
9. Сысоев, П. В., & Филатов, Е. М. (2023). Чат-боты в обучении иностранному языку: преимущества и спорные вопросы. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 28(1), 50–56.
10. Сысоев, П. В., Поляков, О. Г., & Евстигнеев, М. Н. (2023). *Обучение иностранному языку на основе технологий искусственного интеллекта*. Коллективная монография. Под науч. ред. П. В. Сысоева. Державинский.
11. Евстигнеев, М. Н. (2024). Принципы обучения иностранному языку на основе технологий искусственного интеллекта. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 29(2), 309–323. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-2-309-323>
12. Костюкович, Е. Ю. (2023). Применение искусственного интеллекта в обучении английскому языку в вузе. *Современное педагогическое образование*, 1, 492–496.
13. Андреева, А. А. (2024). Интеграция чат-бота с функцией глоссария в образовательный процесс высшей школы. *Информация и образование: границы коммуникаций*, 16(24), 345–347.
14. Klimova, B., & Ibna Seraj, P. (2023). The use of chatbots in university EFL settings: Research trends and pedagogical implications. *Frontiers. Psychology*, 14. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1131506>
15. VanLehn, K. (2011). The relative effectiveness of human tutoring, intelligent tutoring systems, and other tutoring systems. *Educational Psychologist*, 46(4), 197–221. <https://doi.org/10.1080/00461520.2011.611369>
16. Arici, F., & Yilmaz, M. (2023). An examination of the effectiveness of problem-based learning method supported by augmented reality in science education. *Journal of Computer Assisted Learning*. Vol. 39, Issue 2, 446–476. <https://doi.org/10.1111/jcal.12752>
17. Hamari, J., Koivisto, J., & Sarsa, H. (2014). Does Gamification Work? A Literature Review of Empirical Studies on Gamification. *Hawaii International Conference on System Sciences*, 3025–3034. <https://doi.org/10.1109/HICSS.2014.377>
18. Карасик, В. И. (2023). Лингвокультурные характеристики педагогического дискурса. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(50), 118–129. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.10>
19. Карасик, В. И. (2002). *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Перемена.

References

1. Shuyskaya, Yu. V., Drozdova E. A., & Myltseva, M. V. (2023). Involvement of neural networks in conducting debates in a foreign language at an advanced stage of its study. *MNKO*, 2(99), 216–218.

2. Bazanova, E. M., Gorizontova, A. V., Gribova, N. N., Chikake, T. M., & Samosyuk, A. V. (2023). Development and development prospects of the national intelligent system for testing general language competencies (ISTOK) based on neural network solutions. *Higher education in Russia*, 8–9, 147–166.
3. Evdokimova, M. G., & Agamaliyev R. T. (2023). Lingvodidactic potential of artificial intelligence systems. *Economic and social-humanitarian studies*, 2(38), 173–191.
4. Meshcherekova, O. V. (2023). Possibilities of using artificial intelligence to increase students' motivation to study foreign languages at a university. *Society: sociology, psychology, pedagogy*, 6(110), 152–160.
5. Titova, S. V. (2024). Technological solutions based on artificial intelligence in teaching foreign languages. *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 2, 18–37.
6. Titova, S. V. (2023). Digitalization of language education: from computers to artificial intelligence. *Map of foreign language teacher competencies in the context of digitalization* (p. 12–28). Editus.
7. Titova, S. V. (2023a). *Digital methods of teaching foreign languages*. Yurait.
8. Sysoev, P. V. (2023). Artificial intelligence technologies in teaching foreign languages. *Foreign languages at school*, 3, 4–16.
9. Sysoev, P. V., & Filatov, E. M. (2023). Chatbots in foreign language teaching: advantages and controversial issues. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 28(1), 50–56.
10. Sysoev, P. V., Polyakov, O. G., & Evstigneev, M. N. (2023). *Teaching a foreign language based on artificial intelligence technologies*. Collective monograph. Under scientific ed. P. V. Sysoev. Derzhavinsky.
11. Evstigneev, M. N. (2024). Principles of teaching a foreign language based on artificial intelligence technologies. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 29(2), 309–323. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-2-309-323>
12. Kostyukovich, E. Yu. (2023). Application of artificial intelligence in teaching English at the University. *Modern Pedagogical Education*, 1, 492–496.
13. Andreeva, A. A. (2024). Integration of a Chatbot with a Glossary Function into the Educational Process of Higher Education. *Information and Education: Boundaries of Communications*, 16(24), 345–347.
14. Klimova, B., & Ibna Seraj, P. (2023). The use of chatbots in university EFL settings: Research trends and pedagogical implications. *Frontiers. Psychology*, 14. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1131506>
15. VanLehn, K. (2011). The relative effectiveness of human tutoring, intelligent tutoring systems, and other tutoring systems. *Educational Psychologist*, 46(4), 197–221. <https://doi.org/10.1080/00461520.2011.611369>
16. Arici, F., & Yilmaz, M. (2023). An examination of the effectiveness of problem-based learning method supported by augmented reality in science education. *Journal of Computer Assisted Learning*. Vol. 39, Issue 2, 446–476. <https://doi.org/10.1111/jcal.12752>
17. Hamari, J., Koivisto, J., & Sarsa, H. (2014). *Does Gamification Work? A Literature Review of Empirical Studies on Gamification*. *Hawaii International Conference on System Sciences*, 3025–3034. <https://doi.org/10.1109/HICSS.2014.377>
18. Karasik, V. I. (2023). Linguocultural characteristics of pedagogical discourse. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(50), 118–129. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.10>
19. Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse*. Peremena.

Информация об авторах / Information about the authors

Надежда Ивановна Алмазова — доктор педагогических наук, профессор, профессор Высшей школы лингвистики и педагогики Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Nadezhda I. Almazova — D. Sc. (Pedagogy), Professor, Professor of the Higher School of Linguistics and Pedagogics of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Людмила Петровна Халяпина — доктор педагогических наук, профессор, профессор Высшей школы лингвистики и педагогики Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Lyudmila P. Khalyapina — D. Sc. (Pedagogy), Professor, Professor of the Higher School of Linguistics and Pedagogics of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научная статья

УДК 378.016:81

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-173-189

ИСКУССТВЕННЫЙ И(ИЛИ) ЕСТЕСТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ И ВЫЗОВОВ

Колесников Андрей Александрович

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

kolesnikov@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6655-1417>

Аннотация. Статья посвящена осмыслению перспектив развития системы языкового образования с учетом влияния двух факторов: 1) усиления роли искусственного интеллекта (ИИ) как ведущего средства обучения, которое воздействует на остальные компоненты системы; 2) необходимости более интенсивного развития естественного интеллекта обучающегося, что включает в себя расширение картины видения мира, развитие универсальных мыслительных действий, формирование глобального (холистического) мышления. Актуальность исследования обусловлена назревшей в научно-методическом сообществе дискуссией о преобразовании классической системы преподавания иностранных языков в свете упомянутых факторов-вызовов. Статья описывает основные взгляды отечественных и зарубежных методистов на проблему и предлагает авторский прогноз перехода от коммуникативной к интеллектуально-личностной системе языкового образования. В статье анализируются возможности ИИ в развитии иноязычной коммуникативной компетенции учащихся и обосновывается двухуровневая образовательная система. Уровень обучения языку должен быть в значительной степени индивидуализирован и реализовываться преимущественно с использованием ИИ, что влечет за собой усиление внимания к универсальным учебным действиям. Уровень интеллектуально-личностного полилингвального/поликультурного образования выходит за рамки коммуникативной компетенции и ориентирован на развитие эрудиции учащихся посредством языков, способствует самоопределению и самовыражению через сознательный выбор наиболее подходящей социально-коммуникативной среды и роли в ней. Второй уровень имеет интегративный характер и объединяет в себе аспекты социогуманитарных и филологических областей. В статье представлено описание возможной организации учебного процесса на обоих уровнях, приведены примеры авторских материалов, предложены варианты реализации второго уровня в виде отдельной дисциплины, либо в рамках курсов по выбору.

Ключевые слова: языковое образование, интеллектуально-личностное полилингвальное/поликультурное образование, искусственный интеллект.

Для цитирования: Колесников, А. А. (2025). Искусственный и(или) естественный интеллект: перспективы языкового образования в контексте интеллектуально-личностных ориентиров и вызовов. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(58), 173–189. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-173-189>

Original article

UDC 378.016:81

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-173-189

ARTIFICIAL AND/OR NATURAL INTELLIGENCE: PERSPECTIVES ON LANGUAGE EDUCATION IN THE CONTEXT OF INTELLECTUAL-PERSONAL BENCHMARKS AND CHALLENGES

Andrei A. Kolesnikov

Moscow City University,

Moscow, Russia,

kolesnikov@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6655-1417>

Abstract. The article discusses the prospects of the language education system, taking into account the influence of two factors: 1) the increasing role of artificial intelligence as a leading tool for learning, which affects other components of the system; and 2) the necessity for more intensive development of the natural intelligence of the learner, which includes expanding their worldview, developing universal cognitive skills, and forming global (holistic) thinking. The relevance of the study is determined by the ongoing discussion regarding the transformation of the classical foreign language teaching system in light of challenges mentioned above and the existing diversity of viewpoints on the matter. The article outlines the main views of methodologists on the issue and offers the author's forecast for the transition from a communicative to an intellectual system of language education. The article examines the possibilities of AI in the development of students' foreign language communicative competence and validates a two-tier educational system. The language learning level should be highly individualized and predominantly realized with the use of AI. The level of intellectual-personal plurilingual/intercultural education goes beyond communicative competence and focuses on the development of students' erudition through languages. It promotes self-determination and self-expression through the conscious choice of the most appropriate socio-communicative environment and role within it. The second level is integrative in nature and combines aspects of a wide range of sociocultural and philological fields. The article presents a description of the possible organization of the learning process at both levels.

Keywords: language education, intellectual-personal plurilingual/pluricultural education, artificial intelligence.

For citation: Kolesnikov, A. A. (2025). Artificial and/or Natural Intelligence: Perspectives on Language Education in the Context of Intellectual-Personal Benchmarks

and Challenges. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(58), 173–189. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-173-189>

Введение

Стремительное развитие образовательных ресурсов на основе технологии искусственного интеллекта (ИИ) ставит правомерный вопрос о перспективах системы обучения иностранным языкам (ИЯ). Методическая система преподавания нашего предмета была обоснована на философском, педагогическом и (лингво)дидактическом уровнях в 70-х годах XX века в докторской диссертации и последующих монографиях И. Л. Бим (Бим, 1977) и до сегодняшнего дня не теряет своей актуальности. Современные системные модели (см., например, (Гальскова, 2018)), на наш взгляд, носят уточняющий характер, но не меняют принципиальным образом базовых основ системы (главные компоненты, их взаимодействие, открытость системы как ее ведущее свойство и пр.). Однако функционал ИИ и его перспективы заставляют современных дидактов и методистов задуматься о наступлении новой эпохи в языковом образовании. И если в одних случаях речь идет о совершенствовании преподавания отдельных аспектов (например, о более эффективном обучении видам речевой деятельности, о формировании лексических навыков, о получении обратной связи, в том числе с использованием обучающих приложений и чат-ботов, и пр., см.: (Авраменко и др., 2024; Мурунов, Поляков, 2024; Bruckner, Chiriac, 2024; Mavropoulou, Arvanitis, 2023; Rudnik, 2024) и др.), то в других случаях авторы констатируют появление нового субъекта в образовательном процессе (Сысоев, 2024; Сысоев, Филатов, 2024; Евстигнеев, 2024), обосновывают новую интеллектуальную систему обучения ИЯ (Титова, Темурян, 2024) и языкового образования в целом (Ноч, 2020), что позволяет говорить именно о системном сдвиге. Также высказываются мнения о скором отказе (за ненадобностью) от коммуникативных приоритетов в обучении языку и возврате преимущественно к тренировочным и условно-речевым заданиям без цели овладеть языком для живого общения (А. С. Шатилов).

В настоящей статье мы постараемся обосновать собственную точку зрения, которая заключается в двух взаимосвязанных тезисах:

а) мы действительно переходим в новую эпоху языкового образования, которая, однако, не заменяет прежней системы возможностями ИИ, а использует эти возможности для усиления таких характеристик существующей системы, как гибкость, автономность, индивидуализация. При этом ИИ как средство адаптивности учебного процесса, персонализации обучения под задачи конкретного обучающегося вплоть до полной его автономии, все же не создает сам новые смыслы, именно поэтому мы не можем рассматривать его в качестве полноценного субъекта, самостоятельно обеспечивающего системность образования;

б) мы действительно должны стремиться к переходу от чисто коммуникативной к интеллектуальной системе языкового образования, под которой, однако, следует понимать систему, ориентированную на *интеллектуальное развитие личности* обучающегося, формирование его кругозора и эрудиции в поликультурном и полилингвальном пространстве. Такой тип образования, безусловно, должен поддерживаться в том числе «построенной на базе ансамбля алгоритмов ИИ адаптивной образовательной системой» (Титова, Темурян, 2024, с. 28), которую, во избежание терминологической путаницы, корректнее называть *цифровой смарт-системой*.

Методология исследования

В качестве методов использованы следующие: изучение актуальной научной литературы по проблеме исследования, системно-структурный и сравнительный анализ, прогнозирование и теоретическое моделирование. Отбор научного материала для изучения осуществлен посредством ресурсов Elibrary, Clarivate (WoS), Elsevier, Research Gate. Особое внимание уделено исследованиям, описывающим вызовы, исходящие от ИИ для современной системы языкового образования, а также характеризующим принципиальные изменения в системе. Анализ проведен в целях выявления схожих и различающихся прогнозов исследователей, на основе чего обоснованы авторские прогнозы будущей модели системы обучения ИЯ и языкового образования в целом.

Результаты исследования

Оценивая актуальные возможности ИИ в организации обучения ИЯ, а также его перспективный потенциал, обратимся к составу иноязычной коммуникативной компетенции и проанализируем степень включенности нейросетей в формирование ее аспектов.

Языковая компетенция. ИИ способен создавать вариативные упражнения на развитие языковых навыков любых типов (Perplexity AI, ChatGPT и др.). В настоящее время ИИ не всегда может выстроить корректную последовательность упражнений в соответствии с этапами формирования навыка, однако эта неточность преодолима за счет более подробной описательной формулировки промпта.

Речевая компетенция. ИИ создает тексты, аналогичные аутентичным, для чтения (см. примеры нейросетей выше) и аудирования (app.twee.com) практически любых жанров и на любом языковом уровне, хотя сложность не всегда соответствует запрашиваемому уровню. Есть возможность создания песен любого музыкального стиля (Suno AI), что можно использовать для организации работы с песенным материалом. ИИ способен разработать серию

упражнений по работе с текстом. В плане развития продуктивных речевых умений учащегося ИИ может вести устный и письменный диалог на заданную тему, проверить высказывание обучающегося, дать оценочный комментарий и советы по улучшению высказывания. Что касается аудиовизуального восприятия (создания и дидактизации видеоконтента), на сегодняшний день качество и возможности ИИ ограничены.

Социокультурная компетенция. В рамках этого компонента наиболее эффективным на сегодняшний день видится использование ИИ при развитии *социолингвистической* субкомпетенции обучающихся. Так, ИИ способен точно и сообразно ситуации / регистру общения подобрать языковые конструкции, оформить высказывание, а также дать необходимые пояснения по поводу уместности использования конструкций. ИИ способен преобразовать текст одного жанра в другой в зависимости от изменившейся ситуации общения (например, личное письмо в деловое, нейтральное объявление или сообщение в рекламу и т. п.) и подробно прокомментировать лингвистические трансформации. Что касается развития страноведческой, общекультурной и предметно-тематической субкомпетенций, ИИ способен дать по запросу культуроведческую справку, рекомендации по речевому и невербальному поведению и другую информацию, а также подготовить материал (текст, аудио) с учетом данной информации. Однако в этой области ИИ может допускать неточности и искажать факты, поэтому требуется верификация созданных им материалов.

Компенсаторная компетенция. ИИ способен упростить языковой материал, пояснить сложные для понимания места, дать рекомендации по использованию компенсаторных стратегий.

Учебная компетенция (универсальные учебные умения). В плане развития регулятивных (метакогнитивных) умений ИИ, опираясь на анализ текущего уровня подготовки учащегося, способен дать рекомендации относительно ближайших целей и планирования самостоятельной работы над языком. Особенно успешно ИИ справляется с обеспечением обратной связи, что способствует рефлексии и самооцениванию (Сысоев, 2023; Сысоев, Филатов, 2024). В области познавательных действий ИИ способен обобщать загруженные в чат или находящиеся в Интернете материалы (в том числе в виде таблиц и графиков), производить отбор данных, классифицировать и систематизировать, искать информацию, отвечать на вопросы пользователя на основе анализа информации. Однако по состоянию на сегодняшний день ИИ может допускать ошибки и неточности при осуществлении познавательных действий, либо выдавать так называемые галлюцинации: вымышленные ответы, созданные самим ИИ на основе выбора случайных данных при недостатке фактической информации. Трудности пока вызывает верификация информации и оценка качества/надежности источников.

В ближайшей перспективе (5–7 лет) следует ожидать, что ИИ будут доступны следующие возможности:

- индивидуализация любых учебников и пособий в соответствии с особенностями учебной группы или отдельного учащегося;
- мгновенное (вос)создание практически любого вспомогательного средства обучения или материала для конкретной учебной ситуации: обучающего плаката, инфографики, короткого видеоролика и т. п.;
- создание устных, письменных, а возможно, и аудиовизуальных продуктов любых жанров на любых языках в соответствии с поставленной коммуникативной задачей (промптом) и на основе загруженных пользователем материалов (либо самостоятельный подбор этих материалов в Интернете);
- наконец, самостоятельное создание полного курса обучения ИЯ, индивидуализированного в соответствии с потребностями и возможностями/способностями конкретного обучающегося, включая создание цифрового аналога образовательной среды в соответствии с параметрами ее эффективности (см.: (Спичко 2004)), а также постоянное сопровождение учащегося (выполнение роли искусственного наставника, доступного в любое время).

Помимо перечисленного, следует также ожидать появления портативных устройств на основе ИИ, позволяющих осуществлять в синхронном режиме качественный устный перевод речи собеседника, передающих ее партнеру по общению через наушник голосом данного собеседника, как если бы он говорил на понятном партнеру языке (последнее ИИ умеет делать уже сегодня).

Неудивительно, что перечисленные возможности ИИ вызывают живой отклик в лингводидактическом сообществе: см., например, подробный анализ в работе (Guo, 2024). Как отмечалось ранее, обсуждаются и аспектные вопросы обучения с использованием ИИ, и вопросы фундаментального характера, затрагивающие системные компоненты языкового образования. Среди прочего высказываются и дискуссионные прогнозы. Например, А. С. Шатилов, выступивший на пленарном заседании Международной научно-практической конференции «Шатиловские чтения. Трансформационные процессы в иноязычном образовании: реальность и перспективы» (31.10.2024)¹, высказал точку зрения, что формирование иноязычной коммуникативной компетенции учащегося в скором будущем окажется невостребованным, так как весь ее функционал будет реализовываться посредством ИИ. Из этого ученый сделал вывод, что обучение ИЯ, скорее всего, вернется к докоммуникативной эре и будет ограничиваться тренировочными и условно-речевыми упражнениями — для общего развития учащихся через знакомство с системой языка.

Полагаем, ИИ действительно возьмет на себя многое из того, что сейчас формируется как совокупность навыков и даже умений в составе компетенции. Однако развитие образования с появлением более совершенных инструментов, способных заменить ряд учебных действий, никогда не разворачивается вспять, а, наоборот, становится более комплексным и интеллектоемким. Приведем

¹ См. видеозапись пленарного заседания конференции здесь: https://vkvideo.ru/video-46508610_456240208

наглядный пример из математики. Повсеместное использование калькуляторов, а затем компьютеров/смартфонов учащимися существенно снизило внимание к арифметическим действиям, однако стало причиной более раннего освоения действий математического анализа (уже в начальной школе), более интенсивного овладения алгебраическими, тригонометрическими операциями и т. д.

Еще одна точка зрения на системную роль ИИ в обучении ИЯ высказывается представителями тамбовской научной школы. По мнению П. В. Сысоева, М. Н. Евстигнеева и др., ИИ следует рассматривать в качестве нового субъекта обучения — наряду с учащимся и учителем (Евстигнеев, 2024; Сысоев, Филатов, 2024) — хотя в ряде случаев делается оговорка, что полноценное обретение ИИ субъектности произойдет в будущем «на определенном этапе» (Сысоев, 2023, с. 17). Мы поддерживаем авторов в их мнении о революционных изменениях, которые влечет за собой развитие ИИ. Однако считаем дискуссионным, что эти изменения сам ИИ «способен произвести в образовательном процессе» или что ИИ способен «поднять преподавание учебных дисциплин (...) на новый по сложности решения когнитивных задач уровень» (Сысоев, Филатов, 2024, с. 39) — поскольку ИИ не понимает в принципе, что он на что-то способен. Сам он ничего не делает сознательно и осмысленно. Названные революционные изменения и преобразования осуществляются именно субъектами образовательного процесса, использующими ИИ как средство/инструмент. ИИ не может управлять учебным процессом или быть субъектом, поскольку, во-первых, не обладает самосознанием, а во-вторых, не принимает никаких решений, а лишь ориентируется на промпты пользователя. Первоисточником всех действий, так или иначе, выступает либо учитель, либо учащийся.

Вместе с тем, как было указано ранее, в ближайшем будущем ИИ по запросу пользователя сможет разрабатывать персонализированный учебный курс и выступать в качестве индивидуального искусственного учителя (что тем не менее не приближает его к субъектности по названным причинам). Однако революционные изменения заключаются совсем не в этом. Настоящая реформа в области обучения языкам (а вероятно, и большинству дисциплин), связанная с применением ИИ, начнется тогда, когда система окончательно разделится на два уровня: уровень *обучения* и уровень *образования*. Не секрет, что разделение этих понятий произошло в дидактике еще в XVIII веке, но именно сейчас мы подходим к тому моменту, когда их разница совершенно ощутимо в практическом смысле повлияет на организацию учебного процесса. Задачей уровня обучения, который вполне сможет находиться под эгидой ИИ, будет формирование учащегося как социального агента (Common European Framework..., 2020), под которым в CEFR понимается субъект, успешно функционирующий в социуме благодаря эффективному использованию совокупности языков для реализации практических целей. Персонификация обучения, реализуемая благодаря возможностям ИИ, достигается за счет хотя и большого количества, но все же шаблонных алгоритмов, которые позволяют субъекту быть успешным функционером, но не созидателем. Задачей же образования станет ориентация

на широкую эрудицию обучающегося, становление человека мыслящего, его самоопределение и самореализацию через решение интеллектуальных задач в таких ситуациях социально-коммуникативной деятельности, которые требуют нестандартных подходов, принципиально новых идей, понимания культурных подтекстов, инициативности и готовности к фасилитации межкультурного взаимодействия даже в проблемной и конфликтогенной среде. Это невозможно без первого уровня, который является фундаментом для второго. Однако *воспитание* представителя интеллектуальной элиты должно происходить в среде не искусственного, а естественного интеллекта другого представителя этой же элиты.

Метафорически выражаясь, обучение посредством ИИ — это хорошая столовая с большим набором готовых блюд. А образование в интеллектуальной среде — это хороший ресторан, где каждое блюдо уникально и неповторимо, а цель посещения гораздо шире задачи получения качественного питания. Обучение ИИ предназначено для социальных агентов, интеллектуальное образование — для социальных мыслителей. Верхний уровень образовательной системы мы рассматриваем как *интеллектуально-личностное полилингвальное/поликультурное образование*.

Обратимся к осмыслению в первом приближении развития языкового образования на двух указанных уровнях.

На наш взгляд, опорной концепцией, позволяющей охарактеризовать преобразования на уровне *обучения*, можно считать теорию К. М. Питихутиса и А. Ал Равахи о «синергетической взаимосвязи множественного человеческого интеллекта и ИИ» при обучении ИЯ. Опираясь на теорию множественного интеллекта Г. Гарднера (Multiple Intelligences theory), где предлагается дифференцировать обучение в зависимости от особенностей языкового, логико-математического, эмоционального, пространственного, межличностного и прочих интеллектов обучающегося (Gardner, 1983), авторы разрабатывают стратегию инкорпорирования ИИ-инструментов для реализации индивидуализированного и персонализированного обучения ИЯ, уделяя особое внимание дифференцированному инструктированию, проектно-ориентированному обучению (Project-Based Learning), вариативности содержания, ситуативному моделированию и учету различных учебных стилей учащихся (Pitychoutis, Al Rawahi, 2024). Несмотря на некоторые терминологические вопросы (речь, скорее, должна идти о вариативных способностях и задатках, а не об интеллектах), проведенное авторами исследование продуктивно по существу, так как обоснованно определяет фундаментальные области в методике обучения ИЯ, где будет особенно ощутимо влияние ИИ. Вероятнее всего, следует ожидать существенной персонализации системы обучения ИЯ с сохранением общего единого результата. ИИ должен выполнять функцию проектировщика индивидуальной образовательной траектории: с учетом особенностей, способностей и установок, интересов каждого учащегося нейросеть может предложить индивидуализированные содержание и приемы обучения в целях развития иноязычной

коммуникативной компетенции. Двигаясь, таким образом, разными маршрутами (и, возможно, в разном темпе), учащиеся должны приходить к установленному стандарту результату: базовому (B1) или углубленному (приближение к B2) уровню владения языком по окончании школы. Непосредственно языковой и речевой тренинг будет представлять собой самостоятельную работу учащегося в диалоге с ИИ; последний примет на себя роли и наставника (персонализированные ознакомительные упражнения), и собеседника (тренировочные и речевые упражнения), и экзаменатора (контрольные упражнения). Работа с учителем будет осуществляться в большей степени в рамках индивидуальных или групповых консультаций, коммуникативных занятий с включением активизирующих коллективных способов деятельности (групп переменного состава, коллаборативного чтения и пр. — того, что нельзя сделать с ИИ), а также при организации промежуточного и итогового контроля. В работе А. Яна осуществлен анализ изменений роли и функций учителя ИЯ в эпоху ИИ: так, учитель будет выступать в роли активного со-учащегося при взаимодействии с ИИ; появятся новые задачи в области посредничества между учащимися и ИИ для обеспечения персонализации, изменится подход к использованию способов и форм обучения, к отбору содержания и оцениванию (Yang, 2024).

Развивая идеи А. Яна, отметим, что изменения произойдут как в задачах обучения типам высказывания, так и в оценивании параметров высказывания. Учитывая, что ИИ способен на высоком уровне грамотности и стилистической корректности создавать тексты всех тех речевых жанров, обучение которым происходит в школе (да и в вузе), самостоятельное создание письменного текста учащимся будет играть гораздо меньшую роль, чем сегодня. Значительное внимание будет уделяться корректному написанию *промптов* — развернутых задач, от правильной формулировки которых зависит качество речевого продукта, создаваемого ИИ. Особым видом деятельности, который войдет в содержание обучения, станет *редактирование* предложенного ИИ текста по целому ряду параметров: языковой правильности, композиционной и стилистической корректности, уместности и пр. Важную роль станет играть *сопоставительный анализ* собственного текста определенного жанра и текста ИИ; а также самостоятельные выводы учащегося (основанные в том числе на рецензии или обратной связи от ИИ) относительно повышения эффективности собственного высказывания. По-видимому, набор обязательных видов деятельности значительно расширится теми, что сейчас редко применяются в силу их сложности. Например, с помощью ИИ учащиеся смогут проводить работу по обобщению ряда текстов (письменные, устные, аудиовизуальные), компаративному анализу их содержания и т. п. Существенное значение приобретут умения верификации представленного ИИ результата, коррекции, переноса на уровень мультимодальности (например, подготовка презентации или видеоподкаста на основе сгенерированных ИИ текстовых данных с последующим обсуждением/дискуссией в очном (классно-урочном) или онлайн-пространстве).

Приобретение ИИ статуса ведущего средства ставит вопрос о трансформации подсистемы средств обучения в целом и роли УМК в частности. Маловероятно, что учебник сохранится в своем классическом формате. Думается, будет существовать некая рамочная модель с открытой архитектурой, заданными параметрами в виде требований к уровню владения языком, предметно-содержательных/тематических требований, форм организации материала и способов его подачи. Наполнение этой модели будет осуществляться ИИ и станет персонализированным для каждого учащегося. Отметим, что тенденции персонализации УМК были описаны методистами еще до эпохи ИИ (Герасимова, 2016; Тарева, Тарев, 2014).

Таковыми, на наш взгляд, будут основные трансформации на уровне обучения языку. Как видим, использование ИИ существенно усилит значимость базовых универсальных учебных умений: анализа, синтеза, преобразования, обобщения и пр. На уровне интеллектуально-личностного полилингвального/поликультурного образования, где ИИ будет выполнять важную, но все же вспомогательную функцию, ведущими станут уже не отдельные учебные действия (или их набор), а более интеллектоемкие и системные виды деятельности, опирающиеся на критическое и креативное мышление и ориентированные на сознательную социализацию обучающегося в условиях социокультурного пространства, выбранного самим субъектом на основе индивидуальных ценностных установок, формирования индивидуализированной (поли) культуры, развития полилингвальной и поликультурной эрудиции. Полагаем, индивидуализация интеллектуально-личностного образования должна основываться на глубоком понимании обучающимся собственного учебного стиля и рациональной организации своей учебной деятельности (см.: Михайлова, Короленко, 2022, с. 11–28), в отличие от предыдущего уровня, где вопросы персонализации делегируются ИИ. Целью такого образования должно стать воспитание личности, принимающей самостоятельные решения с учетом многостороннего и критического изучения положения дел, способной выбрать оптимальный формат коммуникативных действий для достижения эффективного результата, понимать свою ответственность за действия на микро- и макро-социальном (межкультурном) уровнях, распознавать коммуникативные манипуляции (в том числе как элементы мягкой силы при использовании языка, см.: (Тарева, 2016)) и уметь верифицировать информацию через достоверные источники на разных языках.

Нетрудно заметить, что такие цели выходят далеко за рамки дисциплины «Иностранный язык». Наше мнение заключается в том, что описываемый уровень образования требует либо создания особой учебной дисциплины, либо активного подключения элективных курсов, а возможно, и того и другого. Так или иначе, данная дисциплина, реализуемая *средствами* ИЯ (а точнее, с опорой на ряд языков — родной, первый, второй иностранный, что придает ей в полной мере полилингвальный статус), имеет интегративный характер и объединяет в себе аспекты таких дисциплин, как «Иностранный язык»,

«(Лингво)страноведение», «Обществознание», а также привлекает сведения из широкого спектра социогуманитарных и филологических областей (история, литература, культуроведение, русский язык, различные иностранные языки и пр.). Начало изучения подобного курса наиболее целесообразно в 8–9-м классах, когда уже имеется достаточный уровень в изучении первого ИЯ (A2+ / приближение к B1) и хороший задел во втором ИЯ. Основным этапом должны стать 10–11-е классы; курс может быть внедрен также в программу языкового вуза. Организация учебного процесса в рамках данной дисциплины (или курса по выбору) может опираться на принципы интеллектуально-личностного языкового образования, которые были сформулированы нами ранее (Колесников, 2023). Приведем некоторые примеры реализации первого из этих принципов — *развитие эрудиции* — опираясь на проектируемый нами курс «*Германия и Россия в глобальной перспективе*» (для 10–11-х лингвистических классов и начальных курсов языковых вузов; в статье формулировки заданий переведены на русский язык). В нашем понимании указанный принцип определяет развитие лингвистического и социокультурного кругозора, информационной культуры и умений верификации.

Пример 1

Задания на развитие языковой и полилингвальной эрудиции

Имидж страны и человека

1. Изучаем и открываем для себя термины.

А. Прочитайте определение термина «имидж». Самостоятельно определите словосочетание «имидж государства». Сравните определения «имидж государства» и «стереотип». Что общего между этими терминами? В чем разница? Какой термин является более полным?

Б. Поработайте с корпусом немецкого языка DWDS (<https://www.dwds.de/>).

- Найдите термин *Landesimage* в: а) текстовых корпусах, б) статистике.
- Из каких источников взяты примеры с этим словом? В каком стиле написаны эти тексты? Много ли раз встречается это слово? Сделайте выводы.
- Проанализируйте кривую продвижения термина *Landesimage* в разделе «Статистика слов».

В. Развиваем многоязычную компетенцию.

- Найдите составные слова с элементом *-image-*. Используйте DWDS или Duden. Прочитайте 5–7 примеров и переведите их на русский язык. В каких сферах используются эти термины?
- Найдите сложные слова или словосочетания с элементом *-image-* в других языках. Какие из них совпадают с немецкими словами: а) по форме, б) по диапазону значений? С помощью чего вы это определите?

2. Самостоятельно сформулируйте определение «имидж человека». Сравните со словарем. Какую роль играют стереотипы в формировании имиджа? Что общего между имиджем человека и государства?

Пример 2

Задания, объединяющие расширение социокультурного кругозора, развитие полилингвальных умений и глобального мышления

А. Прочитайте следующие цитаты, касающиеся предрассудков, знаний и образования. Выберите 2–3 фразы, с которыми вы согласны, и дайте краткий комментарий. Есть ли здесь что-то, с чем вы не согласны? Почему?

Das Vorurteil ist das Kind der Unwissenheit. (William Hazlitt)

Durch die Gasse der Vorurteile muss die Wahrheit ständig Spießruten laufen. (Indira Gandhi)

Die Unwissenheit ist weniger weit von der Wahrheit entfernt als das Vorurteil. (Denis Diderot)

Prinzipien — ein anderes Wort für Vorurteile. (Mark Twain)

(...)

Знаете ли вы, кто эти люди? Дайте краткий ответ, например: *Индира Ганди* (* 19 ноября 1917 года в Аллахабаде; † 31 октября 1984 года в Нью-Дели) — индийский политический деятель.

Проанализируйте словообразование термина «Vorurteil» в разных языках. Сделайте выводы о том, как формируется семантика.

Русский: *предубеждение*

Немецкий: *Vorurteil*

Английский: *prejudice*

Французский: *préjugé*

Другие языки: ...

Используя образные выражения из цитат, переведите на немецкий язык следующие предложения и продолжите их собственными рассуждениями: (...)

Б. Знания и предрассудки тесно связаны между собой. В небольших группах обсудите примеры, доказывающие следующее:

- Знания могут помочь нам преодолеть предрассудки.
- Знания также могут способствовать укреплению предрассудков.

Пример 3

Задания, ориентированные на выявление информационных манипуляций и способы верификации

1. Прочитайте три короткие статьи. Какая из них: а) объективная и достоверная, б) развлекательная и клишированная, в) похожа на таблоид? Объясните свое мнение, обращая внимание на стиль языка и оформление текста.

2. Найдите в статьях описание подготовки к Олимпиаде 2014 года. Что отличает эти описания? С помощью каких языковых средств и стилистических приемов формируется мнение читателя?

3. Ниже приведен список источников на разных языках, которые могут помочь верифицировать информацию из прочитанных статей. Найдите в Интернете описания / характеристики данных источников. Обоснуйте, какие из них вы бы стали использовать для верификации, а какие — нет. Верифицируйте на основе выбранных источников информацию об Олимпиаде из статей.

В рамках реализации этого же принципа предлагаются задания на разновую самостоятельную работу с моно- или полилингвальными источниками. Учащиеся образуют мини-группы, каждая из которых работает на своем уровне учебной автономии: а) с предложенным в пособии материалом на одном (немецком) языке, б) с рекомендованными параллельными интернет-материалами на немецком, английском и русском языках по предложенному плану работы, в) полностью самостоятельно с рекомендованными источниками на известных и неизвестных языках, самостоятельно определяя план и стратегию работы в целях выполнения поставленной задачи (высший уровень сложности и учебной автономии).

Реализация других принципов, таких как принципы интеллектуальной самоидентификации, интеллектуальной социализации, интеллектуальной продуктивности, требует еще большей интеграции с перечисленными ранее научными областями, а также использование ряда авторских способов организации работы. Например, в соответствии с принципом интеллектуальной социализации учащийся самостоятельно и сознательно выбирает область коммуникативной самореализации (в том числе из профессиональных сфер: журналистика, туризм, реклама и пр.) и соответствующие речевые жанры для своего высказывания. С помощью ИИ он может преобразовать исходный образец текста в жанровые продукты перечисленных ранее областей и сделать вывод, в какой коммуникативной области ему было бы интереснее самореализоваться. Принцип интеллектуальной самоидентификации предполагает работу по разрабатываемой нами технологии языкового поликультурного автопортрета, на основе которой происходит осмысление ценностной картины мира в изучаемых культурах и сознательный поиск своей уникальной идентичности (Колесников, 2023). Заметим, что способность к самоопределению при изучении языков исследователи рассматривают как приоритетную задачу *воспитания* в русле метапредметного языкового образования (Тарева, 2022).

Заключение

Обобщая сказанное, вернемся к обозначенной во введении проблеме трансформации методической системы преподавания ИЯ. Сохраняя свои основные компоненты, эта система, спроектированная И. Л. Бим в единой плоскости, теперь становится многоуровневой. Первый — базовый уровень обучения — характеризуется существенным усилением роли ИИ как ведущего средства.

Под руководством учителя и самого учащегося нейросеть организует учебный процесс с учетом заданных целей и принципов (не исключено, что ИИ на основе анализа большого массива реальных данных сможет предложить уточнения для компонентного состава этих категорий), обеспечивая индивидуализированное проектирование содержания, использование приемов и технологий обучения. Такое обучение направлено на развитие способности успешного коммуникативного функционирования в диверсифицированном многоязычном обществе. Основным учебным результатом на этом уровне служит овладение базовыми учебными действиями и заданными моделями коммуникативного поведения в рамках определенного набора коммуникативных ситуаций. Второй уровень системы — образовательный — по своим целевым установкам выходит за рамки развития иноязычной коммуникативной компетенции (как и отдельных учебных умений) и определяет в качестве ожидаемого результата развитие человека эрудированного, понимающего особенности и значимость разных культурно-языковых и информационных/коммуникативных контекстов, готового к осмысленному самоопределению на основе осознания своей идентичности, социальной ответственности, формирования собственных установок; к самовыражению через сознательный выбор наиболее подходящей для него социально-коммуникативной среды и роли в ней. ИИ здесь используется исключительно как вспомогательный инструмент. Образование, воспитание мыслящей личности, готовой порождать новые идеи, создавать новые смыслы в коммуникации возможно только другой личностью, обладающей всеми перечисленными качествами. Данный факт одновременно представляет собой большой вызов для учителя ИЯ. Очевидно, что в эпоху ИИ не понадобятся среднестатистические учителя, способные лишь транслировать опыт и осуществлять языковой тренинг (это гораздо лучше сделает ИИ). Будет востребован учитель-новатор, мыслитель, представляющий собой уникальное явление в языковом образовании.

Список источников

1. Бим, И. Л. (1977). *Методика обучения иностранным языкам как наука и проблема школьного учебника*. Русский язык.
2. Гальскова, Н. Д. (2018). Современная система обучения иностранным языкам: понятие и особенности. *Иностранные языки в школе*, 5, 2–12.
3. Авраменко, А. П., Тарасов, А. А., Никитина, Т. С., & Чеканов, А. А. (2024). Дидактический потенциал и ограничения ChatGPT для выполнения письменных заданий. *Иностранные языки в школе*, 3, 33–38.
4. Мурунов, С. С., & Поляков, О. Г. (2024). Методическая обратная связь от ChatGPT на занятиях по иностранному языку. *Иностранные языки в школе*, 3, 47–54.
5. Bruckner, A., & Chiriac, A. (2024). An overview of the potentials of artificial intelligence tools in foreign language teaching. *Linguaculture*, 15(Special Issue), 29–43. <https://doi.org/10.47743/lincu-2024-si-0385>
6. Mavropoulou, E., & Arvanitis, P. (2023). Integration of artificial intelligence on teaching and learning french as foreign language: a case study. *ICERI 2023 Proceedings*, 7591–7595. <https://doi.org/10.21125/iceri.2023.1897>

7. Rudnik, Y. (2024). The use of artificial intelligence chatbots in teaching foreign languages as an innovative interactive technology. *Educological Discourse*, 45(2), 16–24. <https://doi.org/10.28925/2312-5829.2024.2.2>
8. Сысоев, П. В. (2024). Принципы обучения иностранному языку на основе технологий искусственного интеллекта. *Иностранные языки в школе*, 3, 6–17.
9. Сысоев, П. В., & Филатов, Е. М. (2024). Методика обучения учащихся и студентов написанию эссе в триаде «обучающийся – преподаватель – искусственный интеллект». *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2, 38–54. <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-27-2-3>
10. Евстигнеев, М. Н. (2024). Ключевые вопросы обучения иностранному языку на основе искусственного интеллекта. *Иностранные языки в школе*, 3, 18–24.
11. Титова, С. В., & Темурян, К. Т. (2024). Интеллектуальная система обучения иностранным языкам: типы, структура, принципы проектирования. *Иностранные языки в школе*, 3, 25–32.
12. Hou, Y. (2020). Foreign language education in the era of artificial intelligence. In M. Atiquzzaman, N. Yen, Z. Xu. (Eds.). *Big data analytics for cyber-physical system in Smart City. BDCPS 2019. Advances in Intelligent Systems and Computing*, 1117, 937–944. Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-15-2568-1_128
13. Сысоев, П. В. (2023). Искусственный интеллект в образовании: осведомленность, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности. *Высшее образование в России*, 32(10), 9–33. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33>
14. Спичко, Н. А. (2004). Образовательная среда в обучении иностранным языкам. *Иностранные языки в школе*, 5, 44–48.
15. Guo, R. (2024). A comparative analysis of characteristics and trends of artificial intelligence and foreign language education at home and abroad. *Region – Educational Research and Reviews*, 6(6), 239–243. <https://doi.org/10.32629/rerr.v6i6.2255>
16. *Common European framework of reference for languages: learning, teaching, assessment. Companion volume.* (2020). Council of Europe Publishing. <https://www.coe.int/en/web/common-european-framework-reference-languages>
17. Gardner, H. (1983). *Frames of mind: The theory of multiple intelligences*. Basic Books.
18. Pitychoutis, K. M., & Al Rawahi, A. (2024). Smart teaching: the synergy of multiple intelligences and artificial intelligence in english as a foreign language instruction. *Forum for Linguistic Studies*, 6(6), 249–260. <https://doi.org/10.30564/fls.v6i6.7297>
19. Yang, A. (2024). Challenges and opportunities for foreign language teachers in the era of artificial intelligence. *International Journal of Strategic Research in Education, Technology and Humanities*, 12(1), 110–123. <https://doi.org/10.48028/iiprds/ijrsreth.v12.i1.07>
20. Герасимова, С. А. (2016). Архитектоника индивидуально ориентированного учебника иностранного языка. *Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование*, 4(24), 95–103.
21. Тарева, Е. Г., & Тарев, Б. В. (2014). Инновационный потенциал образовательных традиций: учебник иностранного языка открытого типа. *Вопросы методики преподавания в вузе: ежегодный сборник*, 3(17), 364–373.
22. Михайлова, С. В., & Короленко, О. И. (Ред.). (2022). *Terra autonotia: преопределяя будущее иноязычного образования в автономном вузе*. Языки Народов Мира.

23. Тарева, Е. Г. (2016). Обучение языку и культуре: инструмент «мягкой силы»? *Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование*, 3(23), 94–101.
24. Колесников, А. А. (2023). Принципы интеллектуально ориентированного языкового образования. *Иностранные языки в школе*, 2, 7–16.
25. Тарева, Е. Г. (2022). Языковое образование: векторы трансформации. *Иностранные языки в школе*, 10, 5–10.

References

1. Bim, I. L. (1977). *Methodology of teaching foreign languages as a science and a problem of a school textbook*. Russkij yazy`k. (In Russ.).
2. Gal'skova, N. D. (2018). The modern system of teaching foreign languages: concept and features. *Inostranny`e yazy`ki v shkole*, 5, 2–12. (In Russ.).
3. Avramenko, A. P., Tarasov, A. A., Nikitina, T. S., & Chekanov, A. A. (2024). Prospects and limitations of ChatGPT for performing writing tasks. *Inostranny`e yazy`ki v shkole*, 3, 33–38. (In Russ.).
4. Murunov, S. S., & Polyakov, O. G. (2024). Methodological feedback from ChatGPT in the English language classroom. *Inostranny`e yazy`ki v shkole*, 3, 47–54. (In Russ.).
5. Bruckner, A., & Chiriac, A. (2024). An overview of the potentials of artificial intelligence tools in foreign language teaching. *Linguaculture*, 15(Special Issue), 29–43. <https://doi.org/10.47743/lincu-2024-si-0385>
6. Mavropoulou, E., & Arvanitis, P. (2023). Integration of artificial intelligence on teaching and learning french as foreign language: a case study. *ICERI 2023 Proceedings*, 7591–7595. <https://doi.org/10.21125/iceri.2023.1897>
7. Rudnik, Y. (2024). The use of artificial intelligence chatbots in teaching foreign languages as an innovative interactive technology. *Educological Discourse*, 45(2), 16–24. <https://doi.org/10.28925/2312-5829.2024.2.2>
8. Sysoyev, P. V. (2024). Principles of teaching a foreign language based on artificial intelligence technologies. *Inostranny`e yazy`ki v shkole*, 3, 6–17. (In Russ.).
9. Sysoyev, P. V., & Filatov, Ye. M. (2024). Methods of teaching students to write essays in the triad «student – teacher – artificial intelligence». *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 2, 38–54. <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-27-2-3> (In Russ.).
10. Yevstigneyev, M. N. (2024). Key issues of teaching a foreign language based on artificial intelligence. *Inostranny`e yazy`ki v shkole*, 3, 18–24. (In Russ.).
11. Titova, S. V., & Temuryan, K. T. (2024). Intelligent learning system for language teaching: types, structure, design principles. *Inostranny`e yazy`ki v shkole*, 3, 25–32. (In Russ.).
12. Hou, Y. (2020). Foreign Language Education in the Era of Artificial Intelligence. In M. Atiquzzaman, N. Yen, Z. Xu (Eds.). *Big data analytics for cyber-physical system in Smart City. BDCPS 2019. Advances in Intelligent Systems and Computing*, 1117, 937–944. Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-15-2568-1_128
13. Sysoyev, P. V. (2023). Artificial intelligence in education: awareness, readiness and practice of using artificial intelligence technologies by higher education teachers in their professional activities. *Higher Education in Russia*, 32(10), 9–33. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33> (In Russ.).
14. Spichko, N. A. (2004). Educational environment in teaching foreign languages. *Inostranny`e yazy`ki v shkole*, 5, 44–48. (In Russ.).

15. Guo, R. (2024). A comparative analysis of characteristics and trends of artificial intelligence and foreign language education at home and abroad. *Region – Educational Research and Reviews*, 6(6), 239–243. <https://doi.org/10.32629/rerr.v6i6.2255>
16. *Common European framework of reference for languages: learning, teaching, assessment. Companion volume.* (2020). Council of Europe Publishing. <https://www.coe.int/en/web/common-european-framework-reference-languages>
17. Gardner, H. (1983). *Frames of mind: The theory of multiple intelligences*. Basic Books.
18. Pitychoutis, K. M., & Al Rawahi, A. (2024). Smart Teaching: The Synergy of Multiple Intelligences and Artificial Intelligence in English as a Foreign Language Instruction. *Forum for Linguistic Studies*, 6(6), 249–260. <https://doi.org/10.30564/fls.v6i6.7297>
19. Yang, A. (2024). Challenges and opportunities for foreign language teachers in the era of artificial intelligence. *International Journal of Strategic Research in Education, Technology and Humanities*, 12(1), 110–123. <https://doi.org/10.48028/iiprds/ijstreth.v12.i1.07>
20. Gerasimova, S. A. (2016). Architectonics of an individually oriented foreign language textbook. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(24), 95–103. (In Russ.).
21. Tareva, E. G., & Tarev, B. V. (2014). Innovative potential of educational traditions: an open-type foreign language textbook. *Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze: yezhegodnyy sbornik*, 3(17), 364–373. (In Russ.).
22. Mikhailova, S. V., & Korolenko, O. I. (Eds.). (2022). *Terra autonomia: Predetermining the Future of Foreign Language Education in an Autonomous University*. Yazyki Narodov Mira. (In Russ.).
23. Tareva, E. G. (2016). Teaching language and culture: an instrument of «soft power»? *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(23), 94–101. (In Russ.).
24. Kolesnikov, A. A. (2023). Principles of intellectually oriented language education. *Inostranny`e yazy`ki v shkole*, 2, 7–16. (In Russ.).
25. Tareva, E. G. (2022). Language education: transformation vectors. *Inostranny`e yazy`ki v shkole*, 10, 5–10. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Андрей Александрович Колесников — доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры германистики и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ.

Andrei A. Kolesnikov — D. Sc. (Pedagogy), Docent, Professor of German Studies and Linguodidactics Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 378.016:81'322.4

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-190-202

ПОНИМАНИЕ КАК ДИАЛОГ С ТЕКСТОМ: ГЕНЕРАТИВНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ

Вишневская Екатерина Михайловна¹,

Иванова Анна Михайловна²

^{1, 2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

¹ vishnevskayaem@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1044-1427>

² ivanovaam@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7239-5580>

Аннотация. Статья посвящена вопросам, связанным с обработкой естественного языка при помощи программ, основанных на алгоритмах генеративного искусственного интеллекта. Авторы анализируют процесс письменного перевода с применением программных продуктов, способствующих его автоматизации, с точки зрения обучения будущих переводчиков, развития у них цифровой компетентности и готовности осознанно выбирать и применять различные информационные технологии на всех этапах своей профессиональной деятельности. В работе описывается феномен понимания текста и его различные трактовки с позиций герменевтики, психологии, лингводидактики, когнитивной и компьютерной лингвистики. Авторы анализируют причины, приводящие к ошибкам студентов-переводчиков при постредактировании результатов машинного перевода с использованием систем нейронного машинного перевода (НМП) и больших лингвистических моделей (Large Language Models (LLM)). В работе применены теоретические методы исследования (анализ и синтез, моделирование), а также сравнительно-сопоставительный метод, позволяющий интерпретировать эмпирический материал. Выявлена специфика машинного перевода в сопоставлении с традиционным профессиональным, которая заключается в отсутствии на сегодняшний день возможности полной интерпретации оригинального текста, связанного с фоновым, прагматическим, аксиологическим и прочими контекстами. Несмотря на то что системы нейронного машинного перевода в значительной степени автоматизируют работу с текстом, остается острая необходимость в постпереводческом редактировании, обучение которому выходит на первый план подготовки современных будущих переводчиков.

Ключевые слова: понимание текста, генеративный искусственный интеллект, нейронный машинный перевод, большие лингвистические модели, постпереводческое редактирование.

Для цитирования: Вишневская, Е. М., Иванова, А. М. (2025). Понимание как диалог с текстом: генеративный искусственный интеллект в обучении переводу. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(58), 190–202. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-190-202>

Original article

UDC 378.016:81'322.4

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-190-202

COMPREHENSION AS A DIALOGUE WITH THE TEXT: GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN TRANSLATION TRAINING

Ekaterina M. Vishnevskaya¹,Anna M. Ivanova²^{1, 2} Moscow City University,
Moscow, Russia,¹ vishnevskayaem@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1044-1427>² ivanovaam@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7239-5580>

Abstract. This paper explores the challenges associated with natural language processing using software programs that employ generative artificial intelligence algorithms. The authors analyze the automated process of written translation facilitated by these software products and examine the implications of such automation for the training of would-be translators, particularly in the context of enhancing their digital competencies. The study underscores the necessity of equipping students with the ability to consciously select and implement diverse information technologies throughout all phases of their professional endeavors. Furthermore, the research explores the phenomenon of text comprehension from multiple perspectives, including hermeneutics, psychology, linguistic didactics, as well as cognitive and computational linguistics. The authors investigate the underlying causes of errors made by students during the post-editing of machine translation outputs generated by neural machine translation (NMT) systems and large language models (LLMs). The methodological approach employed in this study encompasses analysis, synthesis, modeling, and comparative methods, thereby facilitating a comprehensive interpretation of the collected empirical data. The results indicate notable distinctions between machine translation and conventional professional translation, particularly highlighting the limitations in full text comprehension that stem from extralinguistic factors, including background knowledge, pragmatics, and axiology. Despite the substantial advancements in text analysis introduced by neural machine translation systems, the post-translation editing process remains a crucial final step. These findings emphasize the importance of incorporating post-editing training into the curricula of aspiring translators to better prepare them for the practical use of machine translation in real-world scenarios.

Keywords: text comprehension, generative artificial intelligence, neural machine translation, large linguistic models, post-editing of machine translation.

For citation: Vishnevskaya, E. M., Ivanova, A. M. (2025). Comprehension as a dialogue with the text: generative artificial intelligence in translation training. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(58), 190–202. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-190-202>

Введение

В эпоху цифровизации особенно актуальными становятся вопросы взаимодействия между человеком и программным обеспечением, способным анализировать, генерировать и переводить тексты на естественном языке. В настоящее время наблюдается значительный прогресс в области обработки естественного языка (Natural Language Processing) и машинного обучения, что подчеркивает необходимость глубокого понимания того, как специалист (лингвист, переводчик, педагог) взаимодействует с результатами обработки текстовых данных, а также интерпретирует эти результаты обучения.

Овладение навыками использования программ обработки естественного языка, основанных на алгоритмах генеративного искусственного интеллекта, для решения профессиональных задач является неотъемлемой частью цифровой компетентности переводчика, понимаемой как готовность и способность осознанно выбирать и применять различные информационные технологии на всех этапах своей профессиональной деятельности (Гавриленко, 2018, с. 146). Как следствие, в рамках языкового образования важной представляется адекватная оценка преимуществ и недостатков использования той или иной цифровой технологии (Сулейманова и др., 2019; Тарева, 2018; Тивьяева, Михайлова, 2025; Иванова, Начинкина, 2024), а также тестирование новых программных продуктов, перед тем как включить их в образовательную программу, например, чтобы определить, насколько они могут быть эффективны в целях автоматизации тех или иных этапов процесса перевода.

Текст на естественном языке, выступающий объектом профессиональной деятельности переводчика, можно рассматривать как сложное познавательное-коммуникативное и социальное явление (Дейк ван, 1989). Феномен понимания текста индивидом на протяжении нескольких десятилетий представляет собой одно из фундаментальных направлений в области гуманитарных исследований, включая философскую герменевтику, психологию, психолингвистику, теорию коммуникации, теорию текста и др.

Несмотря на различия в трактовках, понимание текста во всех областях гуманитарного знания описывается как многоаспектное целое — языковое понимание (осмысление внешней структуры текста и его семантическая интерпретация) предполагает переработку информации, направленную на извлечение нужных читателю смыслов. В герменевтике понимание текста на естественном языке индивидом представлено в качестве познавательного процесса, направленного как на установление и воссоздание (экспликацию) первоначальной (имплицитной) идеи автора, так и на создание нового знания и смысла читателем в процессе интерпретации текста (Богин, 2001). В психологии и лингводидактике значительное внимание уделяется описанию проблемы формирования умения понимать текст у детей, данный процесс характеризуется внутренней активностью читателя, состоящей в диалоге с текстом, который опирается не только на непосредственно лингвистическую составляющую текста (текстовые сигналы),

но и на воображение, сохранение в памяти необходимой информации и сопоставление текстовых смыслов с личным опытом. Итогом такого понимания становится выделение концепта текста, обеспечивающее возможность дальнейших манипуляций: воспроизводить содержание текста (в том числе в диалогической форме «вопрос – ответ»), делить текст на части, ранжировать информацию на главную и второстепенную, определять смысл текста в целом (Соболева, 2010, с. 11). Данные когнитивной лингвистики свидетельствуют о том, что дети рано овладевают формализованным механизмом языка, позволяющим распознавать поверхностные и глубинные синтаксические структуры, но для семантической интерпретации единиц в контексте и снятия неоднозначности требуется развитие логического мышления и определенная сумма знаний о мире, позволяющие делать умозаключения по смыслу текста (Измайлова, Токатова, 2014).

В компьютерной лингвистике понимание текста на естественном языке сводится к вопросу снятия неоднозначности на лексическом, синтаксическом и семантическом уровнях при анализе текста компьютерной программой. Неоднозначность является основной проблемой обработки естественного языка, которая получает различные технологические решения, в том числе через внедрение методов обучения глубоких нейронных сетей. Нейросетевые технологии обработки естественного языка демонстрируют высокую эффективность и перспективность в решении различных задач, связанных с анализом и генерацией текста, в том числе в машинном переводе, создавая у пользователей ложное впечатление, что машина понимает текст, так же как и человек-переводчик, а результаты машинного перевода не нуждаются в корректировке или могут быть скорректированы самой программой по дополнительному запросу.

В настоящей статье рассматриваются причины, приводящие к ошибкам, допускаемым студентами-переводчиками в процессе постредактирования результатов машинного перевода с использованием систем нейронного машинного перевода и больших лингвистических моделей (Large Language Models) — программ, основанных на алгоритмах генеративного искусственного интеллекта. Авторы полагают, что такого рода ошибки возникают по причине отсутствия у студентов достаточных знаний о феномене понимания текста на естественном языке, а также о технологиях автоматического понимания текста, включая принципы работы систем машинного перевода на основе нейронных сетей и специфику текстов, генерируемых такими системами.

Методика исследования

Выбранные авторами методические подходы отражают междисциплинарный характер исследования. Авторы работы опирались на общие теоретические методы исследования (анализ и синтез, моделирование), а также сравнительно-сопоставительный метод, дающий возможность интерпретировать эмпирический материал исследования (примеры переводов, выполненные традиционным образом

и с применением нейросетевых технологий). С помощью сравнительно-сопоставительного метода в дидактических исследованиях можно получать, классифицировать, оценивать и генерализировать через эмпирическое наблюдение данные, а также стандартизировать приемы и исходные параметры наблюдения. Также авторы руководствовались методом вероятностного прогнозирования дидактического потенциала применения систем нейронного машинного перевода и больших лингвистических моделей в ходе обучения будущих переводчиков и развития у них цифровой компетенции в рамках профессиональной деятельности.

В ходе практической части исследования в качестве экспериментального материала авторами был выбран фрагмент англоязычного технического пособия о легких металлах объемом 4,25 переводческой страницы. Рассматриваемые далее три профессиональных перевода включают в себя официально опубликованный перевод пособия, а также два тренировочных перевода, выполненных традиционным образом профессиональными переводчиками в рамках курса повышения квалификации. В трех профессиональных переводах были отмечены небольшие смысловые расхождения, которые, как представляется, наглядно иллюстрируют субъективность процесса понимания (интерпретации) текста индивидом.

Машинные переводы фрагмента получены с использованием системы нейронного машинного перевода DeepL и больших лингвистических моделей ChatGPT и Yandex GPT; в единообразных результатах машинного перевода были отмечены смысловые и фактические искажения, объяснимые спецификой автоматического понимания текстов и подлежащие устранению в ходе постредактирования.

Особенности и качество постредактирования результатов нейронного машинного перевода этого же фрагмента текста анализировались на материале учебных переводов, выполненных студентами второго курса бакалавриата, направление подготовки «Лингвистика. Перевод и переводоведение (английский язык)», в рамках дисциплины «Основы цифровизации переводческой деятельности». Постредактирование машинного перевода в ходе аудиторной лабораторной работы (т. е. в одинаковых условиях) выполнили 24 студента; черновой машинный перевод, согласно техническому заданию, мог быть создан с помощью программ DeepL, SmartCAT AI или Yandex GPT. В полученных учебных переводах были отмечены искажения и неточности (смысловые, дискурсивные), совершенные программами нейронного машинного перевода и не устраненные студентами в ходе постредактирования.

Результаты и обсуждение

Как было отмечено ранее, существуют принципиальные различия между пониманием текста на естественном языке человеком и автоматическим пониманием текста, реализованным в технологиях обработки естественного языка, в частности в программных продуктах на основе искусственного интеллекта для анализа и генерации текстов типа «большая лингвистическая (языковая) модель» (Large Language Model).

В работах по когнитивным моделям понимания текста В. Кинча и Т. ван Дейка отмечается, что при чтении текста его поверхностная структура (слова и их расположение в тексте относительно друг друга) интерпретируется как набор предложений-высказываний — форм для представления некоторого содержания (смысла). Если некоторые семантические отношения между предложениями эксплицитно выражены в поверхностной структуре дискурса, то другие выводятся индивидом в процессе интерпретации на основе внутренней когнитивной информации (когнитивных прессупозиций) и широкого социокультурного контекста (Кинч, Дейк ван, 1988). В данной модели понимания (как и в других, приведенных ранее) подчеркивается, что понимание текста включает в себя придание ему личного значения или толкования, которое изначально в текст не включено, и опирается на уже имеющиеся у индивида знания о мире.

Согласно модели А. Грейссера и Л. Кларка, для понимания текста необходимы четыре вида знаний (Graesser, Clark, 1985):

- лингвистические знания о языке и его уровнях, позволяющие узнавать лингвистический материал (слова, синтаксические конструкции, стилистические средства и т. д., представленные в тексте);
- структуры знаний, хранящиеся в долговременной памяти понимающего индивида; эти структуры знаний (концепты) могут быть общими и индивидуальными;
- цели индивида, читающего текст (значение текста меняется, когда к тексту обращаются для разных целей);
- прагматический контекст общения (социальные отношения между читателем и автором, общие знания участников коммуникативного акта, социальные отношения, идеологическая составляющая).

Если база знаний читателя обширна, в процессе понимания текста генерируется больше выводов (интерпретаций). Таким образом, понимание текста индивидом имеет субъективную природу, и понимание (интерпретация) конкретного текста в определенный момент будет основано не только на информации, непосредственно в него включенной, но и на личных ассоциациях, опыте и широком (вертикальном) контексте. Как следствие, в традиционных переводах, выполненных профессиональными переводчиками, можно наблюдать определенную вариативность в трактовках смыслов оригинального текста, отсутствующую в машинном переводе (см. табл. 1–2).

Сложность когнитивного процесса понимания текста на естественном языке делает автоматизацию этого процесса труднорешаемой задачей. Хотя в качестве идеала развития технологии обработки естественного языка постулируется возможность интеллектуальной интерпретации текстов, включающей в себя не только лингвистическое (де)кодирование, но и наличие у программы общих знаний о мире и возможностей учета контекста общения, интенций автора и значения текста для читателей, такое интеллектуальное понимание текстов пока не может быть реализовано автоматическими средствами. Главная проблема автоматического понимания текста касается моделирования отмеченных трех видов знаний, помимо лингвистических: непонятно, каким

Таблица 1 / Table 1

**Вариативность в интерпретациях смыслов оригинального текста
в профессиональных переводах**

Professional translations offering varying interpretations of the source text

Оригинал	Переводчик 1	Переводчик 2	Переводчик 3
It [beryllium] was first isolated independently by Wöhler and Bussy in 1828 who reduced the chloride with potassium	Чистый бериллий был выделен в 1828 году двумя химиками, Фридрихом Вёлером и Антуаном Бюсси, которые независимо друг от друга восстановили хлорид бериллия калием	В 1828 году Фридрих Вёлер и Антуан Бюсси независимо друг от друга восстановили хлорид бериллия калием	Независимо от Воклена , он впервые был выделен в 1828 году Велером и Бюсси, которые восстановили хлорид калием

Таблица 2 / Table 2

**Отсутствие интерпретаций оригинального текста
в нейронном машинном переводе и единообразии результатов**

**Neural machine translation systems not attempting
to interpret the source text, producing uniform results**

Оригинал	DeepL	Chat GPT	Yandex GPT
It [beryllium] was first isolated independently by Wöhler and Bussy in 1828 who reduced the chloride with potassium	Впервые он был выделен независимо Вёлером и Бюсси в 1828 году, которые восстановили хлорид калием	Впервые он был независимо выделен Вёлером и Бюсси в 1828 году, когда они восстановили хлорид с помощью калия	Впервые он был выделен независимо Вёлером и Бюсси в 1828 году, которые восстановили хлорид бериллия калием

образом можно смоделировать знания о целях и убеждениях, ценностях и эмоциональных состояниях коммуникантов, о прагматическом контексте общения и т. д. Исследователей также беспокоит вопрос вычислительной сложности (computational complexity) подобных алгоритмов и потенциальные проблемы, которые могут возникнуть при взаимодействии различных структур знаний.

Понимание текста на естественном языке в большой языковой модели опирается на несколько методов. Наиболее известный — метод векторного представления слов, или эмбеddинг, суть которого заключается в преобразовании слова в вектор (набор чисел фиксированного размера), отражающий его семантические характеристики, на основе анализа его дистрибуции в массиве тренировочных данных. Предложения при этом разделяются на неупорядоченные слова (токены — единицы анализа), вследствие чего теряется первоначальная семантика текста (Прошина, 2020). В программах нейронного машинного перевода реализуется архитектура глубоких нейронных сетей Transformer,

которая позволяет максимально эффективно соотносить одно слово с другим в контексте и снимать семантическую и синтаксическую неоднозначность через использование механизма (само)внимания (self-attention). Векторные представления каждого слова в предложении, полученные при контекстно независимой интерпретации слова, дополняются вычисляемыми векторами меньшей длины, кодирующими некоторое представление об отношениях между токенами: если дополнительные векторы слов расположены близко друг к другу, то ассоциируемые с этими словами значения, скорее всего, влияют на смысл друг друга (Alammar, Grootendorst, 2024).

Таким образом, автоматическое понимание текста принципиально отличается от познавательных моделей, свойственных человеку, и, по сути, представляет собой сложную статистическую обработку массива лингвистических данных, направленную на поиск закономерностей. Такая форма понимания текста совершенно несвойственна человеку, который не воспринимает текст на естественном языке как объем количественных данных, на основе которых нужно сделать статистически вероятные (но необязательно логичные или корректные) выводы. Напротив, человеческий мозг способен работать с очень небольшим количеством лингвистических данных и при этом достигать глубокого понимания, предлагать корректные интерпретации, выстраивать причинно-следственные связи, отмечать фактические и логические ошибки (Chomsky, 2023).

Разработчики систем машинного перевода (в том числе с использованием глубоких нейронных сетей) признают проблему ограниченной применимости данной технологии из-за отсутствия законченных результатов. Полностью автоматический и при этом высококачественный машинный перевод не может быть достигнут в принципе из-за отсутствия у компьютера обширных знаний о внеязыковой действительности, позволяющих понимать текст переводчику-человеку. Так, нейросетевые ресурсы по-прежнему не могут предложить корректный перевод для примера, предложенного в 1959 году Й. Бар-Хиллелом «*John was looking for his toy box. Finally, he found it. The box was in the pen. John was very happy*» (Bar-Hillel, 1960). Слово *pen* получает такие переводы, как *ручка* или *пенал*, тогда как наличие самых общих знаний о мире позволяет переводчику понять, что коробка с игрушками может поместиться только в *манеже* (*play pen*), и верно интерпретировать слово в контексте.

В подавляющем большинстве случаев профессионально ориентированного перевода результат работы различных систем машинного перевода — это так называемый черновой перевод или недоперевод, который нуждается в определенной доработке, а именно в последующем редактировании (постредактировании) переводчиком для достижения установленных в отрасли стандартов качества. Хотя с момента появления машинного перевода разработчики систем машинного перевода (далее — *МП-системы*) стремились уменьшить человекозависимость технологии и в идеале полностью исключить из процесса переводчиков (Нечаева, Светова, 2018), участие человека в процессе перевода с использованием МП-систем по-прежнему необходимо в случае, когда смысловые ошибки и искажения будут критическими.

За последние десятилетия технология машинного перевода значительно эволюционировала не только как направление технологических достижений, но и как повседневная практика и услуга, поэтому является обязательной составляющей подготовки будущих переводчиков. Исследователи призывают акцентировать внимание на применении современных технологий в ходе формирования профессионально релевантных компетенций будущих переводчиков (Вишневская и др., 2020). В настоящее время машинный перевод интегрирован в большинство программ автоматизированного перевода (computer-assisted translation (CAT)) — платформы компьютерно опосредованной коммуникации, оснащенные компьютерными переводческими инструментами (CAT-инструменты) и позволяющие организовать взаимодействие переводчика с электронными базами данных (глоссарии, словари, память переводов), МП-системами, а также другими акторами процесса перевода (заказчики, редакторы, менеджеры и т. д.) (Баринова, Овчинникова, 2021).

Появление нейронного машинного перевода (НМП) принципиально меняет некоторые аспекты постредактирования, потому что, как уже было отмечено, технология эффективно решает проблему анализа связей между словами в контексте и устраняет семантическую и синтаксическую неоднозначность. Некоторые исследования показывают, что высокое качество работы таких МП-систем может потенциально затруднить выявление и исправление ошибок в результатах машинного перевода в условиях двуязычного постредактирования, когда переводчик может неограниченно обращаться к оригинальному тексту и способен глубоко понять его содержание. Так, студенты-переводчики исправляют меньше ошибок при постредактировании результатов НМП, так как не могут увидеть их в обманчиво идеальном тексте, сгенерированном при помощи нейросети (Nunes Vieira, 2020). Хотя результат НМП, как правило, содержит значительно меньше ошибок, по сравнению с результатами гибридного машинного перевода, от переводчика, как представляется, требуется больше когнитивных усилий, направленных на более глубокий анализ и понимание текста оригинала и текста перевода при совершении меньшего количества правок. Так, в таблице 3 даны результаты постредактирования студентами фрагмента машинного перевода, приведенного в таблице 2, из которых очевидно, что студенты доверяют НМП-системам и считают, что она правильно поняла текст, при этом допущенная программой фактическая ошибка (в силу неоднозначности связей наречия *independently* в контексте) остается неисправленной.

Отметим типичные ошибки, совершаемые студентами при работе с программами нейронного машинного перевода и большими лингвистическими моделями:

1. **Смысловые ошибки.** Студенты не замечают присутствия в переводном тексте (ПТ) ложных логических умозаключений, разрушающих связь содержания с фоновыми знаниями читателя или искажающих авторскую точку зрения; отсутствует проверка ключевой информации в оригинале и переводе; уточнение перевода терминологических единиц (семантические сдвиги).

Таблица 3 / Table 3

**Ошибка в передаче значения наречия *independently*, не исправленная
в процессе постредактирования результатов машинного перевода**
**Inaccuracies in rendering of the adverb *independently* in machine translation
as an unaddressed error in post-editing**

Оригинал	Yandex GPT	Студент 1	Студент 2
It [beryllium] was first isolated independently by Wöhler and Bussy in 1828 who reduced the chloride with potassium	Впервые он был выделен независимо Вёлером и Бюсси в 1828 году, которые восстановили хлорид бериллия калием	Впервые он был получен химиками Ф. Велером и А. Бюсси в 1828 году действием калия на хлорид независимо друг от друга	Впервые он был независимо выделен Фридрихом Вёлером и Антуаном Бюсси в 1828 году, в результате восстановления хлорида калием

2. *Дискурсивные ошибки.* Студенты допускают искажение жанровых и стилистических признаков исходного текста; переводной текст не соответствует дискурсивным нормам принимающей культуры.

3. *Ошибки в передаче коммуникативной интенции автора.* Игнорирование необходимости прагматической адаптации ПТ (добавление дополнительной информации для восполнения недостающих у читателя фоновых знаний или для разъяснения сведений, которые автор подразумевает в тексте) наносит ущерб восприятию ПТ в принимающей культуре, приводит к непониманию авторских интенций, являющихся важной частью исходного сообщения.

Как следствие, при работе с системами НМП или большими лингвистическими моделями студентам необходимо отказаться от горизонтального (линейного) подхода к переводу, когда понимание исходного текста происходит непосредственно в процессе постредактирования — структуры исходного фрагмента текста сравниваются с соответствующими структурами в переводном фрагменте и вносятся необходимые изменения с опорой на переводческие трансформации. Более эффективной альтернативой может стать горизонтальный подход, предполагающий полное (глубокое) понимание исходного фрагмента текста, перед тем как переводчик проверит, насколько точно передано заключенное в нем сообщение средствами языка перевода.

Заключение

Широкое внедрение технологии НМП, а также использование больших лингвистических моделей как инструмента перевода обуславливает необходимость формирования у будущих переводчиков представлений об ограничениях данной технологии в области понимания и интерпретации текстов на естественном языке,

а также обучения определенным правилам использования МП-систем и эффективным стратегиям и тактикам постредактирования.

Анализ текста в процессе перевода или на этапе предпереводческого анализа в целях понимания представляет собой диалог с текстом, в ходе которого читатель задает вопросы по мере чтения (и находит на них ответы в тексте), заполняет информационные пробелы с опорой на собственный опыт и фоновые знания, осуществляет самоконтроль (сверка своих размышлений и предположений с текстом, их корректировка), различает и передает информацию разных типов (фактуальная, когнитивная, подтекстовая).

Отметим, что дальнейшее изучение различий между пониманием текста на естественном языке индивидуумом и автоматическим пониманием текста, смоделированным программными средствами, является актуальным для теории перевода и подготовки будущих переводчиков, так как может способствовать разработке более эффективных методов перевода с использованием самых современных компьютерных технологий и, как результат, улучшению качества постредактирования машинного перевода и расширению возможностей для взаимодействия человека и машины в контексте профессиональной деятельности переводчика.

Список источников

1. Гавриленко, Н. Н. (2018). Цифровая компетентность — ключевой компонент профессионализма переводчика. *Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики*, 3, 139–150.
2. Сулейманова, О. А., Нерсесова, Э. В., & Вишневская, Е. М. (2019). Технологический аспект подготовки современного переводчика. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 12(7), 313–317.
3. Тарева, Е. Г. (2018). Цифровая эпоха и педагогические профессии. *Вестник МГПУ. Серия: Философские науки*, 3(27), 85–90.
4. Тивьяева, И. В., & Михайлова, С. В. (2025). Искусственный интеллект — дань моде или реальная помощь учителю? *Русская словесность*, 1, 3–10.
5. Иванова, А. М., & Начинкина, Т. А. (2024). Обучение реферативному переводу в вузе: цифровой аспект. *Язык и культура в аспекте проблем языкового образования современной России* (с. 136–141). Материалы Международного форума, посвященного Году педагога и наставника и 200-летию со дня рождения К. Д. Ушинского. В 3 частях. ВГПУ.
6. Дейк ван, Т. А. (1989). *Язык. Познание. Коммуникация = Познание*. Сборник работ (И. В. Герасимов, пер., ред.). Прогресс.
7. Богин, Г. И. (2001). *Обретение способности понимать: Введение в герменевтику*. КГУ.
8. Соболева, О. В. (2010). *Психодидактическая концепция понимания текста школьниками на начальном этапе обучения* [Автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.07. Курск].
9. Измайлова, М. А., & Токатова, Л. Е. (2014). Оптимизация понимания в процессе работы с текстом. *Актуальные вопросы современной науки*, 33, 73–90.
10. Кинч, В., & Дейк ван, Т. А. (1988). Стратегии понимания связного текста. *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка*, 153–211. Прогресс.

11. Graesser, A. C., & Clark, L. F. (1985). *Structures and Procedures of Implicit Knowledge*. Praeger.
12. Прошина, М. В. (2022). Современные методы обработки естественного языка: нейронные сети. *Экономика строительства*, 5, 27–42.
13. Alamm, J., & Grootendorst, M. (2024). *Hands-On Large Language Models: Language Understanding and Generation*. O'Reilly Media.
14. Chomsky, N. The False Promise of ChatGPT. *The New York Times*. (08.03.2023). <https://dnyuz.com/2023/03/08/noam-chomsky-the-false-promise-of-chatgpt/>
15. Bar-Hillel, Y. (1960). A Demonstration of the Nonfeasibility of Fully Automatic High Quality Translation: Appendix III of The present status of automatic translation of languages. *Advances in Computers*, 1, 158–163.
16. Нечаева, Н. В., & Светова, С. Ю. (2018). Постредактирование машинного перевода как актуальное направление подготовки переводчиков в вузах. *Вопросы методики преподавания в вузе*, 7(25), 64–72.
17. Вишневецкая, Е. М., Гулиянц, А. Б., & Гулиянц, С. Б. (2020). Проблема определения ключевых компетенций переводчика. *Гуманитарные технологии в современном мире* (с. 529–534). Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. Вып. 1. Полиграфычъ.
18. Барина, И. А., & Овчинникова, И. Г. (2021). Влияние новых переводческих технологий на распознавание и классификацию ошибок перевода. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики*, 1, 8–25.
19. Nunes Vieira, L. (2020). Post-editing of machine translation. In M. O'Hagan (Ed.). *The Routledge Handbook of Translation and Technology* (ch. 19, p. 319–335).

References

1. Gavrilenko, N. N. (2018). Digital competence — key component a of translator's professionalism. *PNIPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 3, 139–150.
2. Souleimanova, O. A., Nersesova, E. V., & Vishneskaya, E. M. (2019). Technological aspect of modern interpreter training. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 12(7), 313–317.
3. Tareva, E. G. (2018). The digital age and the teaching profession. *MCU Journal of Philosophy*, 3(27), 85–90.
4. Tivyaeva, I. V., & Mikhailova, S. V. (2025). Artificial Intelligence — a tribute to fashion or a real help to the teacher? *Russkaya slovesnost'*, 1, 3–10.
5. Ivanova, A. M., & Nachinkina, T. A. (2024). Teaching abstract translation in higher education: the digital dimension. *Language and culture in the aspect of the problems of language education in modern Russia* (p. 136–141). Proceedings of the International forum dedicated to the Year of Teacher and Mentor and the 200th Anniversary of the Birth of K. D. Ushinsky. In 3 parts. VGPU.
6. Dijk van, T. A. (1989). *Language. Cognition. Communication = Cognition*. Collection of works (I. V. Gerasimov, Trans., Ed.). Progress.
7. Bogin, G. I. (2001). *Finding the capacity to understand: an introduction to hermeneutics*. KGU.
8. Soboleva, O. V. (2010). *Psychodidactic concept of text comprehension of schoolchildren at the initial stage of education* [Abstract of the dissertation for the PhD (Psychology): 19.00.07. Kursk].

9. Izmailova, M. A., & Tokatova, L. E. (2014). Optimising comprehension while working with text. *Aktual'ny'e voprosy` sovremennoj nauki*, 33, 73–90.
10. Kintsch, W., & Dijk van, T. A. (1988). Strategies of Discourse Comprehension. *New in foreign linguistics. Vol. 23. Cognitive aspects of the language*, 153–211. Progress.
11. Graesser, A. C., & Clark, L. F. (1985). *Structures and procedures of implicit knowledge*. Praeger.
12. Proshina, M. V. (2022). Modern methods of natural language processing: neural networks. *E`konomika stroitel'stva*, 5, 27–42.
13. Alammari, J., & Grootendorst, M. (2024). *Hands-On Large Language Models: Language Understanding and Generation*. O'Reilly Media.
14. Chomsky, N. The False Promise of ChatGPT. *The New York Times*. (08.03.2023). <https://dnyuz.com/2023/03/08/noam-chomsky-the-false-promise-of-chatgpt/>
15. Bar-Hillel, Y. (1960). A Demonstration of the Nonfeasibility of Fully Automatic High Quality Translation: Appendix III of The present status of automatic translation of languages. *Advances in Computers*, 1, 158–163.
16. Nechaeva, N. V., & Svetova, S. U. (2018). Post-editing of machine translation as a topical area of translation training at universities. *Teaching Methodology in Higher Education*, 7(25), 64–72.
17. Vishnevskaya, E. M., Guliyants, A. B., & Guliyants, S. B. (2020). The problem of defining the key competences of a translator. *Humanitarian Technologies in the Modern World* (p. 529–534). Collection of Articles of the VIII International Scientific and Practical Conference. Release 1. Poligrafych'.
18. Barinova, I. A., & Ovchinnikova, I. G. (2021). The impact of new translation technologies on the recognition and classification of translation errors. *PNRPU Linguistics and pedagogy bulletin*, 1, 8–25.
19. Nunes Vieira, L. (2020). Post-editing of machine translation. In M. O'Hagan (Ed.). *The Routledge Handbook of Translation and Technology* (ch. 19, p. 319–335).

Информация об авторах / Information about the authors

Екатерина Михайловна Вишневская — кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ.

Ekaterina M. Vishnevskaya — PhD (Pedagogy), Associate Professor of English Language and Linguodidactis Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Анна Михайловна Иванова — кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и переводоведения Института иностранных языков МГПУ.

Anna M. Ivanova — PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Linguistics and Translation Dudies, Institute of Foreign Languages, MCU.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, русскому языку, германским языкам, романским языкам, восточным языкам), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам.

Редакция просит авторов при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия «Филология. Теория Языка. Языковое образование» (далее — «Вестник»), руководствоваться данными требованиями к оформлению научной литературы, разработанными в соответствии с ГОСТ Р 7.07–2021 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Авторами статей «Вестника» могут быть ученые, исследователи (докторанты, аспиранты).

Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительного решения редколлегии включаются в рукопись одного из очередных номеров журнала **в порядке поступления**.

Не принимаются ранее опубликованные статьи и материалы, не отвечающие предъявляемым далее требованиям.

Журнал публикует только **оригинальные высококачественные научные работы** (не менее 85 % по результатам проверки в системе обнаружения текстовых заимствований «Антиплагиат»: <https://mgpu.antiplagiat.ru/>).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 82-1: 82-193.3

DOI

Строфика и жанровое разнообразие поэзии О. Уайльда

Николаева Марина Николаевна

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

NikolaevaM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0152-1647>

Аннотация. Статья посвящена Актуальность исследования обусловлена ... Статья направлена на раскрытие / обоснование / разработку ... Ведущим методом в исследовании выступил ... Выборка исследования включала ... В статье выявлено / обосновано / раскрыто ... Представленные в статье результаты / материалы позволяют ... (200–250 слов).

Ключевые слова: жанр, строфика, классическая стихотворная форма, катрен, терcet, рифма (3–15 слов / словосочетаний).

Для цитирования: Николаева, М. Н. (2022). Строфика и жанровое разнообразие поэзии О. Уайльда. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(45), _____. <https://doi.org/xxx>

Original article

UDC

DOI

Strophic and genre diversity of O. Wilde's poetry

Marina N. Nikolaeva

Moscow City University,

Moscow, Russia,

NikolaevaM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0152-1647>

Abstract. The article regards / features/ studies ... The study proves relevant due to ... The article aims at ... The principal research method is... The empirical data include ... The paper reveals / claims ... The findings contribute to ... 200–250 words.

Keywords: genre, stanza, classical poetic form, quatrain, tercet, rhyme (3–15 words).

For citation: Nikolaeva, M. N. (2022). Strophic and genre diversity of O. Wilde's poetry. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(45), _____. <https://doi.org/xxx>

Введение / Introduction

Творческая индивидуальность Оскара Уайльда, представителя англо-ирландской литературы, ключевой фигуры эстетизма и западноевропейского модернизма, формировалась под воздействием философско-эстетических доктрин Уолтера Пейтера, оксфордского наставника Уайльда и идей Джона Рёскина. Так, У. Пейтер утверждал, что «only organizing power of art could arrest the rush of time <...> and would allow the individual's awareness 'to burn always with this hard, gem-like flame'» (Varty, 2000, p. X).

Современные исследователи отмечают, что изучение творчества О. Уайльда «through a contextualized historical perspective has become an important approach» (Yang, 2020, p. 36). Мы согласны, что важно рассматривать творчество писателя с опорой на жизненные факты. Однако сформировавшийся за столетие «феномен Уайльда», который «проявился в особом внимании к личности О. Уайльда, в какой-то степени заслонила для многих его творчество не только в массовом сознании, но и в трудах исследователей, как его современников, так и уайльдоведов последующих поколений» (Луков, 2007).

Текст

Во введении четко формулируются цели и задачи. Концепция исследования базируется на доказанных научных положениях.

Методология исследования / Methodology

В разделе **Методология исследования** приводится обоснование выбора методологического подхода, дается описание эксперимента, материала и процедуры исследования. Текст

Текст текст текст текст

Результаты и дискуссия / Результаты исследования / Ход исследования / Results and discussion

В разделе **Результаты** приводится описание того, что было получено, а не сделано. Важно придерживаться последовательного логического изложения. Результаты иллюстрируются минимально необходимыми примерами. В разделе **Дискуссия** полученные результаты анализируются в контексте уже имеющихся данных. Рассматриваются возможные причины и следствия. Текст

Текст текст текст текст

Заключение / Conclusion

В **Заключении** подводятся теоретически, методологически и практически значимые итоги и перспективы исследования. Новая информация не вводится. Текст

Текст текст текст текст

Список источников

1. Varty, A. (2000). Introduction. *The Collected Poems of Oscar Wilde*. Wordsworth Edition Limited. III–XXVI.
2. Yang, Yu. (2020). The Aesthetics of Exhibitionism: Oscar Wilde as a Public Aesthete. *English Language, Literature & Culture*, 5(1), 36–44. <https://doi.org/10.11648/j.ellc.20200501.14>

3. Луков, Вл. А., & Соломатина, Н. В. (2007). *Феномен Уайльда: тезаурусный анализ*. Издательство Московского гуманитарного университета. https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov%26Solomatina_Wilde/
4. Чупрына, О. Г., Баранова, К. М., & Меркулова, М. Г. (2018). Судьба как концепт в языке и культуре. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 3, 120–125.
5. Тетельман, А. И. (2007). *Взаимодействие жанров в творчестве Оскара Уайльда* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Казань].
6. Рауд, Н. П. (2007). *Образный строй поэзии Оскара Уайльда* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Санкт-Петербург].
7. Бахнова, Ю. А. (2010). *Поэзия Оскара Уайльда в переводах поэтов Серебряного века* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Томск].
8. Уайльд, О. (2017). *Критик как художник. Искусство и действительность*. Рипол Классик.
9. Николукин, А. Н. (Ред.). (2001). *Литературная энциклопедия терминов и понятий*. Интелвак.
10. *Твердые стихотворные формы*. (2021, 18 мая). <https://myfilology.ru//137/tverdye-stikhotvornye-formy>
11. Бехер, Р. И. (1965). Философия сонета, или Маленькое наставление по сонету. *Вопросы литературы*, (10), 190–208.
12. Николаева, М. Н. (2015). Языковые особенности стихотворных «пейзажных картин» О. Уайльда. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(17), 50–57.

References

1. Varty, A. (2000). Introduction. *The Collected Poems of Oscar Wilde*. Wordsworth Edition Limited. III–XXVI.
2. Yang, Yu. (2020). The Aesthetics of Exhibitionism: Oscar Wilde as a Public Aesthete. *English Language, Literature & Culture*, 5(1), 36–44. <https://doi.org/10.11648/j.ellc.20200501.14>
3. Lukov, Vl. A., & Solomatina, N. V. (2007). *Phenomenon of O. Wilde's: thesaurus analysis*. Moscow Humanities University Publishing house. https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov%26Solomatina_Wilde/ (In Russ.).
4. Chupryna, O. G., Baranova, K. M., & Merkulova, M. G. (2018). Fate as a concept in language and culture. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 3, 120–125. (In Russ.).
5. Tetelman, A. I. (2007). *Genre interrelation in O. Wilde's works* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Kazan]. (In Russ.).
6. Raud, N. P. (2007). *Image system in O. Wilde's poetry* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Saint-Petersburg]. (In Russ.).
7. Bakhnova, Yu. A. (2010). *O. Wilde's poetry in Silver Age poets' translation* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Tomsk]. (In Russ.).
8. Wilde, O. (2017). *Critic as artist. Art and reality*. Ripol Klassik. (In Russ.).
9. Nikol'yukin, A. N. (Ed.). (2001). *Literary encyclopaedia of terms and concepts*. Intelvak. (In Russ.).
10. *Fixed verse*. (2021, May 18). <https://myfilology.ru//137/tverdye-stikhotvornye-formy/> (In Russ.).
11. Beher, R. I. (1965). Sonnet philosophy or a small guidebook on sonnets. *Voprosy literatury*, (10), 190–208. (In Russ.).
12. Nikolaeva, M. N. (2015). Language features of O. Wilde's Impressionism poems. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1 (17), 50–57. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Марина Николаевна Николаева — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Marina N. Nikolaeva — PhD (Philology), Docent, Associate Professor of English Philology Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Рукопись статьи отправляется по электронной почте секретарям «Вестника» (Н. В. Матюшина, И. И. Матвеева) **в зависимости от принадлежности статьи той или иной тематике:**

– литературоведение (иностранные языки), германистика, романистика, теория языка, теория межкультурной коммуникации языковое образование, лингводидактика (иностраннный язык): matushinanv@mgpu.ru;

– литературоведение (русский язык, славянские языки), русистика, языковое образование: vestnikmgpu@mail.ru

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование».

MCU Journal

of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education

2025, № 2 (58)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82093 от 17 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор педагогических наук, профессор *Е. Г. Тарева*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденеева*

Редактор:

Е. С. Терновскова

Корректор:

К. М. Музамилова

Перевод на английский язык:

Н. В. Матюшина,

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 17.07.2025 г.

Формат: 70 × 108 1/16. Бумага: офсетная.

Объем: 13 печ. л. Тираж: 1000 экз.